

СПЕЦСЛУЖБЫ

вчера
и сегодня



М. Алексеев

**Советская
военная разведка
в Китае
и хроника
«КИТАЙСКОЙ СМУТЫ»
(1922–1929)**

Спецслужбы вчера и сегодня

Михаил Алексеев

**Советская военная
разведка в Китае и хроника
«китайской смуты» (1922-1929)**

«Кучково поле»

2010

Алексеев М. Н.

Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922-1929) / М. Н. Алексеев — «Кучково поле», 2010 — (Спецслужбы вчера и сегодня)

В труде освещена вся история работы советской военной разведки в Китае с ее успехами и неудачами от конца Гражданской войны до начала 30-х годов XX в. Раскрыта масса новых, доселе неизвестных имен советских разведчиков и проанализированы результаты их работы. Описание деятельности военной разведки дается на фоне сложных и противоречивых событий внутривосточной жизни Китая – "китайской смуты". Работа снабжена комментариями и примечаниями и представляет интерес как для сотрудников спецслужб, так и для широкого круга читателей. Она является по существу предысторией другого фундаментального труда – "Ваш Рамзай", посвященного советскому разведчику Рихарду Зорге.

© Алексеев М. Н., 2010

© Кучково поле, 2010

Содержание

Пролог	5
1. Китайская империя и экспансия иностранных государств	5
2. Учреждение Китайской Республики и всплеск борьбы за власть в стране (1911–1918)	13
3. Советская Россия и Китай после Первой мировой войны (1918–1922)	19
Глава 1	27
1.1. «Международная коммунистическая партия»	28
1.2. Усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом по созданию в Китае дружественного государства (1922–1926)	37
1.3. Кризис в отношениях с Гоминьданом (март 1926 – март 1927 г.)	56
1.4. «Пока этот подводный риф [СССР] не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед...»	62
1.5. Первые шаги военной разведки в Китайской Республике	65
1.6. «Узнать тысячу способов легко, добиться одного результата трудно»	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Михаил Алексеев

Советская военная разведка в Китае и хроника «китайской смуты» (1922–1929)

Пролог

Китай – это больше, чем отдельное государство, это отдельная цивилизация

1. Китайская империя и экспансия иностранных государств

Китайская империя на протяжении всей своей истории являлась многонациональным государством, насчитывавшим 56 народностей. Однако подавляющее большинство – свыше 90 % населения – составляли ханьцы.

Надо сказать, что по численности населения Китай всегда намного опережал все прочие страны мира, избыточность людского ресурса порождала в китайском обществе, особенно в последние столетия, немало серьезных проблем. Повсеместно 15–20 % жителей в китайской деревне не имели ни земли, ни работы. В старом Китае постоянно голодали миллионы, каждый год десятки и сотни тысяч умирали голодной смертью. По официальным оценкам правительственных органов, население Китая по состоянию на 1931 г. значительно превышало 400 млн человек.

В XVIII – первой половине XX в. соотношение между сельским и городским населением оставалось достаточно стабильным, и в наиболее развитых районах низовий Янцзы городское население достигало 20 %.

С начала II в. до н. э. и до начала XX в. в Китайской империи официальной государственной идеологией являлось конфуцианство. Оно определило менталитет, образ жизни и систему ценностей в Китае вплоть до наших дней. Согласно этому учению, власть правителя (государя) считалась священной, дарованной Небом. Конфуций¹ сформулировал свой образ идеального человека в качестве модели для подражания – *цзюньцзы* (сын правителя, т. е. благородный).

Социальный порядок, по Конфуцию, заключался в том, что в государстве, как и в семье, старшие должны управлять, а младшие подчиняться и быть объектом заботы. Каждый должен знать свое место и выполнять положенные ему функции – только тогда и будет достигнут высший порядок, а вместе с ним и желанная социальная гармония. Идеология Китайской империи утверждала неизбежность и необходимость иерархии в обществе и равенство между людьми признавала лишь как равенство возможностей в образовании, карьере или обогащении, т. е. как данность, устанавливаемую Небом. Для китайцев все общественные отношения определялись так называемыми пятью постоянствами человеческой жизни, а именно отношениями между правителем и подданным, отцом и сыном, мужем и женой, младшими и старшими, братьями и друзьями.

Отличие государства от семьи вполне осознавалось, но это было отличие вторичного характера, количественное, а не качественное. Заключалось же оно в том, что в отличие от отца в семье один государь не в состоянии управлять всеми, ему нужны хорошие помощники. Хорошими же помощниками могут стать лишь те, кто ориентируется на идеал цзюньцзы. Развивая идею социальной гармонии, Конфуций выдвинул идеал сяо – сыновней почтительности,

лежавшей в основе возвеличенного им культа предков. Культ предков и сяо в принципе упорядочивали социальные отношения людей на низовом, массовом уровне.

Конфуций считал, что люди не равны и не могут быть равными по их положению в семье и обществе, но каждый должен хорошо уяснить свое место – при всем том, что оно не неизменно, а, напротив, меняется со временем и в зависимости от обстоятельств. И человек сам в определенной степени хозяин своей судьбы, ибо от него, его способностей, добродетели, стараний и иных качеств многое зависит в его жизни, несмотря на то что многие привилегии уже при рождении получают высокопоставленные, власть имущие и богатые. Но формально каждый человек, стремящийся к идеалу, может пробиться в высшее сословие.

К 1644 г. Китай был завоеван маньчжурами, и на всей территории страны упрочилась Цинская династия. Маньчжурский правитель – император – в соответствии с китайской традицией именовался Сыном Неба и считался лицом священным, посредником между Небом и людьми. Сын Неба совмещал в своей деятельности верховное законодательное и административное начала. Маньчжуры, насчитывавшие накануне завоевания 100-миллионной империи всего лишь 700 тыс. человек, утвердили свое господство над китайским народом. Завоеватели-маньчжуры составляли замкнутую касту. В китайской империи не было родовитой аристократии. Правда, члены императорского дома имели знатные титулы, однако эта знать ограничивалась кругом родственников. Равным образом и военное сословие в Китайской империи не имело самостоятельного значения.

С древности правящий класс в Китае был представлен слоем «ученых-чиновников», обладающих властью благодаря своей образованности и добродетели. Позднее чиновники, обладатели ученых званий, получили собирательное название *шэньши*, т. е. «имеющие пояса», что являлось внешним признаком принадлежности к образованной части общества.

Помимо чиновников китайцы традиционно различали еще три «класса народа»: земледельцев (*пун*), ремесленников (*гун*) и торговцев (*шан*).

В административном отношении китайская держава делилась на 18 провинций, во главе которых были поставлены губернаторы. Каждая провинция, в свою очередь, делилась на десять областей, а область состояла из уездов; во второй половине XVIII в. их было примерно полторы тысячи.

Китайцы с древности тщательно разработали принципы самого совершенного управления государством – управления с помощью бюрократии – и с большим искусством претворили их в жизнь. Бюрократическая концепция власти в Китае включала в себя следующие пункты:

- введение общих для всего государства законов и регламентов и строгое их исполнение;
- детальное разграничение обязанностей и компетенции всех подданных империи и в первую очередь государственных служащих;
- применение поощрений и наказаний в качестве средства контроля за подданными империи и привлечение на государственную службу наиболее достойных;
- учреждение эффективного надзора за соблюдением государственных предписаний.

Настойчивое применение правителями Китая этих принципов позволило со временем создать в стране достаточно компактный бюрократический аппарат, который сумел обеспечить единство и стабильность гигантской империи. Трехсотмиллионным государством к концу XVIII в. управляли всего 27 тыс. *шэньши* — чиновников (из них 20 тыс. – гражданские, 7 тыс. – военные).

Развитие императорского Китая невозможно представить без развития китайской бюрократии – слоя *шэньши* и всех сопутствующих этому слою социальных институтов. С этой точки зрения цинский Китай являлся в какой-то мере воплощением представления Конфуция об обществе, где не родовитость и богатство, а знания и образованность лежат в основе высокого общественного положения.

Со времени завоевания Китая маньчжурские императоры проводили политику строгой изоляции своей огромной империи от внешнего мира.

К началу XVII в. в России отсутствовало реальное представление о Китае. Сведения о том, что все государство окружено кирпичной стеной, склоняли к мысли, что территория Китая невелика. И все же в начале XVII столетия в Китай был отправлен томский казак Иван Петлин с целью установления торговых отношений. Это было первое после присоединения Сибири русское посольство в Китай. Петлин и его спутники выехали из Томска 9 мая 1618 г. Проследовав через Западную и Южную Монголию, в августе 1618 г. они добрались до границ Китайской империи. Петлин вручил китайскому императору грамоту, предлагавшую установить торговые отношения с Китаем, после чего благополучно вернулся в Россию.

Практической пользы эта дипломатическая миссия не принесла, но она внесла важный вклад в изучение стран Дальнего Востока. Составленные И. Петлиным «Роспись Китайскому государству...» и «Чертеж Китайского государства» содержали важные сведения географического, этнографического и политического характера. При этом использовались не только собственные наблюдения, но и устные сведения, полученные от бурят («бращокого татарина») и русских пленников.

В 1654 г., после посещения Москвы монгольским послом, из Тобольска в Пекин был направлен боярский сын Федор Исаакович Байков с царской грамотой, подарками и 50 000 рублями. Он получил подробный наказ собирать сведения о дорогах и о возможностях торговли. Лишь через четыре года русский посол вернулся в Москву. Официальное поручение – установить с Пекином «приятную дружбу без урывку» – выполнено не было. Принят он был холодно, а китайские хроники расценили его появление как принесение дани от русского государя («белого царя»). Отказ выполнить унижительный придворный этикет и незнание языков существенно осложнили ведение переговоров.

Миссия Ф. И. Байкова сыграла значительную роль в истории изучения Китая. Статейный список Байкова с подробным описанием пути в Китай, китайских обычаев и нравов вызвал живой интерес. Копия списка попала к иностранным дипломатам в Москве и скоро стала известна в Европе во французском, латинском, немецком, английском и голландском переводах.

В 1675 г. в Китай было снаряжено особое посольство, во главе которого был поставлен переводчик Посольского приказа Николай Гаврилович Спафарий (Милеску Николае Спэтарул). Посольству был придан характер научной экспедиции. В огромной свите Спафария находились образованные люди (главным образом греки) для отыскания лекарств, «для зная каменного» и т. п. Были взяты с собой все необходимые инструменты. Поездка была тщательно подготовлена: сделаны выписки из западной литературы о Китае, выверены чертежи. В Тобольске Спафарий беседовал со ссыльным хорватом Юрием Крижаничем, который передал ему свои записки о китайских делах и «письмецо о китайском торгу».

Спафарий, получивший прекрасное образование в Стамбуле и служивший в качестве дипломата в странах Западной Европы, мог вести переговоры в Пекине через живших там иезуитов. От них же он сумел получить довольно много ценной информации о Китае. Сведения иезуитов подвергались проверке посредством опроса русских казаков, приезжавших в пограничные китайские города и близко общавшихся с местным населением. Спафарий оставил обширный труд с подробным описанием областей Китая, которые он смог посетить. Из литературных источников и со слов иезуитов он много узнал и о южной части Китая, о Японии, Корее.

И на этот раз дипломатические цели посольства достигнуты не были. Спафарий, несмотря на аудиенцию у самого императора Канси (1654–1722, император с 1662 г.), не получил от него даже ответной грамоты. Однако его труд «Описание первой части мира, называемой Азия, в которой находится Китайское государство с остальными городами и провинци-

ями», написанный в 1677 г., вскоре стал широко известным в Европе и внес важный вклад в исследование Дальнего Востока.

Европейцы, появившиеся в Китае еще в XVI в., долгое время добивались для себя свободы торговли. На протяжении многих веков экспорт товаров из Китая преобладал над импортом. В Европе среди высших слоев общества огромным спросом пользовались чай, шелковые ткани, китайский фарфор. За купленные товары иностранцы расплачивались серебром. Китайский внутренний рынок, фантастически емкий по европейским масштабам, был ориентирован на местное производство. Английские торговцы упорно пытались навязать товар, который был бы принят китайским рынком. Но китайский рынок отторгал все, что ему предлагали, включая английское сукно и индийский хлопок. И все же такой товар в конечном счете был найден – им оказался опиум.

Опиум был известен в Китае как медицинское средство начиная с VIII в. Однако как наркотическое вещество опиум становится известен только с XVIII в. и широко распространяется среди жителей некоторых приморских провинций Южного Китая, превращаясь в серьезную общественную проблему. В 1839 г. по распоряжению генерал-губернатора в Гуанчжоу была конфискована и сожжена огромная партия опиума, принадлежавшего английским купцам.

Это и послужило поводом для вооруженной интервенции. Началась первая опиумная война, завершившаяся подписанием в 1842 г. Нанкинского договора, по которому пять портов Китая были открыты для иностранной торговли. В следующем году англичане добились от цинского правительства права экстерриториальности и создания своих поселений в открытых портах. Через год к этим неравноправным договорам присоединились Франция и США, а затем и другие европейские государства.

Задолго до этого (с 1715 г) Российская империя имела на китайской территории Русскую духовную миссию, официально направленную в Китай в целях «пастырского надзора за потомством албазинцев» (жителей даурского поселения Албазин на Амуре – спорной территории между двумя странами) и распространения христианства среди китайцев. Фактически Русская духовная миссия являлась негласным дипломатическим и торговым представительством России в Пекине, откуда поступала крайне ценная информация о стране пребывания, закрытой для остального мира.

В 1858 г. был подписан Айгунский договор о русско-китайской границе. В этом же году между Китаем и рядом иностранных государств – Англией, Францией, США и Россией – были заключены Тяньцзинские договоры, которые значительно расширяли политические и торговые права иностранных держав в Китае. Однако спустя год китайская сторона отказалась от ратификации как Айгунского, так и Тяньцзинского договоров.

В марте 1859 г. в Пекин в качестве чрезвычайного посланника был направлен 27-летний генерал-майор Николай Павлович Игнатъев² с целью урегулирования спорных вопросов, относившихся к Айгунскому договору, и предоставления России прав на сухопутную торговлю во внутренних районах Китая. Вначале китайцы решительно отклонили предложения Игнатьева и предписали ему незамедлительно покинуть страну.

Тем временем англичане с французами открыли военные действия против Китая и в октябре 1860 г. заняли северную часть Пекина. Иностранные державы предъявили китайцам ультиматум, угрожая свержением маньчжурской династии и разрушением столицы. Императорский двор был в полной растерянности. Император бежал из столицы, оставив в качестве уполномоченного для ведения переговоров князя Гуна, своего младшего брата. В этот критический момент китайская делегация обратилась к генералу Игнатьеву с просьбой о помощи и посредничестве. Игнатьев к этому времени уже ознакомился с ультиматумом союзников и заручился их согласием на принятие посредничества. «Примите наши требования, – убеждал Н. П. Игнатьев китайцев, – обещайте следовать нашим советам в своих действиях и отношениях с союзниками, и я ручаюсь, что Пекин будет спасен и что маньчжурская династия оста-

нется на престоле.» Гун принял условия русского представителя и тем самым сохранил на троне маньчжуров.

14 ноября 1860 г. был подписан Пекинский договор. Гун объявил Н. П. Игнатьеву, что подписывает договор «...в знак благодарности за оказанные благодеяния».

Пекинский договор подтвердил Айгуньский и Тяньцзинский договоры. Он определил восточную границу между владениями России и Китая. Согласно этому договору, Уссурийский край окончательно перешел под юрисдикцию России. Россия получила право беспопыльной сухопутной торговли вдоль всей восточной границы и в Кашгаре, в китайском Восточном Туркестане. В Урге (ныне Улан-Батор) и Кашгаре русскому правительству разрешалось учреждать свои консульства.

1860 г. ознаменовал новый этап проникновения западных держав в Китай. Агрессивные военные действия, развязанные Англией и Францией против Китая, закончились подписанием в 1860 г. Пекинского соглашения. Согласно этим соглашениям, иностранные государства получали право иметь свои представительства в Пекине, заключать выгодные концессионные соглашения, их торговцам и миссионерам разрешалось свободно передвигаться по Китаю и покупать землю. Иностранцы создавали в Китае свои особые поселения – сэттльменты, на которые не распространялась юрисдикция цинских властей. Стали складываться европейские общины, которые имели свои клубы и ассоциации, издательства, газеты, банки и даже полицию. Как посредник между Китаем и Западом наибольшее значение приобрел Шанхай, который за короткий срок превратился в крупнейший порт и промышленный центр Китая.

В 1851–1864 гг. по Китаю прокатилось одно из крупнейших народных восстаний – Тайпинское восстание, направленное против Цинской династии. В первое время правительственные силы терпели поражения от восставших. Перелом в военных действиях был связан не столько с активностью войск центрального правительства, сколько с формированием по разрешению цинского правительства новых вооруженных сил – нерегулярных армий, находившихся под контролем китайских чиновников-военачальников в тех районах, по которым прокатились волны тайпинского нашествия.

Таким образом, были заложены основы явления, которое впоследствии получило название «региональный милитаризм» и имело весьма важные политические последствия для развития Китая. Суть его состояла в том, что ослабленная внутренними смутами и внешними вторжениями императорская власть была уже не способна удерживать страну в рамках системы централизованного контроля. «Региональными милитаристами» были не маньчжуры, а представители китайской по своему происхождению чиновничьей элиты. Региональные армии создавались уже по европейскому образцу и нередко имели иностранных инструкторов. Начался упадок традиционной китайской государственности.

В 1891 г. русское правительство приступило к строительству Великого Сибирского пути. Первоначально планировалось вести Транссибирскую магистраль по Амурской дуге – по российской территории. Однако министр путей сообщения и финансов С. Ю. Витте считал, что России следовало добиваться от Китая разрешения на строительство Сибирской железной дороги «по прямой» – через Маньчжурию к Владивостоку. Осуществление этого проекта должно было обеспечить быструю переброску русских войск на Дальний Восток, подчинить русскому влиянию экономику Маньчжурии и прилегающих к ней провинций, предотвратить японскую агрессию против Кореи.

В 1896 г. между Россией и Китаем был заключен русско-китайский «Договор о союзе и постройке Китайско-Восточной железной дороги» (КВЖД). Статья 1 договора предусматривала военный союз, который должен был вступить в силу в случае нападения Японии на Россию, Китай или Корею. В статье 4 договора указывалось, что «...китайское правительство соглашается на сооружение железнодорожной линии через китайские провинции Амурскую и Гириинскую в направлении на Владивосток». В том же 1896 г. между китайским правительством

и Русско-Китайским банком (был учрежден с участием русского и французского капиталов для реализации франко-русского займа Китаю), впоследствии – Русско-Азиатским банком, был подписан контракт на постройку и эксплуатацию КВЖД. Это была юридическая фикция, имевшая своей целью скрыть участие русского правительства в проекте. Предусматривалось также учреждение Русско-Китайским банком Общества Китайско-Восточной железной дороги, которое и должно было осуществлять постройку и эксплуатацию железнодорожной магистрали. Для Общества КВЖД была избрана акционерная форма. Из всего пакета в 1000 акций (по 5 тыс. рублей каждая) 700 предназначались для русского правительства, 300 – для частных лиц (ими стали руководители Русско-Китайского банка).

По контракту России предоставлялось право эксплуатации дороги в течение 80 лет со дня открытия движения, после чего железная дорога бесплатно переходила во владение Китая. Вместе с тем китайскому правительству предоставлялось право «... через 36 лет выкупить эту линию, возместив полностью все затраченные капиталы и все сделанные для означенной линии долги с наросшими процентами».

Обществу КВЖД предоставлялись всевозможные привилегии: «... безусловное и исключительное управление своими землями», право сооружения телеграфа, доходы общества освобождались от налогов. Общество было свободно от какого бы то ни было контроля со стороны китайского правительства. Состав управления дороги, назначение и увольнение руководящих сотрудников подлежали утверждению русским министром финансов.

В 1903 г. строительство дороги было завершено. Протяженность линии составила более 7,5 тыс. км. На строительство КВЖД царское правительство потратило около 375 млн рублей золотом. Общество КВЖД в своих интересах приобретало пароходы для организации морского судоходства. Во многих портах Дальнего Востока были устроены склады, конторы и даже пристани. Общество владело телеграфом, телефонными станциями, производило добычу угля, заготовку древесины, вело разведку полезных ископаемых в различных районах Маньчжурии. Россия получила от Китая на территории КВЖД те же права и привилегии, что и другие державы в Китае: экстерриториальность в Маньчжурии для русских подданных, право ввести свои войска для охраны дороги в «полосе отчуждения» и пр. Полоса отчуждения – коридор вдоль Китайско-Восточной железной дороги шириной 9 верст (9,6 км) по сторонам от линии – стала своеобразным государством в государстве.

Согласно Русско-китайской конвенции 1898 г., Россия получала в арендное («полное и исключительное») пользование на 25 лет Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь) вместе с прилегающим водным и территориальным пространством (Ляодунский полуостров). Общество КВЖД также получало право на строительство соединительной ветви от одной из станций магистральной линии до Дальнего – южной ветки Китайско-Восточной железной дороги, получившей впоследствии название Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД), от Дальнего до Чанчуня.

В сентябре 1899 г. правительство США обратилось к другим державам с нотой, в которой предлагалось соблюдать равенство возможностей в торговле с Китаем. В последующем эта инициатива получила название доктрины «открытых дверей».

20 июня 1900 г. пекинское правительство объявило войну иностранным державам. В столицу вошли отряды членов тайного общества «Ихэцюань» («Кулак, поднятый во имя справедливости и гармонии»), движение которых начало развиваться еще осенью 1898 г. в провинции Шаньдун. Ихэ-цюаньцы выступили против чужеземного засилья и совместно с цинскими войсками начали осаду иностранных миссий и концессий в столице Китая. Существенный ущерб был нанесен строившейся КВЖД. 40-тысячная армия из частей, представленных восемью державами (Великобритания, Германия, США, Франция, Россия, Япония, Австро-Венгрия и Италия), подавила восстание ихэтуаней («боксерское» восстание) и в августе 1900 г. заняла Пекин.

Победители не смогли договориться между собой относительно раздела Китая и решили сохранить у власти цинский двор, добившись от него дальнейших уступок, закреплявших, по существу, полуколониальный статус страны. Китай обязывался уплатить иностранным державам в течение 39 лет огромную контрибуцию в размере 450 млн таэлей. Для обеспечения уплаты контрибуции иностранные государства получили право контролировать процедуру сбора таможенных пошлин и соляного налога. Им разрешалось также иметь в центральной части столицы укрепленный «посольский квартал» и размещать свои гарнизоны в 12 других стратегически важных пунктах Китая.

На рубеже XIX–XX вв. в своем окончательном виде сложились сферы влияния западных держав. Регионом преимущественного экономического проникновения Англии стал юг Китая: Англия арендовала сроком на 99 лет большую часть полуострова Цзюлун с прилегающими островами, включая Сянган (Гонконг), а также провинции среднего течения Янцзы.

Согласно Симоносекскому договору, заключенному между Японией и Китаем 17 апреля 1895 г. в г. Симоносеки (Япония) после поражения Китая в Японо-китайской войне 1894–1895 гг., Япония отторгла от Китая о. Тайвань, получила огромную контрибуцию и право занятия промышленной деятельностью в Китае для своих подданных. Сферой влияния Японии стали также провинции нижнего течения Янцзы (главным образом Фуцзянь).

Франция стремилась утвердиться в южных провинциях Китая, прилегавших к ее владениям в Индокитае (Юньнань, Гуанси, Гуандун).

Германия установила контроль над Шаньдуном.

Основные интересы России были сосредоточены в Маньчжурии, где нарастало соперничество с Японией.

Русско-японская война 1904–1905 гг. изменила расстановку сил в Маньчжурии. Согласно Портсмутскому мирному договору 1905 г., Россия уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, признавала Корею сферой японского влияния и уступала Японии Южный Сахалин. Японии также отходила южная ветвь КВЖД – этот участок дороги Япония перестроила на свою колею.

В начале XX в. в провинциях Южного и Восточного Китая стали возникать различные антиманьчжурские организации. Одним из признанных лидеров революционного движения являлся Сунь Ятсен³. В конце 1894 г. Сунь Ятсен создал первую в истории Китая революционную организацию – «Союз возрождения Китая». Первоначально малочисленный союз объединил патриотически и антиманьчжурски настроенных молодых выходцев из социальных слоев, уже соприкоснувшихся с европейской культурой и западным образом жизни. Цели этой организации нашли свое отражение в клятве, которую произносили вступающие в союз: «...Изгнать маньчжуров, восстановить государственный престиж Китая, учредить демократическое правительство». В 1905 г. на основе объединения революционных организаций, в число которых входил «Союз возрождения Китая», был образован «Китайский революционный объединенный союз». В основу программы этой организации были положены сформулированные Сунь Ятсеном три «народных принципа»: национализм, народовластие и народное благосостояние. Под «национализмом» Сунь Ятсен понимал свержение Цинской династии и восстановление суверенитета китайской (ханьской) нации. «Народовластие» трактовалось им как ликвидация монархического строя и учреждение республики. Принцип «народного благосостояния» содержал в себе уравнивание прав на землю, т. е. проведение постепенной национализации земли путем введения прогрессивного налога на землю.

15 ноября 1908 г. умерла императрица Цыси, фактически правившая страной с 60-х гг. XIX в. За день до этого при не вполне выясненных обстоятельствах умер ее племянник, император Гуансюй, которого она отстранила от власти еще в 1898 г. Императором был провозглашен малолетний Сюань-тун (Пу И), от имени которого Китаем стал править его отец, великий князь-регент Цзай Фэн, брат Гуансюя.

Смерть императрицы Цыси ускорила подготовку к проведению императорским правящим домом конституционных реформ. Маньчжурские власти обещали ввести в стране конституционное правление в 1913 г. Однако все эти запоздалые меры, предпринимаемые правительством, были уже не в силах изменить ход событий и удержать у власти Цинскую династию.

2. Учреждение Китайской Республики и всплеск борьбы за власть в стране (1911–1918)

Углубление и обострение кризиса Маньчжурской империи в течение 1911 г. привело к тому, что осенью того же года мощный социально-политический взрыв положил ей конец: лишь три из 18 провинций собственно Китая формально еще признавали власть маньчжурского правительства.

В этих условиях цинское правительство призвало на помощь влиятельную политическую и военную фигуру – Юань Шикая⁴, находившегося в опале после смерти императрицы Цыси. Получив от цинского двора пост главнокомандующего и главы правительства, Юань Шикай наряду с военными действиями против революционеров начал секретные переговоры с отдельными группировками республиканского Юга Китая. Парадоксальность ситуации была в том, что Юань Шикай оказался приемлемой фигурой для самых различных политических сил. Умело маневрируя между маньчжурами и республиканцами, он готовился к захвату власти.

29 декабря 1911 г. конференция собравшихся в Нанкине представителей провинций, отделившихся от цинского правительства, избрала вернувшегося из эмиграции Сунь Ятсена временным президентом Китайской Республики и поручила ему формирование временного революционного правительства. На базе конференции представителей провинций в последующем было создано Национальное собрание. 1 января 1912 г. стало днем официального провозглашения Китайской Республики. Республиканское правительство попыталось прежде всего отменить многие средневековые установления и обычаи. Были изданы указы, запрещающие курение опиума, применение пыток при допросах, торговлю людьми. Главным же достижением правительства в области нормотворчества были подготовка и принятие временной конституции Китайской Республики, разработанной под руководством Сунь Ятсена. Конституция провозгласила равноправие всех граждан «независимо от расы, класса и религии», право частной собственности и свободу предпринимательства, основные демократические свободы (неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, свобода организаций).

Иностранные державы тем временем продолжали признавать цинское правительство и передавать ему средства, собиравшиеся контролируемые ими таможнями на территории революционных провинций. Из-за этого республиканские власти лишались основного источника финансовых поступлений.

Юань Шикай, узнав об избрании Сунь Ятсена временным президентом, первоначально считал возможным пойти на соглашение с Югом только на основе признания конституционной монархии. Однако окончательно убедившись в невозможности достигнуть соглашения на таких условиях, Юань Шикай решает принести в жертву монархический режим. 12 февраля 1912 г. он вынуждает вдовствующую императрицу от имени последнего императора Цинской династии – малолетнего Пу И отречься от престола. После 267-летнего господства в последних числах года *синьхай* (по традиционному календарю) рухнула власть маньчжурской династии.

На следующий день Сунь Ятсен сложил свои полномочия временного президента и выдвинул на этот пост Юань Шикая. 15 февраля 1912 г. Национальное собрание избрало Юань Шикая новым временным президентом. В августе 1912 г. в Пекине состоялся учредительный съезд новой партии, на котором к объединенному союзу присоединились еще четыре немногочисленные политические организации республиканской буржуазии. Новая партия стала называться Китайской национальной партией (Чжунго Гоминьдан) – Гоминьданом, руководителем которой стал Сунь Ятсен.

Правильность взятого курса на создание массовой парламентской партии подтвердили результаты выборов в парламент, на которых Гоминьдан добился убедительной победы (из-

за различных ограничительных цензов в выборах принимало участие всего 10 % населения страны). Победив на парламентских выборах, Гомиьндан, естественно, претендовал на формирование правительства. Однако Юань Шикай не допустил перехода власти в руки Гомиьндана. 6 октября 1913 г. были проведены выборы президента, и Юань Шикай добился своего избрания. Последовала полоса международного признания республиканского правительства.

Опыт парламентской деятельности Гомиьндана в конечном счете закончился плачевно. В ноябре 1913 г. Юань Шикай со ссылкой на «пожелания провинциальных властей» издал указ о роспуске Гомиьндана и лишил гомиьндановских депутатов парламента их мандатов. Сунь Ятсен и многие его соратники по партии были вынуждены эмигрировать за границу.

В январе 1914 г., готовясь к установлению в стране своей единоличной диктатуры, Юань Шикай распустил обе палаты парламента. В мае того же года он заменил принятую ранее конституцию новой, согласно которой вся власть в стране – исполнительная, законодательная и судебная – оказывалась в руках президента.

В июле 1914 г. Гомиьндан был реорганизован Сунь Ятсеном в Китайскую революционную партию (Чжунхуа Гэмьндан). Вновь брался курс на «политическую революцию». Основной задачей Китайской революционной партии объявлялась борьба против милитаристской клики Юань Шикая, за восстановление демократических учреждений и конституции 1912 г.

После начала Первой мировой войны китайское правительство объявило о своем нейтралитете и обратилось к воюющим державам с просьбой не переносить военные действия на территорию Китая, в том числе и на «арендованные» иностранными государствами китайские земли. Однако 22 августа 1914 г. Япония объявила о состоянии войны с Германией и высадила 30-тысячную армию севернее Циндао – центра немецкой колонии в провинции Шаньдун. После двухмесячной военной кампании Япония захватила германские владения в Шаньдуне, а также распространила свой контроль на всю территорию провинции.

С середины 1915 г. под предлогом усиления государственной власти и сохранения единства страны Юань Шикай развернул подготовку к реставрации монархии и провозглашению себя императором. Против подобных притязаний выступили не только его открытые противники, Юань Шикай потерял поддержку своих сподвижников. Уже в марте он вынужден был заявить об отказе от претензий на престол, а 6 июня 1916 г. Юань Шикай внезапно умер.

Гражданская война 1916 г. и смерть Юань Шикая имели огромные и неоднозначные последствия для истории Китая. Поражение Юань Шикая (вне зависимости от его смерти) было не только поражением наиболее махровой китайской реакции, но и провалом попытки сохранения единого и централизованного Китайского государства. Вслед за обрушением монархии дала трещину и бюрократическая вертикаль власти центра, что привело к распаду страны и сепаратизму провинций. Стихийные демократические настроения были использованы прежде всего местными военачальниками, которые уже не хотели делиться своими доходами с центральным правительством и использовали сложившуюся ситуацию для утверждения своей бесконтрольной власти на местах для формирования так называемых милитаристских клик.

Старейшей и наиболее влиятельной была бэйянская (северная) милитаристская группировка, сложившаяся еще при маньчжурском режиме с участием Юань Шикая. После его смерти она оказалась под угрозой распада, продолжая формально объединять соперничавшие группировки, крупнейшими среди которых были фэнтяньская (мукденская), чжилийская и аньхойская. Название милитаристских группировок происходило от наименований провинций Фэн-тянь, Чжили, Аньхой, уроженцами которых были главари этих группировок. Во главе фэнтяньской клики стоял Чжан Цзолинь⁵, чжилийскую группировку возглавлял генерал Фэн Гочжан⁶, пользовавшийся поддержкой генералов У Пэйфу⁷ и Цао Куня⁸, а аньхойскую – генерал Дуань Цижуй⁹. В 1918 г. возникает новая влиятельная политическая организация – «Клуб

Аньфу», тесно связанная с Дуань Цижунем и откровенно ориентированная на поддержку Японии. Название клуба переносится на аньхойскую клику, которую начинают называть аньфуистской.

В 1916–1919 гг. сложились главные военно-политические группировки бэйянских милитаристов, которые начали устанавливать свои законы взаимоотношений, баланса власти, использования атрибутов демократической республики, которая на деле оказалась «генеральской». Именно эти годы являются очень важными для формирования системы милитаризма и «правил игры» милитаристов.

Фактически независимыми были губернаторы провинций Шаньси и Шэньси, Янь Сишань¹⁰ и Чэнь Шуфань соответственно. Лагерь юго-западных милитаристов состоял из двух крупных группировок: юньнаньской и гуансийской во главе с губернаторами генералами Тан Цзияо¹¹ и Лу Жунтином соответственно. Борьба за политическое и военное влияние, за контроль над территориями и налогами шла не только между милитаристскими группировками, но и внутри них.

Китайский милитаризм нашел свое законченное выражение в так называемой системе дуцзюната. Дуцзюнами с 1916 г. стали именовать губернаторов провинций в Китае, совмещавших функции главы гражданской власти и командующего войсками (военного губернатора). Термин «дуцзюн» был введен в 1916 г. Юань Шикаем. Система же дуцзюната сложилась после подавления революции 1911 г. и фактической передачи гражданской власти в провинциях в руки командующих армиями, подчиненными центру. Полнота военной и гражданской власти в руках дуцзюнов при одновременной слабости центрального правительства привела к тому, что весь послереволюционный период истории Китая превратился в непрерывную цепь войн между дуцзюнами и коалициями последних за раздел китайской территории.

Рядом с дуцзюнами всегда находились подчиненные им генералы, стремившиеся освободиться от подчиненного положения и играть самостоятельную роль. Вскоре центр отказался от совмещения гражданской и военной власти в провинциях в одних руках, однако на местах далеко не везде согласились исполнить вышестоящее распоряжение.

Логика развития региональных милитаристских режимов и их социальная природа были весьма просты. Режимы эти опирались на открытую военную силу. Наемная армия давала силу для удержания власти в определенном районе, власть же давала возможность получать через налогообложение средства для вербовки солдат. Так складывался порочный круг функционирования региональных милитаристских режимов. По социальному происхождению среди милитаристов, естественно, преобладали выходцы из шэньшийско-чиновничьей среды. А кто другой еще мог занимать пост губернатора провинции, командующего войсками? Захватив власть, многие из них стремились (и не без успеха) «сколотить» себе состояние: захватывали и покупали землю, вкладывали награбленные средства в доходные структуры. Однако их политическое поведение определялось не социальным происхождением, не деловыми интересами, а стремлением к укреплению и расширению личной власти. Ради этого они вели друг с другом непрерывные войны, вступали во временные коалиции, признавали власть более сильных и подчиняли себе более слабых, искали (и находили) покровителей среди иностранных держав. Отсюда та легкость, с которой милитаристы меняли свою политическую ориентацию и своих политических союзников в поисках сильных зарубежных покровителей. Основным источником содержания милитаристских клик были налоги с землевладельцев, доходы от контроля над торговлей и промышленностью в пределах территории, на которую распространялась их власть, и получение денежных средств от иностранных держав. Так, фэнтяньская и аньхойская клики финансировались Японией, чжилейская – Англией и США.

В годы Первой мировой войны разведка Китая велась Главным управлением Генерального штаба с позиций аппаратов военных агентов и российских консульств, а также разведывательными отделениями штабов военных приграничных округов (Туркестанского, Омского,

Иркутского, Приамурского) и Заамурского округа Пограничной стражи, действовавшего в полосе отчуждения КВЖД.

Должность военного агента в Пекине с 1915 г. исполнял полковник Н. М. Морель¹². Два его помощника – полковник В. В. Блонский¹³ и полковник К. А. Кременецкий¹⁴ – находились соответственно в Мукдене и Шанхае. К августу 1917 г. агентурная сеть военного агента в Китае насчитывала восемь человек (в Шанхае – 2, Учане – 2, Нанкине – 1, Пекине – 1, Калгане – 1, Цзинани – 1). Трое из этих агентов являлись разъездными, но ни одному из них так и не удалось выбраться на Юг Китая, который, по словам Мореля, «...был охвачен продолжающимся революционным движением». Ценным агентом в Шанхае считался китаец-христианин, служащий книжной лавки, дававший сведения о немецко-корейской организации в Китае.

Более результативно работал так называемый негласный военный агент (сотрудник военной разведки под «прикрытием» консульства) в Цицикаре – полковник С. И. Афанасьев¹⁵. В агентурной сети консула Афанасьева, находившегося в Китае с 1910 г., было пять ценных источников, в том числе в окружении губернатора провинции Хэйлуцзян, в штабе командующего войсками, в артиллерийском депо. Однако частные успехи, достигнутые Афанасьевым, не могли изменить общую негативную картину организации и ведения разведки Китая.

Аппараты военных агентов и разведывательных отделений штабов военных округов были крайне малочисленны. Российский Генеральный штаб не сумел правильно оценить значение драгоманов (переводчиков с восточных языков) для разведки и вовремя закрепить их за соответствующими штабами военных округов. К тому же отзыв офицеров-восточников на фронт существенно ослабил ведение разведки в странах Дальнего Востока. В результате русская военная разведка на местах не смогла дать правильную оценку сложным процессам, проходившим в Китае, а Центр к этому времени не мог уже обеспечить адекватное руководство подчиненными ему разведывательными структурами.

После смерти Юань Шикая президентом республики стал Ли Юаньхун¹⁶, ставленник юго-западных милитаристов. Он восстановил конституцию 1912 г. и собрал разогнанный Юань Шикаем парламент. Весной 1917 г. премьер-министр генерал Дуань Цижуй начал подготовку к вступлению Китая в войну. Однако против этого резко выступила Япония. Вопрос о вступлении Китая в войну стал активно обсуждаться еще с осени 1915 г. Инициатива в его постановке принадлежала русскому посланнику в Пекине В. Н. Крупенскому. Изменение позиции Японии произошло только в начале 1917 г. не без влияния США. Разорвав дипломатические отношения с Германией (по существу формально) из-за объявления ею неограниченной подводной войны, правительство США обратилось к нейтральным странам (в том числе и к Китаю) последовать их примеру.

Президент и парламент страны выступили против инициатив Дуань Цижуй. В результате Ли Юаньхун лишился поста президента, парламент был распущен, а его депутаты бежали в Гуанчжоу (европейское название – Кантон). Пост президента занял Фэн Гочжан. Власть в Пекине сосредоточилась в руках Дуань Цижуй, который 1 августа 1917 г. объявил войну Германии и Австро-Венгрии.

Вступив в войну, Китай рассчитывал вернуть территории (Шаньдун), захваченные ранее Германией. Кроме того, участие в мировой войне давало Китаю право участвовать в мирной конференции в числе других стран-победительниц.

Участие Китая в войне выразилось в конфискации и передаче в распоряжение союзников германских и австрийских кораблей и судов, находившихся в китайских портах, и в отправке 175 тыс. рабочих на строительство укреплений в Европе и на Среднем Востоке. В последующем Китай участвовал в совместных со странами Антанты действиях в Сибири против якобы действовавших там отрядов германских военнопленных. Китайское военное присутствие в Сибири и на Дальнем Востоке продолжалось до 1920 г. Союзники, со своей стороны, согласи-

лись на отсрочку на пять лет платежей по «боксерской» контрибуции и увеличение таможенного тарифа.

25 августа 1917 г. в Гуанчжоу открылась чрезвычайная сессия старого, разогнанного пекинского парламента, на которой было объявлено о создании военного правительства во главе с Сунь Ятсеном и присвоении последнему звания генералиссимуса. Военное правительство провозгласило начало Северного похода под лозунгами защиты Конституции 1912 г.

Название «Северный поход» («Северная экспедиция»), о котором с пафосом говорили сначала Сунь Ятсен, а потом Чан Кайши¹⁷, никоим образом не следовало воспринимать буквально. Хотя конечная точка Северного похода была известна – Пекин, где всегда заседало враждебное Югу центральное правительство. Но сегодня там мог находиться один враг, а завтра – другой, что и происходило в действительности. Путь же к Пекину пролегал через многие провинции, правители которых отнюдь не испытывали симпатий к «революционерам» с Юга. Не говоря уже о том, что провинция Гуандун находилась в самой южной части Китая, поэтому любой военный поход, не направленный в сторону Востока или Запада, был походом на Север. Ни Сунь Ятсен, ни впоследствии Чан Кайши так до Пекина и не дошли. Даже гипотетический захват Пекина не позволил бы окончательно объединить страну, так как оставался еще у власти правитель Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики Маньчжурии Чжан Цзолинь. На подвластные ему территории никто, кроме японцев, и не покушался. Тем не менее вся деятельность Сунь Ятсена была подчинена идее Северной экспедиции.

Реальными силами Сунь Ятсен не располагал, ибо войска, на которые он вынужден был опираться, принадлежали к различным милитаристским группировкам южных и юго-западных провинций. Лидеры этих группировок непрерывно враждовали между собой за контроль над богатым Югом страны. Более того, они не тратили все силы на борьбу с бэйянскими (северными) милитаристами, контролировавшими наиболее боеспособные соединения цинской армии, предпочитая в определенных обстоятельствах вступать с ними в политические сделки. В самом же Сунь Ятсене местные милитаристы видели политически популярное прикрытие своих местнических действий. Все это очень скоро обострило отношения между союзниками. В мае 1918 г. чрезвычайная сессия парламента заменила главу военного правительства директорией из семи человек. Реальная же власть оказалась в руках гуансийского милитариста Лу Жунтина. Доктор Сунь вынужден был признать провал своих планов, вышел из правительства и возвратился в Шанхай.

Однако и бэйянские милитаристы не располагали достаточными силами для подчинения Юга и победы в гражданской войне. На Севере 4 сентября 1918 г. парламента избрал президентом Сюй Шичана, старого бэйянского деятеля. Его кандидатура не вызвала споров между анхойской и чжилийской группировками.

Разгром правящей части господствующего в императорском Китае служивого сословия – бюрократии (за исключением верхушки бюрократии, возглавившей армию и захватившей руководство провинциями) привел к образованию своеобразного политического вакуума, так как новые политические силы, представлявшие нарождающуюся национальную буржуазию, были еще слабы и не оформлены.

Политическая слабость буржуазии объяснялась в первую очередь тем, что китайский капитализм и китайская буржуазия не имели собственной предыстории, их возникновение явилось прежде всего результатом «открытия» Китая и привнесения туда развитых форм капитализма.

Особенности рабочего класса определялись небольшим «стажем» капиталистического предпринимательства в Китае и полукOLONиальным характером капиталистической эволюции. Основным источником формирования рабочего класса было беднейшее крестьянство, поставлявшее неквалифицированную рабочую силу, а также ремесленники и городские низы. Преобладание легкой и пищевой промышленности предопределило распространение женского и

детского труда. Одновременно китайскими и иностранными предпринимателями сознательно проводился курс на омоложение рабочего класса. Обеспеченным, по самым скромным оценкам, был лишь узкий слой высококвалифицированных пролетариев. Вообще кадровых рабочих насчитывалось всего несколько десятков тысяч человек, в подавляющем большинстве это были рабочие в первом поколении.

В наследство от императорского республиканский Китай получил тяжелейшее аграрное перенаселение, в значительной мере определившее производственный и социальный облик китайской деревни. В 1917 г. обрабатывалось примерно 1,5 млрд му земли (1 му равняется 0,067 га), что и определяло ничтожно малый размер среднего хозяйства – менее 20 му земли. Значительная часть сельского населения представляла собой безземельную бедноту.

Претензию на гегемонию в обществе заявили так называемые новые средние слои – служащие республиканских учреждений и капиталистических фирм, учителя и студенты, функционеры политических партий и общественных организаций, офицерство. «Новыми» они были потому, что с начала XX в. интенсивно шел процесс распада служивого сословия (шэньши) и разворачивался процесс формирования новой интеллигенции – служивой и несслуживой. Переходный характер всей социальной структуры Китая делал позиции новой интеллигенции весьма прочными, а относительно высокий образовательный уровень (всегда в Китае ценимый) и причастность к политической организации позволяли не без успеха претендовать на лидерство в политической жизни страны.

3. Советская Россия и Китай после Первой мировой войны (1918–1922)

22 февраля 1918 г. Наркоминдел (НКВД) направил международным отделам краевых Совдепов инструкцию, в которой предписывал им в отношении к соседним народам руководствоваться принципами, изложенными в Декрете о мире. Сам же декрет следовало как можно шире распространять на местных языках. Что касалось Японии, НКВД требовал исходить из «...совершенно определенных захватных стремлений нынешнего наиболее реакционного в новейшей истории Японии правительства».

В отношении китайцев надлежало помнить, «... что нынешнее пекинское правительство не является выразителем воли китайского народа и ведет борьбу с поднявшимся восстанием против реакционного Севера народом Южного Китая, образовавшим Федеративную Республику». Наркоминдел не отказывался тем не менее от поддержания отношений с реакционным Пекином, но явно не считал возможным обсуждать с ним проблемы мировой революции.

В уже упоминаемой инструкции Народного комиссариата по иностранным делам краевые Советы депутатов наделялись правами предлагать кандидатов на должность консулов и контролировать их деятельность. Особая роль отводилась Владивостоку: кроме организации консульств в Восточной Маньчжурии, Хакодате и Корее краевое руководство было ответственно за установление контактов с Тяньцзинем, Чифу и особенно Шанхаем, «... так как в последнем центре многочисленная русская колония совершенно устранена от дел самоуправления реакционно настроенной кучкой банкиров и чиновников».

Положения первой инструкции Наркоминдела были развиты и закреплены в декрете, подписанном В. И. Лениным, Л. М. Караханом¹⁸ и В. Д. Бонч-Бруевичем лишь в октябре 1918 г. Это был удивительный документ – речь шла об учреждении консульств в странах, с которыми не поддерживались дипломатические отношения, но существовали «деловые отношения».

Руководство НКВД возлагало в то время большие надежды на то, что одним из первых государств, признавших РСФСР, станет Китайская Республика. Никто тогда не мог предположить, что Советская Россия будет официально признана китайским правительством, формально представлявшим весь Китай, только через пять с лишним лет. Поэтому решено было не мешкая направить в Китай консулов, но пока в качестве частных лиц. Никого не интересовало отсутствие подобных прецедентов в международной дипломатической практике – Великая Октябрьская революция могла диктовать свои правила игры.

Из нескольких кандидатур на пост консула в Шанхае Восточным отделом НКВД (прерогативу выбора кандидатов на консульские посты НКВД оставил все-таки за собой) был рекомендован бывший полковник М. Г. Попов¹⁹, говоривший и писавший по-китайски и по-японски. На месте, в Шанхае, выяснилось, что Народный комиссариат по иностранным делам явно опередил события. Прежний российский консул В. Гроссе, подчинявшийся бывшему посланнику России в Китае князю Кудашеву, не собирался покидать свой пост. Через два месяца у Попова закончились деньги, и он остался в чужом городе без средств к существованию. Пришлось в начале 1919 г. вернуться во Владивосток для получения дальнейших указаний, где новые власти бросили его в тюрьму.

5 апреля 1918 г. во Владивостоке высадились японские войска, несколько позже – американцы, англичане, французы, итальянцы, поляки, румыны и китайцы. Так началась открытая военная интервенция на Дальнем Востоке. Захватив Приморье, интервенты вторглись в Приамурье и Сибирь. К концу 1918 г. их численность достигла 150 тыс. человек, в том числе до 75 тыс. японцев.

В конце 1918 г. по инициативе американского правительства начались переговоры об установлении общего контроля США, Японии и некоторых стран Европы над железными дорогами Сибири и Китайско-Восточной железной дорогой. Основная борьба развернулась между представителями Америки и Японии. В январе 1919 г. трудные американо-японские переговоры завершились подписанием соглашения «О надзоре над Сибирской железной дорогой и КВЖД». Позднее к соглашению присоединились Великобритания, Франция, Италия, Китай и правительство Колчака. Для осуществления контроля был создан Межсоюзный железнодорожный комитет. Японцы дважды пытались захватить линию Маньчжурия – Харбин, но дважды натолкнулись на противодействие местной китайской администрации. Межсоюзный железнодорожный комитет, просуществовав менее двух лет, с самого начала оказался нежизнеспособным, подорванным изнутри его участниками, прежде всего США и Японией. Союзники не смогли ни добиться политической стабильности и прекращения стачек и забастовок в полосе отчуждения, ни подчинить своему влиянию многочисленные военные формирования белогвардейцев, ни нормализовать деятельность дороги.

Китайское правительство рассчитывало, что на Парижской мирной конференции (18 января 1919 г. – 21 января 1920 г.), созванной государствами – победителями в Первой мировой войне, великие державы откажутся от сфер своего влияния в Китае, что войска иностранных государств, находившиеся в стране, будут отозваны, что арендованные державами территории, равно как и территории иностранных селтльментов, будут возвращены Китаю и что стране будет предоставлена таможенная самостоятельность.

Однако этим ожиданиям не суждено было оправдаться. На конференции в Париже Китай даже не был признан ее равноправным участником. Более того, было принято унижительное для Китая решение о передаче Японии бывших германских колониальных владений в Шаньдуне.

25 июля 1919 г. Народный комиссариат по иностранным делам опубликовал «Обращение правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая». В обращении напоминалось о том, что рабоче-крестьянское правительство, взяв в октябре 1917 г. власть в свои руки, от имени русского народа обратилось к народам всего мира с предложением установить прочный мир. Основой этого мира должен был послужить отказ от всяких захватов чужих земель, отказ от всякого насильственного присоединения чужих народностей, от всяких контрибуций. Рабоче-крестьянское правительство вслед за этим объявляло уничтоженными все тайные договоры, заключенные с Японией, Китаем и бывшими союзниками. Советское правительство в своем обращении предложило китайскому правительству начать переговоры об аннулировании Договора 1896 г. «О союзе и о постройке КВЖД», Пекинского протокола 1901 г. («Боксерский протокол»). Переговоры по этому вопросу, говорилось в обращении, ранее уже велись до марта 1918 г. Однако западные державы сорвали их: «Не дожидаясь возвращения китайскому народу Маньчжурской ж. д., Япония с союзниками захватили ее, сами вторглись в Сибирь и даже заставили китайские войска помогать в этом преступном и неслыханном разбое».

Во время Гражданской войны проблемы внешней политики были второстепенными, но по мере ее окончания становились все более актуальными. Переход к нэпу выявил необходимость налаживания прерванных в годы Гражданской войны политических и экономических связей с окружающим миром. Жизнь требовала перехода от «революционной дипломатии» к нормальной практике межгосударственных отношений. Именно в эти годы из-за утраты надежд на немедленное развертывание социалистических революций в странах Запада, прежде всего в Европе, РКП(б) и Коминтерн делают первые шаги в разработке идеи «восточного маршрута» мировой революции, начинают активно искать в странах Востока, в том числе и в Китае, партнеров и союзников, формировать силы, способные включиться в антиимпериалистическую борьбу при поддержке и в союзе с коммунистами России. Азиатская ориентация Комин-

терна и ЦК РКП(б), однако, не являлась альтернативой европейской: одно не исключало другого.

Общие контуры политики Советской России и Коминтерна в странах Востока были сформулированы в решениях II конгресса Коммунистического интернационала (июль – август 1920 г). Они предусматривали, во-первых, активизацию усилий по формированию в странах Востока коммунистических групп – в перспективе партий, способных стать проводниками политики Коминтерна, пропагандистами идей марксизма и организаторами коммунистического и национально-освободительного движения. Во-вторых, исходя из того, что в странах Востока влияние идей коммунизма длительное время будет ограниченным, а национально-освободительные революции на «предстоящем» этапе «будут» по своему характеру буржуазно-демократическими, в решениях II конгресса была выдвинута задача поддержки коммунистами буржуазно-демократических, прежде всего национально-революционных, движений. Оставалось только неясным, какие силы могут быть отнесены к участникам национально-революционных движений. Это были общие установки, которые предстояло конкретизировать в ходе практической деятельности в условиях каждой страны.

В январе – апреле 1920 г. военные силы интервентов (кроме японцев) были эвакуированы с Дальнего Востока; последние японские части покинули Южное Приморье 25 октября 1922 г., а Северный Сахалин – в 1925 г.

6 апреля 1920 г. было объявлено об образовании между РСФСР и Японией Дальневосточной республики (ДВР) на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Это был вынужденный шаг. Позднее, в декабре 1920 г., В. И. Ленин отмечал: «Обстоятельства принудили нас к созданию буферного государства – в виде Дальневосточной республики... Мы прекрасно знаем, какие неизмеримые бедствия терпят сибирские крестьяне от японского империализма... Но, тем не менее, вести войну с Японией мы не можем и должны сделать все, чтобы попытаться не только отдалить войну с Японией, но, если можно, обойтись без нее, потому что нам она по понятным условиям совсем непосильна». Следует оговориться, что власть ДВР распространялась отнюдь не на весь регион. Одновременно существовали «читинская пробка» – белое семеновское правительство Забайкалья, которое пало только в октябре 1920 г. после эвакуации японских войск из Забайкалья, а также временное правительство Приморья – Приморская областная земская управа.

В августе 1920 г. пекинское правительство уведомило советское правительство о том, что оно согласно приступить к переговорам об установлении дипломатических отношений. До этого пекинские власти уклонялись от переговоров с Советской Россией, признавали посланника Российской империи Кудашева и продолжали до сентября 1920 г. выплачивать ему русскую часть «боксерской» контрибуции.

Летом 1920 г. в Пекин прибыла делегация Дальневосточной республики во главе с заместителем военного министра И. Л. Юриным²⁰. В Москве в это время находилась военно-дипломатическая миссия Чжан Сылиня. Переговоры с самого начала натолкнулись на большой ряд трудностей, связанных, главным образом с вторжением войск ДРВ и Советской России в Монголию.

27 сентября 1920 г. китайской стороне было вручено «Обращение правительства РСФСР к правительству Китайской Республики» с изложением основных пунктов, которые советское правительство предлагало взять за основу будущего советско-китайского соглашения. Этот документ являлся развитием положений, изложенных в «Обращении правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г. Во втором документе отсутствовала апелляция к правительству Южного Китая, которое за прошедший после первого обращения год было свергнуто.

В своем втором обращении правительство РСФСР объявляло «...не имеющими силы все договоры, заключенные прежними правительствами России и Китаем», отказываясь от

всех захватов китайской территории, от всех русских концессий в Китае и возвращало «... Китаю безвозмездно и на вечные времена все, что было хищнически у него захвачено царским правительством и русской буржуазией». Российское и китайское правительства соглашались также «... заключить специальный договор о порядке пользования Китайско-Восточной железной дорогой для нужд РСФСР...».

Переговоры, проходившие в Москве и Пекине, несмотря на неудачу, имели тем не менее известные результаты. В Китае была окончательно ликвидирована царская миссия, пекинское правительство отказалось от уплаты членам этой миссии не только доли «боксерской» контрибуции, но и от содержания членов миссии из этой суммы. В сентябре 1920 г. было закрыто 19 консульств бывшей Российской империи в Китае, право консульской юрисдикции для русских белогвардейцев было отменено, русская концессия в Тяньцзине была передана в управление китайской администрации.

Шанхай с первых дней стал узловым пунктом всей деятельности Советской России в Китае. Еще в августе 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) одобрило тезисы о коммунистической работе среди восточноазиатских народов. В сентябре 1919 г. во Владивосток с директивой Политбюро об организации «непосредственных практических действий» в Восточной Азии (Китай, Корея, Япония) прибыл В. Д. Виленский-Сибиряков²¹. Его усилиями в Шанхае к маю 1920 г. был создан Дальневосточный секретариат III Коминтерна – «Восточный секретариат III Коминтерна». Вся работа секретариата направлялась через входившие в него секции: китайскую, корейскую и японскую, которая оставалась «пока в зачаточном состоянии».

Уже весной 1920 г. при Владивостокском отделении РКП был образован Иностраный отдел, который в апреле отправил в Китай (г. Пекин) группу коммунистов во главе с Г. Н. Войтинским²² с целью изучения политической ситуации и установления связей с прогрессивными деятелями. Этим было положено начало планомерной организационной работы в странах Дальнего Востока и в первую очередь в Китае. Группа Войтинского быстро нашла взаимопонимание с китайскими сторонниками марксизма. По ее инициативе и при ее помощи стали создаваться первые марксистские кружки.

Такой кружок был организован в июле 1920 г. в Шанхае. Его руководителем стал Чэнь Дусю²³. В формировании первых коммунистических ячеек в Китае Войтинскому и его товарищи оказывали помощь эмигранты-интеллектуалы – профессора Тяньцзиньского и Пекинского университетов С. А. Полевой²⁴ и А. А. Иванов²⁵ (анархо-синдикалист), а также старые социал-демократы Е. А. Ходоров и А. Ф. Агарев, имевшие тесные связи с левыми кругами Китая.

Социальный состав первых марксистских кружков был неоднородным. Среди первых сторонников марксизма рабочих еще не было, преобладала передовая учащаяся молодежь, в основном вышедшая из социально привилегированной среды. С 23 по 31 июля 1921 г. в Шанхае нелегально прошел съезд представителей марксистских кружков, ставший и первым съездом Коммунистической партии Китая (КПК). На съезде присутствовало 13 делегатов от семи кружков, насчитывавших 53 человека. Большинство участников съезда выступили за создание боевой, дисциплинированной и хорошо организованной партии большевистского типа, цель которой – установление диктатуры пролетариата.

Новая обстановка требовала легализации узкой, конспиративной организации, каковой являлась на тот момент партия Сунь Ятсена, и 10 октября 1919 г. Китайская революционная партия была реорганизована в Китайскую национальную партию – Гоминьдан, существовавшую ранее. Однако деятельность повторно созданной партии не отличалась активностью, да и в организационном отношении она не была четко оформлена.

В июле 1920 г. на Севере Китая к власти пришла коалиция фэнтяньских (мукденских) и чжилийских милитаристов, которые свергли пекинское правительство Дуань Цижюя. Было сформировано новое правительство, в котором ведущую роль играл У Пэйфу.

В октябре этого же года военный губернатор провинции Гуандун генерал Чэнь Цзюньмин²⁶ захватил власть в провинции и предложил Сунь Ятсену пост в сформированном правительстве.

Существуют различные, причем документально подкрепленные полярные точки зрения на то, кто был больше заинтересован в контактах друг с другом – Советская Россия или Сунь Ятсен и кому первому принадлежит инициатива установления взаимных контактов. Следует отметить, что обе стороны исходили прежде всего из соображений политической конъюнктуры. В первую очередь это касалось советского руководства. Чаще всего, особенно на первых порах, когда контакты набирали силу, неоднократно выяснялось, что Сунь Ятсен оказывался лишенным всех правительственных постов и представлял собой только частное лицо. Но как бы то ни было, доктор Сунь Ятсен воспринимался в Москве как главная фигура народно-освободительного движения в Китае.

Сунь Ятсен, со своей стороны, решился на сотрудничество с Советской Россией лишь после провала попыток получить поддержку со стороны капиталистических держав и ряда поражений во внутривластной борьбе. При этом им двигало не только стремление получить финансовую и военную помощь, но и желание позаимствовать у победоносных большевиков кое-что из их революционного арсенала, их «технологии» революции, опыт государственного и военного строительства. Представляется, что именно Сунь Ятсену после такого количества провалов и измен со стороны союзников – милитаристов такая помощь-сотрудничество была просто необходима; других союзников, на которых можно было бы положиться, больше не просматривалось. Разве что далекий и сомнительный Чжан Цзолинь. Единственно, на чем настаивал Сунь Ятсен, это на сохранении конфиденциальной формы отношений с русскими. Первыми, кто весной 1920 г. встречался с Сунь Ятсеном, были бывший генерал-майор А. С. Потапов и упоминавшийся уже бывший полковник М. Г. Попов.

А. С. Потапов был наделен широкими полномочиями и, вернувшись в Москву, представил ряд докладных записок сначала в НКВД, а затем в Коминтерн. Он привез с собой и письмо Чэнь Цзюньмина, адресованное В. И. Ленину. Потапов передал и свое личное письмо Владимиру Ильичу. При всей путанице в названиях и именах бывшему генерал-майору удалось дать довольно объективную оценку обоим лидерам и разглядеть принципиальную разницу в позициях Сунь Ятсена и Чэнь Цзюньмина. Это были два разных пути развития Китая; более того, это были два пути развития советско-китайских отношений. И симпатии Потапова были на стороне Чэня.

О встречах полковника Попова (судя по всему, имевшему мандат Приморской областной земской управы) с Сунь Ятсеном можно судить только по иностранным источникам. Результат встречи и здесь оказался не в пользу китайского лидера. Доктор Сунь предложил так называемый СевероЗападный план – то есть введение частей Красной армии через Туркестан в северо-западные провинции Китая для дальнейшего похода на Пекин. План этот с военной точки зрения показался Попову в высшей степени сомнительным. А по сути, это было предложение использовать одних «милитаристов» (в данном случае русских) против других – китайских. О военных инициативах Сунь Ятсена и их развитии еще пойдет речь.

В 1920 г. в Шанхае и Кантоне Сунь Ятсен встречался и беседовал с Г. Н. Войтинским, а в следующем году – с работником Коминтерна Г. Марингом²⁷.

В ноябре 1920 г. Сунь Ятсен передал советскому правительству предложение о том, чтобы «...Красная армия начала свое наступление весной (1921 г. – *Авт.*) со стороны русского Туркестана на Синьцзян». И это предложение было принято.

В начале 1921 г. части Р. Ф. Унгерна-Штернберга вытеснили китайские войска с территории Внешней Монголии. По просьбе «Временного народного правительства Монголии» РСФСР оказала военную помощь для борьбы с белогвардейцами. В мае 1921 г. Красная армия, наступая из Западного Туркестана, вошла на территорию Внешней Монголии и Синьцзяна (Китайского, или Восточного, Туркестана).

Если из Синьцзяна РККА в дальнейшем пришлось отвести свои войска, то Внешняя Монголия была надолго превращена в «передовой форпост Коминтерна в Центральной Азии».

5 ноября 1921 г. был подписан советско-монгольский договор об установлении дружественных отношений. Монголия стала первой страной на Дальнем Востоке, с которой Советская Россия установила дипломатические отношения.

В апреле этого же года в Гуанчжоу (Кантоне) открылась чрезвычайная сессия избранного в 1912 г. китайского парламента, который абсолютным большинством голосов избрал Сунь Ятсена чрезвычайным президентом Китайской Республики. Формально в состав вновь провозглашенной республики вошли пять южных провинций. Но союз их был эфемерен, а Сунь Ятсен не контролировал полностью даже единственную провинцию Гуандун, которую стремился сделать базой революционных сил страны, оплотом объединительного похода на Север Китая. Пекинское правительство и иностранные державы заявили о непризнании результатов президентских выборов в Гуанчжоу. Таким образом, помимо двух парламентов – в Пекине и Кантоне – в Китае оказалось и два президента.

Практически вплоть до съезда народов Дальнего Востока (январь – февраль 1922 г.) представители Коминтерна ориентировались прежде всего на форсирование развития компартии Китая и коммунистического движения в стране, рассчитывая на относительно быстрый его рост за счет установления связей партии с рабочими, солдатами и учащейся молодежью. Предполагалось, что практически с первых шагов компартия Китая может ставить своей целью борьбу за социализм и размежевание с непролетарскими политическими организациями.

Съезд народов Дальнего Востока рекомендовал КПК наряду с выполнением главной задачи партии – классовое воспитание и организация пролетариата – создать единый национальный антиимпериалистический фронт с революционной демократией в лице Гоминьдана.

После переговоров представителя Коминтерна Г. Маринга (Х. Снейвлита) с Сунь Ятсеном и другими деятелями Гоминьдана Исполком Коммунистического интернационала одобрил летом 1922 г. идею о вступлении коммунистов в Гоминьдан. Несмотря на негативное отношение руководителей КПК к Гоминьдану, они подчинились этому решению Коминтерна. По сути, речь шла о тактическом маневре, направленном на создание внутри Гоминьдана устойчивых коммунистических групп, о расколе Гоминьдана и завоевании коммунистами руководства в национально-революционном движении.

Значение Китая в политике Коминтерна и, соответственно, в планах мировой революции трудно переоценить. Оно было сравнимо разве что с тем значением, которое на Западе имела для Коминтерна Германия.

С целью закрепления на правовой основе изменений в международной обстановке на Дальнем Востоке и в ЮгоВосточной Азии состоялась Вашингтонская конференция девяти ведущих государств с участием Китая²⁸ (12 ноября 1921 г. – 6 февраля 1922 г.). Решения Вашингтонской конференции служили своего рода «дальневосточным дополнением» к Версальскому мирному договору 1919 года. Делегации Советской России и ДРВ на конференцию приглашены не были.

На Вашингтонской конференции потерпела крах попытка установить режим интернационализации КВЖД. Проблема Китайско-Восточной железной дороги вновь вернулась в плоскость советско-китайских отношений.

Состав милитаристских группировок в Китае постоянно менялся – создавались новые и распадались старые коалиции, что сказывалось и на составе контролируемых ими территорий.

Неизменными оставались лишь имена: Чжан Цзолинь, У Пэйфу, Цао Кунь, Дуань Цижуй, Янь Сишань и др. Вчерашние заклятые враги становились ненадолго «верными и преданными» союзниками. И так из года в год – до Сунь Ятсена, при нем и после его смерти. Подобная коллизия во многом объяснялась вековыми традициями китайцев, их неизменным отношением к войне и особенностями китайского менталитета.

Китайская военная наука всегда руководствовалась, по сути, одной доктриной, предполагавшей, что настоящий воин побеждает не воюя. Столь сдержанное отношение к войне имело свои объективные причины: даже успешные войны с сопредельными странами не столько обогащали страну, сколько разоряли ее. Китайские императоры не имели ни ресурсов, ни, в сущности, потребности для расширения границ своей державы за счет степей на севере или горных массивов на западе. Колонизация же Юга была осуществлена в основном мирным путем.

Китайский стратег избегал открытого противоборства прежде всего потому, что всякая конфронтация, по его мнению, была непродуктивна, разрушительна для обеих сторон. Как гласит старинная китайская поговорка, «когда дерутся два тигра, воронью и шакалам будет много поживы». Китайский стратег побеждал потому, что умел уступать. Он добивался своей цели, лишь следуя выпадам противника. Китайская мудрость состояла в «победе без боя». Отсюда и другая старинная китайская поговорка: «Уход – лучшая стратегия». Соображения же репутации и престижа были несущественны там, где речь шла о жизни и смерти и о сохранении для себя возможности вернуться и победить.

Отчего вообще умение уступить помогало одержать верх в конфликте? Считалось, что ответ очевиден: только сжатая пружина может больно ударить. Это не совсем так. У китайской пружины всегда был ограничитель, который смягчал силу ее удара. Китайский военный теоретик и полководец Сунь-Цзы, живший в VI в. до н. э., автор древнейшего в мире трактата «Искусство войны», рекомендовал: «Окружая неприятельскую армию, оставляйте хотя бы один проход свободным. Не нажимайте слишком сильно на врага, уже находящегося в отчаянном положении».

Тем не менее вся китайская история первой половины XX в. – это череда почти непрерывных войн, само ведение которых свидетельствовало о нарушении традиционно негативного отношения к войнам. Вместе с тем и в этот период искусство войны состояло в том, чтобы, нанося удар противнику, бить его не «до смерти» и не лишать его пути к отступлению. Следовало поступать так отнюдь не из жалости к противнику, а из чисто прагматических соображений: чтобы, во-первых, не ослабить себя в кровопролитных сражениях и не стать легкой «добычей» в руках сегодняшних союзников и, во-вторых, иметь возможность использовать войска поверженного противника для дальнейших комбинаций и схваток. Чаще всего комбинаций. В этой связи милитаристы, как старые, так и новые (значительно чаще), никуда не пропадали после очередного поражения, а, «оправившись», вновь заявляли о себе в том или ином альянсе. До очередного поражения или победы, опять-таки неокончательной.

Представляется, что к складывавшейся на полях сражения Китая ситуации на протяжении первой половины XX в. очень подходила характеристика, данная англичанином А. Г. Смитом китайцам еще в 1904 г. Смит писал: «Китайские собаки вообще не имеют склонности преследовать волков, и когда вы видите, что собака гонится за волком, то, в конце концов, по всей вероятности, собака и волк разбегутся, если не в противоположные стороны, то, по крайней мере, под прямым углом».

В апреле – мае 1922 г. состоялась так называемая первая война между находившимися ранее в коалиции чжилийской и фэнтяньской группировками. Война завершилась победой чжилийцев во главе с У Пэйфу и Цао Кунем, пользовавшимися финансовой поддержкой США и Англии. После победы У Пэйфу были восстановлены «старый» парламент с Ли Юаньхуном на посту президента (Сюй Шичан подал в отставку с поста президента) и «старая» конститу-

ция. В течение нескольких месяцев представители У Пэйфу и Сунь Ятсена вели переговоры о возможности совместных усилий по объединению страны.

Потерпевший поражение Чжан Цолин издал декларацию о независимости Трех Восточных Провинций, в которой, в частности, отмечалось: «1. Три провинции – Маньчжурия, Внутренняя и Внешняя Монголия не могут быть признанными составляющими часть Китайской Республики...»

Тем временем 16 июня 1922 г. Чэнь Цзюньмин совершил переворот. Чэнь не поддерживал суньятсеновскую идею Северного похода и объединения страны под властью Гоминьдана военным путем; более того, он считал поход на Север Китая авантюрой.

Сунь Ятсен вынужден был покинуть провинцию Гуандун. Поселившись вновь на территории французской концессии в Шанхае, доктор Сунь попытался извлечь уроки из своих прошлых поражений. Прежде всего он решил стать независимым от милитаристов и для этого завершить создание хорошо организованной партии, опирающейся на собственную партийную армию и поддержку народных масс. Но все это были долгосрочные перспективы, а пока приходилось заниматься поисками союзников для борьбы с Чэнь Цзюньмином среди тех же милитаристов.

Глава 1

Советская военная разведка в Китае (1922 г. – март 1927 г.)

«Когда лучник промахивается, он должен искать причину в себе».
(Конфуций)

«XIII. Использование шпионов.

1. Мобилизация ста тысяч человек и отправка на большие расстояния предполагает серьезный убыток населения и опустошение казны государства. Ежедневное содержание такого войска достигает тысячи унций серебра.

Возникает потрясение дома и вдали от дома: люди падают от голода на больших дорогах.

Затрудняется работа примерно семисот тысяч семей.

2. Враждебные армии могут годами противостоять одна другой с неутолимým желанием победы, вопрос о которой решится в единственный день. Поэтому оставаться в неведении относительно истинного положения вещей на вражеской стороне только из-за того, что жаль потратить сотню унций на награды и жалованье [следовало бы, наверное, добавить – «шпионам», хотя это, возможно, повлияло бы на возвышенный стиль фразы. – Комментарий переводчика Лайонела Джэйлса], было бы в высшей степени неразумно и бесчеловечно. Поступающий таким образом не может руководить людьми, его помощь государю сомнительна, и вряд ли он сможет достичь победы в ратном деле».

Сунь-Цзы. Искусство войны

1.1. «Международная коммунистическая партия»

Коминтерн в это время был «штабом мировой революции», интернациональной «партией гражданской войны», вдохновителем коммунистических организаций в десятках стран мира, однако не в последнюю очередь он служил инструментом внешней политики СССР. Практика Коминтерна на всем протяжении его существования (1919–1943) являлась неотъемлемой частью дипломатической, военной и разведывательной деятельности Советского государства.

Однако при оценке деятельности Коминтерна, всегда крайне негативно характеризовавшейся на Западе, следует различать «желаемое» и «действительное», пропаганду и реальность. По агитационно-пропагандистским, идеологическим соображениям Коминтерн часто преувеличивал масштаб своих планов революционного преобразования планеты и соответствующих действий. По тем же самым соображениям (но исходя из совершенно других интересов) западные средства массовой информации всячески раздували и распространяли плакатный образ Коминтерна как международного центра подрывной деятельности, мирового терроризма и шпионского подполья.

В реальности же Коминтерн был одним из орудий борьбы с международной изоляцией, экономической и морально-психологической блокадой со стороны превосходящих сил мирового капитализма. Поэтому даже те или иные наступательные действия Коминтерна были не столько попыткой действительно свергнуть власть капитала в том или ином уголке земного шара, сколько контрударом, вылазкой защитников осажденной крепости с целью сорвать, предотвратить, ослабить возможный штурм. И «осаждавшие» знали это. Но их пугали сам факт существования СССР и возможность международного объединения противников капитализма. Исходя из этого, очевидно, и следует оценивать как сам Коминтерн, так и его противников.

В 1919 г., в момент провозглашения советских республик в Венгрии, Баварии, Словакии, В. И. Ленин говорил, что Коммунистический интернационал с самого начала стал «...совпадать в известной мере с Союзом Советских Социалистических Республик». В Уставе Коминтерна, принятом на его втором конгрессе в Москве (19 июля – 7 августа 1920 г), содержалось определение цели Коминтерна: «Борьба всеми средствами, также и с оружием в руках, за низвержение международной буржуазии и создание Международной советской республики как переходной ступени к полному уничтожению государства». Единственным средством освобождения человечества от капитализма, от эксплуатации и угнетения масс Коминтерн считал диктатуру пролетариата, а советскую власть – «... исторически данной формой этой диктатуры пролетариата». В уставе было записано, что Коминтерн «...обязуется всеми силами поддерживать каждую советскую республику, где бы она ни создавалась». В 1928 г. в документах Коминтерна было зафиксировано, что он является «единой и централизованной международной партией пролетариата», а его программа – «программой борьбы за мировую пролетарскую диктатуру, программой борьбы за мировой коммунизм». В 1938 г. советская энциклопедия назвала Коминтерн «...единственной мировой коммунистической партией», которая «... борется за создание Всемирного Союза Советских Социалистических Республик».

Однако на Востоке в деятельности Коминтерна неизбежно возникало противоречие: интернационализм, проповедуемый «пролетарской Меккой», столкнулся с поднимаемым голову национализмом. Коминтерн повсюду раздвигал рамки национальных движений, но все его попытки поставить национально-освободительную борьбу под главенство пролетариата, «советизируя» одну страну за другой, терпели неудачу. И тем не менее деятельность Коминтерна явилась одним из факторов изменения соотношения сил между Европой и Азией. Она способствовала распаду колониальных империй, и в этом, как и в усилении позиций СССР, а

не в пропаганде мировой революции заключается основное международное историческое значение Коммунистического интернационала.

Конечно, теоретически Коминтерн должен был быть равноправным объединением компартий. Более того, исходя из установки на победу пролетарской революции на Западе, изначально предполагалось, что западные компартии будут играть в нем ведущую роль. Однако этого не произошло, прежде всего из-за предательства социал-демократов, а также вследствие малочисленности и ограниченного влияния этих партий. Им было не до руководящей роли в мировой революции, так как они вынуждены были бороться в первую очередь за выживание в тяжелых условиях политической изоляции и жестоких преследований, которые если и удавалось преодолевать, то в основном благодаря международной солидарности единомышленников и материальной помощи извне. Источником и того, и другого могла быть только революционная Россия (с 1922 г. – СССР), самым ходом событий выдвинутая на доминирующую позицию в Коминтерне.

Это привело к тому, что компартии страдали не только от собственных «детских болезней» (левого экстремизма, сектантства, доктринерства), но и от ошибок руководства большевиков, которые зачастую неадекватно оценивали политическую реальность за пределами России (да и внутри нее) и стремились искусственно подогнать ее под свои политические лекала.

Связь революции и войны в мировоззрении большевиков имела органический характер. В 1916 г. в статье «Военная программа пролетарской революции» В. И. Ленин высказал тезис о том, что «...не может в настоящее время быть большой войны, которая рано или поздно не развернулась бы в войну мировую, и... не может быть большой революции, которая бы не задела всего мира... развиваясь в мировую революцию». Этот ленинский тезис оставался мировоззренческим кредо и стратегической установкой советского руководства на протяжении всех лет существования Коминтерна.

Сложность такого явления, как Коминтерн, состояла в том, что, с одной стороны, Коммунистический интернационал выражал стремление большевиков раздвинуть территориальные пределы своей власти, а с другой – колоссально ослабленная революционной разрухой Россия сама превращалась в объект передела, и программа мировой революции объективно работала на то, чтобы не допустить «растаскивания России по кускам».

Учреждение Коминтерна состоялось на I конгрессе в Москве 2–6 марта 1919 г., но фактически, как говорил В. И. Ленин, «III Интернационал... создан в 1918 г... во время войны». На территории России находились сотни тысяч военнопленных германской, австро-венгерской и турецкой армий. Были также рабочие-отходники – из Турции, Ирана, Кореи и Китая. Всего в 1917–1920 гг. на территории России находилось не менее миллиона граждан из сопредельных стран Востока.

Большевистская пропаганда в этой среде, ставшей первым полем деятельности Коммунистического интернационала, явилась одной из «...важнейших страниц в деятельности Российской коммунистической партии». Разъехавшись впоследствии по своим странам, бывшие военнопленные, по словам В. И. Ленина, «...добились того, что бациллы большевизма полностью подчинили эти страны своей власти».

Создание III Интернационала означало готовность начать революцию в любой стране, которая окажется следующим за Россией слабым звеном – в смысле истощения военными действиями или нового статуса в послевоенном мире.

В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий приурочили созыв I конгресса к работе Парижской мирной конференции, итогом которой стало подписание 28 июня 1919 г. Версальского мирного договора. Коминтерн с первых дней существования объявил себя организацией «анти-Версаль». Тем самым он приобретал черты, которые никакой коммунистической теорией не предусматривались. «Вся система версальской политики, – писал член Исполкома Коминтерна К. Б. Радек, – базировалась на уничтожении не только Советской России, но и на уничтожении

России как великой державы» (курсив Радека. – Авт.). Лозунг строительства всемирного «здания советского строя» начинал, таким образом, служить решению иной исторической задачи – отстоять единство территории России в переплетении двух войн, мировой и гражданской, защитив «осажденную крепость» площадью 22 млн квадратных километров.

Основным стратегическим расчетом российских большевиков при захвате власти в Петрограде 25 октября (7 ноября) 1917 г. была ставка на то, что в условиях всемирного военного катаклизма им удастся развязать революцию на Западе. Эта идея доминировала на I конгрессе Коминтерна. «Победа коммунизма в Германии, – говорил первый председатель Коминтерна Г. Е. Зиновьев²⁹, – совершенно неизбежна... И притом – уже в ближайшие месяцы, может быть, даже недели... Через год вся Европа будет коммунистической». В соответствии с этим провозглашалось, что «...освобождение колоний мыслимо только с освобождением рабочего класса метрополий». Но схема продвижения революции от европейских метрополий к азиатским колониям и полуколониям рухнула в том же, 1919 г., когда и была выдвинута. На смену ей пришла «азиатская ориентация».

Решение конкретного вопроса, что целесообразнее – развернуться «лицом к Западу» или «лицом к Востоку», зависело от международной конъюнктуры и убежденности большевиков в том, что послевоенный период международных отношений есть период междувоенный. «Последняя война, – отмечалось в документах Коминтерна в 1921 г., – была... европейским предисловием к действительно мировой войне», неизбежность которой вытекала из коминтерновской концепции двух осей мировой политики. Одной «осью борьбы» (противоречий послевоенного передела мира) представляли в 20-е гг. отношения в треугольнике США – Англия – Япония. «Группировка сил международной революции (Российская Советская Федерация и III Интернационал) составляла «вторую ось мировой политики».

Деятельность Коминтерна строилась по обеим осям борьбы и зависела от их взаимного смещения. «Мировая война, – отмечал К. Б. Радек, – окончилась победой Северо-Американских Соединенных Штатов (так назывались США в России и отдельных официальных советских документах до начала 1940-х гг. – Авт.) в мировом масштабе, торжеством Англии в Европе и Японии – в Восточной Азии», при этом «...Англия оказывает противодействие гегемонии Соединенных Штатов», а «Франция... оспаривает гегемонию Великобритании». Существенным для мировой политики считались взаимоотношения именно этих стран. «Кроме Советской России, – подчеркивал К. Б. Радек, – только они являются субъектами мировой политики. Все остальные лишь ее объекты».

Страны Востока как объекты мировой политики служили колониальным «тылом» западных держав и давали первоклассный «горючий материал», использование которого расширяло плацдарм революции и соответственно укрепляло международное положение СССР. Отсюда необходимость поддержки национально-освободительных движений идеями, людьми, деньгами, оружием всюду, где подобное оказывалось возможным.

Большевики возвращались к решению вековых (великодержавных) задач исторической России как государства, центральное положение которого на евроазиатском континенте делало для него обязательным одновременное дипломатическое и стратегическое маневрирование на западном и восточном направлениях. К. Б. Радек писал в «Правде» (11–12 мая 1920 г.), что «...гражданская война большевиков была национальной войной за соби́рание русских земель в руках одного диктатора – рабочего класса».

Коминтерну, провозгласившему себя мировой партией революционного действия, были свойственны строгая международная дисциплина, стремление ко все большей централизации, к превращению в структуру с ярко выраженными командными полномочиями, ограничивая при этом самостоятельность и самодеятельность национальных партий. Вместе с тем Коминтерн являлся движением, объединяющим значительные массы рабочих во многих странах.

Высшим органом Коминтерна являлись конгрессы. Между конгрессами руководство осуществлялось Исполнительным комитетом (Исполкомом) Коминтерна (ИККИ). Устав закреплял за ИККИ право и обязанность издавать не менее чем на четырех языках центральный орган Коминтерна – журнал «Коммунистический интернационал», следить за созданием нелегальных коммунистических организаций, а также право создавать в различных странах целиком подчиненные ему технические и иные вспомогательные бюро.

В качестве руководящих органов Исполкома Коммунистического Интернационала первоначально выступали Президиум, Оргбюро и Секретариат. Оргбюро занималось вопросами отдельных компартий – секций Коминтерна, а Секретариат ИККИ являлся «исполнительным органом ИККИ, его Президиума и Оргбюро».

Для практической работы Исполкомом Коммунистического интернационала был создан аппарат, который на протяжении всей истории Коминтерна подвергался реорганизациям – в зависимости от стоявших политических задач или от перипетий внутрипартийной борьбы в рядах РКП(б). В состав аппарата ИККИ входили отделы, ведавшие определенными отраслями работы.

После IV конгресса Коминтерна (5 ноября – 5 декабря 1922 г.) в аппарат Коминтерна входили Организационный отдел, Отдел международной связи, Восточный отдел, Информационно-статистический отдел, Агитационно-пропагандистский отдел, Издательский отдел, журналы ИККИ и целый ряд комиссий и других подразделений, создаваемых и Президиумом, и Секретариатом, и Оргбюро.

По решению Оргбюро от 11 декабря 1922 г. при Орготделе была образована «Постоянная комиссия по работе в армии», с ноября 1924 г. – постоянная Военная (Антивоенная или Военно-конспиративная) комиссия. Она называлась также Комиссия «М» – «милитаристская». Комиссия начала развертывать работу под руководством Ф. Петрова (Ф. Ф. Раскольников)³⁰. В нее входили также В. Мицкевич-Капсукас³¹, И. Уншлихт³², являвшийся в то время заместителем председателя ВЧК, и О. Гешке³³. В последующем в состав комиссии включили представителей от Исполкома КИМ, компартии Чехословакии и компартий романских стран. Комиссия «М» строила свою деятельность по трем основным направлениям: антиимпериалистическая работа в армии и флоте капиталистических стран; пропаганда вопросов, связанных с подготовкой к революционной вооруженной борьбе; организация пролетарской самообороны и борьба против провокаций.

Комиссия занималась также организацией подготовки кадров военных работников для ряда компартий, в основном через военные заведения Советского Союза. Особенно активно комиссия работала осенью 1923 г. в связи с подготовкой к революционным боям в Германии.

Учитывая, что ряд секций Коминтерна находился на нелегальном положении, а также считаясь с возможностью перехода на подобное положение и других партий, Оргбюро ИККИ при Организационном отделе была создана комиссия, которая в начале января 1923 г. получила название «Постоянная нелегальная комиссия» (Постоянная комиссия по нелегальной работе). Эта комиссия должна была заняться «подготовкой соответствующих партий» к нелегальной работе. В ноябре 1924 г. в ее состав вошли: В. Мицкевич-Капсукас (руководитель), В. Богуцкий³⁴, М. А. Трилиссер, О. Гешке, Ф. Эйдукевич³⁵ (секретарь), а также представители Исполкома КИМа и компартий романских стран. Работа обеих комиссий была взаимосвязана.

По одному из удачных сравнений, Коминтерн представлял собой, подобно айсбергу, две неравные части. Меньшая часть айсберга, находившаяся на поверхности, – это конгрессы, пленумы ИККИ, учебные заведения – Международная ленинская школа (1925–1928), Коммунистический университет трудящихся Востока (1921–1928), Университет трудящихся Китая им. Сунь Ятсена, переименованный в Коммунистический университет трудящихся Китая (1925–1930) и др. К «надводной части айсберга» относились и создававшиеся Коминтерном органи-

зации – Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн)³⁶, Крестьянский интернационал (Крестинтерн), Коммунистический интернационал молодежи (КИМ)³⁷, Антиимпериалистическая лига, различные международные антифашистские организации, Международная организация помощи борцам революции (МОПР)³⁸, Международная организация рабочей помощи (Межрабпом)³⁹, Международный комитет друзей СССР, Интернационал свободомыслящих пролетариев, Красный спортивный интернационал (Спортинтерн) и другие.

Большая же часть «айсберга» была не видна, утверждали авторы этого образного сравнения. Это был мир «подпольной политики», и здесь главной организационной структурой был ОМС – Отдел международной связи ИККИ, контролировавший тайную деятельность, финансы, кадры, державший в руках «все связи и всю агентуру». А вот здесь если с последней частью утверждения можно и согласиться, то первая его часть ни в коей мере не соответствовала действительности. К миру «подпольной политики» относились в первую очередь уполномоченные (представители), инструкторы ИККИ. Именно они осуществляли конкретную, повседневную работу с иностранными компартиями, в том числе и находившимися на нелегальном положении. Именно они должны были организовывать работу иностранных компартий в армии, и сами принимали в «антиимпериалистической работе» активное участие, именно они должны были готовить компартии к нелегальной работе. Руководство деятельностью таких представителей Исполкома Коминтерна за рубежом осуществлялось непосредственно через Орготдел. Последующая вертикаль принятия решений замыкалась на Оргбюро (с декабря 1927 г. в связи с ликвидацией Оргбюро его функции были переданы Политсекретариату ИККИ).

Отдел международной связи при всей своей важности и незаменимости играл в деятельности Коминтерна обеспечивающую роль, и не более того. И приписывать ОМС несвойственные ему функции совершенно не следует. Хотя это и не означает, что сами сотрудники ОМС и его руководители не всегда адекватно сознавали свое место и предназначение, которое в определенной степени поддерживалось и культивировалось у них отдельными руководителями ИККИ, а также распределением обязанностей между отделами и секретариатами Исполкома Коминтерна. Сознание собственной избранности в организации далеко не всегда положительно сказывалось на результатах работы. Но об этом отдельно.

Отдел международной связи был, пожалуй, единственным из отделов аппарата ИККИ, который с 1921 по 1936 г. не менял своего названия. В августе 1920 г. Малое бюро, ставшее впоследствии Президиумом, приняло решение о создании Секретного отдела (взамен образованной вскоре после I конгресса «Особой комиссии по связи ИККИ»). 11 ноября 1920 г. решением Малого бюро ИККИ отдел оформился как Конспиративный отдел во главе с Д. Бейко⁴⁰.

С июня 1921 г. Конспиративный отдел стал называться Отделом международной связи. Главной задачей ОМС являлось осуществление посредством своих пунктов конспиративных связей между ИККИ и коммунистическими партиями, что включало в себя пересылку директив, информации, документов и денег для финансирования зарубежных компартий, нелегальную переброску людей «по суше и по морю» из страны в страну, отправку отобранных кандидатов для обучения в Советский Союз. Через пункты ОМС за границей в Москву поступали информационные материалы от зарубежных компартий. Отдел международной связи и его пункты занимались изготовлением фальшивых паспортов, организацией явочных квартир, распространяли марксистскую литературу, в том числе через созданные ими книжные экспедиционные конторы.

Первым заведующим ОМС был назначен Иосиф Аронович Пятницкий⁴¹ (настоящие имя и фамилия Иосель Ориолов Таршис), опытный деятель революционного подполья в России. Позднее И. А. Пятницкий был известен как Осип Пятницкий (без отчества). В документах и литературе, посвященной Коминтерну, существует разноречивая информация в использовании имени Пятниц-

кого. Сын Пятницкого, Владимир Иосифович, считает возможным называть отца Осипом. Тем не менее ранее и далее по тексту используются инициалы И. А., так как в официальных документах Пятницкий проходил как Иосиф Аронович.

Существует байка, поведенная Владимиром Иосифовичем, о происхождении псевдонима отца, ставшего впоследствии фамилией одного из известных руководителей Коминтерна: «Социал-демократки мать и дочь Бахи придумали в целях конспирации прозвище «Фрейтаг» (в переводе с немецкого «Пятница»), так как он постоянно назначал им встречи по пятницам».

Пятницкий был одним из революционеров-профессионалов – агентом печатного органа РСДРП «Искры», отвечавшего за доставку газеты в Россию и ее распространение. Именно он, по свидетельству представителя ОМС в Польше И. М. Бергера, много лет проработавшего с Пятницким, «...организовал массовую переброску большевистской литературы с Запада на Восток, из Лейпцига в Питер и Москву, имея в своем распоряжении ограниченные средства, а против себя – всю мощь царского аппарата».

Однако бесценный опыт нелегальной работы без своего развития в меняющейся обстановке, в новых условиях подпольной деятельности становился штампом и препятствием в работе. Сотрудница ОМС Анна Разумова на вопрос, заданный ей в ходе допроса сотрудником Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД в 1937 г., рассказать об И. А. Пятницком как руководителе Коминтерна ответила: «Вы помните, как Пятницкий перевозил «Искру» в чемоданах с двойным дном? Да-да. И вот, представьте, когда мы в Коминтерне уже в 1920-1930-е годы везли материалы и т. д., он навязывал, чтобы мы так действовали. Хотя уже времена были другие, у него этот способ остался в памяти».

Чемодан с двойным дном – это образ, характеризовавший в данном случае восприятие Пятницким требований конспирации. Подобное легковесное отношение к этим требованиям, являвшимся залогом «выживания» нелегала во враждебной среде (а вернее, пренебрежение к их соблюдению), проявилось спустя много лет во время пребывания Зорге в Китае. Все это ни в коей мере не означало отказа от осмысления опыта подпольной работы партии, и преломления его к «современной» действительности.

С 19 декабря 1922 г. пост заведующего Отделом международной связи занимал Павел Александрович Вомпе⁴². После его смерти в августе 1925 г. руководителем ОМС был утвержден М. Г. Грольман⁴³, в недавнем прошлом сотрудник Региструпра Полевого штаба Революционного военного совета Республики (РВСР).

Вскоре Грольмана сменил А. Е. Абрамович, известный в Коминтерне под фамилией «Альбрехт»⁴⁴. Особого рвения Абрамович в должности заведующего ОМС не проявлял. В апреле 1926 г. он обратился в Секретариат Исполкома Коминтерна с заявлением, в котором довольно сумбурно объяснял, что используется в Коминтерне неправильно, сидит зачастую без дела, а «...добавочная работа в Орготделе, которая... до сих пор представлялась, носит больше номинальный характер». Абрамович входил от ОМС в состав руководства Орготдела. В заключение он попросил освободить его от обязанностей заведующего ОМС и откомандировать в распоряжение ВКП(б). В сентябре Абрамович действительно ушел с занимавшегося им поста и перешел снова в Орготдел на должность референта. Однако уже в начале января 1927 г. постановлением Секретариата ИККИ он был командирован в Шанхай. После непродолжительной, но бурной деятельности Абрамович был отозван из Китая, который покинул 23 апреля 1927 г. В декабре этого же года он вернулся в Шанхай уже в качестве представителя ОМС.

После А. Е. Абрамовича до 1936 г. заведующим Отделом международной связи являлся Александр Лазаревич Абрамов⁴⁵, известный в тот период как Абрамов-Миров, перешедший на работу в Разведывательное управление РККА.

С октября 1936 г. по май 1937 г. Службу связи Секретариата ИККИ (так стал называться с 1936 г. ОМС) возглавлял в прошлом один из руководителей военной разведки Борис Николаевич Мельников под фамилией «Мюллер». С начала февраля 1932 г. по сентябрь 1933 г. Мельников являлся заместителем начальника IV управления РККА – начальником 2-го отдела. После этого была должность уполномоченного НКВД по Дальневосточному краю (г. Хабаровск). Затем один месяц находился на должности генерального консула СССР в Нью-Йорке и несколько месяцев работал в 1935 г. инструктором ЦК ВКП(б) Украины. 4 мая 1937 г. Мельников был арестован. Требования, предъявляемые к кандидату на занятие должности заведующего Службой связи Секретариата ИККИ, были сформулированы Д. З. Мануильским, одним из руководителей Коминтерна, в запросе от 1 октября 1937 г., адресованном в ЦК ВКП(б): «Нужен крупнейший организатор, знающий один из основных языков (немецкий, английский, французский), знающий за границу, бывавший продолжительное время там, имеющий опыт подпольной работы. Лучше всего подошел бы бывший работник Наркомвнудела или IV управления РККА».

В структуре ОМС имелись подотделы: пунктов связи, литературный, курьерский, «техники», финансов.

Снабжение иностранных партийных деятелей и сотрудников Коминтерна документами прикрытия, и в первую очередь паспортами, возлагалось на подотдел «техники». Существовало несколько способов получения паспортов. Первый из них, самый простой и далеко не самый надежный, заключался в следующем. Иностраный коммунист, проживавший в СССР, передавал свой паспорт в ОМС Коминтерна, где документ «подправлялся» с учетом данных человека, которому он предназначался. Понятно, что подготовленный таким образом документ, который назывался «промытым» паспортом, часто причинял массу неприятностей своему новому владельцу, а сам способ не обеспечивал все возрастающую потребность в легализационных документах. Полностью поддельными документами в Коминтерне практически не пользовались.

Особенно ценились паспорта Швейцарии, которые позволяли их владельцам путешествовать по странам Западной Европы без визы. Наиболее надежным был способ получения швейцарских паспортов с привлечением полицейских чиновников, которые сотрудничали с местной компартией на идеологической или материальной основе. Так, полицейский служащий (псевдоним «Сапожник») паспортного стола в г. Вале с 1926 г. передавал компартии Швейцарии в интересах ИККИ паспорта и другие официальные документы, в которых нуждался Коминтерн. За это «Сапожник» получал ежемесячное вознаграждение в размере 150 франков, а с середины 30-х годов имел еще и премию в 100 швейцарских франков за каждый выданный документ. Этот полицейский сотрудничал с Коминтерном, а через него и с советской разведкой вплоть до 1942 г. Процедура получения паспортов выглядела следующим образом. Установочные данные (пол, возраст, особые приметы) на человека, которому был нужен паспорт, передавались «Сапожнику», который подбирал в архивах полицейского управления швейцарского гражданина с данными, максимально совпадавшими с переданными из Москвы. Затем в подотделе «техники» изготовлялось фальшивое свидетельство о рождении, на основании которого паспортным столом в г. Вале и выдавался паспорт.

Однако владелец паспорта не выдерживал серьезной проверки, когда по месту жительства его «родных» посылались его фотография, которую должны были опознать.

В подотделе «техники» изготовлялись и другие легализационные документы, а также печати, штампы, спецчернила, бумага и т. п.

Через ОМС продолжали действовать соответствующие отделы Профинтерна, КИМ и других международных организаций.

ОМС создавал пункты связи не только за границей, но и на территории Советской России, в первую очередь в портовых городах.

С мая 1924 г. до мая 1927 г. действовал пункт связи ОМС в Пекине. Представителем ОМС являлся А. Я. Сярэ⁴⁶, до этого работавший по линии Разведупра Штаба РККА помощником резидента в Ревеле. Сярэ находился в Пекине под прикрытием советского полпредства в качестве заведующего его финансовой частью. Спустя несколько лет он вновь окажется в Китае в качестве представителя IV управления под официальным прикрытием, на сей раз уже в качестве резидента – консул в Дайрене (с 1932 г), первый секретарь в Нанкине (с сентября 1933 г).

К 1928 г. Отдел международной связи имел свои пункты в Одессе, Владивостоке, Иркутске, Чите, Ленинграде, Мурманске, Киеве, Баку, Риге, Ревеле (Таллине), Берлине, Вене, Варне, Стокгольме, Париже, Христиании (Осло), Константинополе, Амстердаме и других городах Европы, Азии и Америки. Через эти пункты ОМС наладил связи с компартиями многих стран. Было положено начало развертыванию работы на местах под прикрытием создаваемых экспортно-импортных фирм.

Развернул работу пункт связи ОМС и в Шанхае, решая задачи установления контактов с революционными организациями Китая, Кореи, Японии и других стран. Этот пункт занимался получением и отправкой почты, зашифровкой и расшифровкой шифротелеграмм, распространением коммунистической литературы, финансовыми операциями, в том числе передачей «московских» денег руководителям компартий, отправкой на учебу отобранной китайской молодежи, «обслуживал» представителей Профинтерна, КИМ, МОПР, Антиимпериалистической лиги.

Отдел международной связи Коминтерна являлся строго засекреченным подразделением, и вся его работа за рубежом должна была осуществляться нелегально и конспиративно. Но о какой конспиративности и нелегальности могла идти речь, если до майского постановления Политбюро ЦК ВКП(б) представители ОМС за рубежом находились на должностях советских полпредств и торгпредств, а с 1923 г. фельдъегерская связь ГПУ использовалась «для нужд Отдела международной связи». Значительная часть печатной продукции, различных грузов и товаров, предназначенных для Коминтерна, шла в Москву в адрес Наркомата внешней торговли. Коминтерновские телеграммы и радиограммы за границу (и наоборот) передавались компартиям только через Наркомат иностранных дел – специально была учреждена должность «представителя ИККИ при НКВД» по отправке радиотелеграмм. Для перевозки людей и грузов ОМС использовал выделенные в его распоряжение по решению Политбюро ЦК и Совнаркома специальные железнодорожные вагоны и торговые суда. Периодически между ИККИ, с одной стороны, а с другой – советскими наркоматами и ведомствами возникали разногласия, споры и даже конфликты.

Далеко не все сотрудники ОМС были профессионалами в нелегальной работе, что приводило к регулярным провалам. В повседневной практике Отдела международной связи при переписке и обмене телеграммами использовались коды и шифры. Однако и здесь к этим элементам конспирации нередко относились формально. «Уважаемый товарищ. 1. Ваше письмо от 17 /IV и приложенные 256 кило чаю для Леона Асланиди получено...» – писал сотрудник ОМС, скрывавшийся под псевдонимом «Блиц», заведовавшему отделом «Альбрехту» (Абрамовичу) весной 1926 г. Под «Леоном Асланиди» скрывалось кодовое обозначение компартии Японии, а «килограмм чая» подразумевал один американский доллар. «Блиц» не удержался от комментариев используемого в переписке кода: «...Надо иметь в виду особенности каждой страны, наприм[ер], ни один черт из Москвы не присылает «чай» в Асланидию, т. е. такой покупки или заказа никогда не было и не будет».

В августе 1925 г. секретарь Исполкома Коммунистического интернационала молодежи Виссарион Ломинадзе⁴⁷ обратился к секретарю ИККИ Отто Куусинену⁴⁸ и председателю Исполкома Коминтерна Г. Е. Зиновьеву с заявлением, в котором подверг резкой критике деятельность как московского аппарата ОМС, так и его берлинского и венского пунктов. Кап-

лей, переполнившей чашу терпения ответственного работника КИМ, явились злоключения одного из сотрудников Исполкома Коммунистического интернационала молодежи, который был задержан на пароходе германской полицией и провел восемь дней в гамбургском участке, поскольку не получил от представителя ОМС в Берлине А. Л. Абрамова (псевдоним «Миров») нужных документов.

«Т[оварищ] Иоганн, – писал Ломинадзе о другом сотруднике ИККИМ, – арестованный сейчас в Голландии. получил какую-то дрянную бумажонку, которая осложнит его положение, тогда как все это можно было устроить вполне легально. Со своей стороны я добавлю еще несколько фактов, – продолжал возмущаться Виссарион Ломинадзе. – Я, уезжая из Берлина в Прагу, получил две явки в Прагу от того же т. Мирова. Обе оказались совершенно фантастическими, и я, конечно, позорно провалился бы в Праге, не возьми я случайно одного частного адреса у частного знакомого.»

Не единичным случаем было выяснение отношений между уполномоченными (представителями) ОМС и Исполкома Коминтерна за границей. Об этом свидетельствует документ, датированный сентябрем 1927 г. и называвшийся «О взаимоотношениях отделения ОМС с уполномоченными ИККИ». В нем, в частности, говорилось, что отделение ОМС в Китае «... имеет целью установить связь между ИККИ и Китаем» и оно «... не подчинено уполномоченным ИККИ в Китае, а ответственно за свою работу перед ОМС ИККИ». Более того, любые сношения уполномоченного ИККИ с отделением ОМС должны производиться исключительно через заведующего ОМС или его заместителей, финансовые операции – лишь по указанию ОМС ИККИ; то же касалось заказов паспортов, прохождения всей переписки с заграницей. Наконец, все конфликты между уполномоченными ИККИ и отделением, указывалось в документе, должны разрешаться ОМС.

Очевидно, предложения по финансированию компартий должны были исходить от уполномоченных ИККИ на местах, а никак не от ОМС, функции которого должны были быть ограничены лишь передачей выделенных средств. Ведь в конечном счете решения о финансировании зарубежных компартий и размерах этого финансирования принимал не Отдел международной связи, а Секретариат (Политсекретариат) ИККИ. Классический пример, когда телега была поставлена перед лошадей. Такой документ мог быть принят исключительно благодаря поддержке И. А. Пятницкого, бывшего заведующего ОМС и курировавшего в Политсекретариате деятельность Отдела международной связи.

Деятельность военной разведки в первой трети XX в. нельзя рассматривать в отрыве от деятельности Исполкома Коммунистического интернационала. Между Разведупром (IV управлением Штаба РККА) и международной организацией коммунистов происходил постоянный обмен информацией и людьми. Сотрудники Исполкома Коминтерна переходили на службу в военную разведку и наоборот. Подобное явление было довольно распространенным.

Контакты за границей представителей Разведупра и сотрудников ИККИ (особенно когда в одном городе, в одной стране оказывались старые знакомые и друзья по работе в компартиях и в аппарате Коминтерна) невозможно было исключить, и они представляли собой неизбежное зло, неся в себе перманентную угрозу провала. И в первую очередь для военных разведчиков.

1.2. Усилия, предпринимавшиеся Советским Союзом по созданию в Китае дружественного государства (1922–1926)

Для обеспечения государственных интересов на Дальнем Востоке советские представители настойчиво добивались нормализации советско-китайских отношений, признания РСФСР существовавшим пекинским правительством де-юре. Одновременно развертывалась военно-политическая деятельность Советского Союза на Юге Китая. По сути, это были два независимых и разнесенных друг от друга по месту процесса. Попытки их объединить были предприняты позднее и в конце концов достигли результатов, плодами которых СССР воспользоваться не удалось.

Начатый еще в 1920 г. курс на установление дипломатических отношений с центральным (пекинским) правительством предусматривал решение в том числе и вопросов, относившихся к КВЖД в Северной Маньчжурии.

12 декабря 1921 г. в Пекин для проведения переговоров прибыла советская делегация во главе с А. К. Пайкесом⁴⁹ в качестве неофициального посланника. Вместе с тем Пайкесу был гарантирован дипломатический иммунитет и «все способы сношения с Москвой» – использование курьеров и шифровальной переписки. Однако вступить в переговоры с китайской стороной Пайкесу так и не удалось. 12 августа 1922 г. в Пекине появилась новая российская делегация во главе с А. А. Иоффе⁵⁰, которого китайская сторона согласилась принять, как и Пайкеса, только «полуофициальным представителем правительства РСФСР в Пекине». Перед делегацией была поставлена задача: добиться установления официальных дипломатических отношений с Китаем, заключить торговый договор и соглашение по Китайско-Восточной железной дороге.

В меморандуме китайского МИД от 11 ноября 1922 г. в этой связи указывалось, что при заключении соглашения по КВЖД необходимо исходить из текста «Обращения правительства РСФСР к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» от 25 июля 1919 г., в котором якобы содержалась следующая фраза: «Рабоче-Крестьянское Правительство намерено все права и интересы, имеющие отношение к КВЖД, безоговорочно вернуть без всякого вознаграждения».

Именно утверждение китайской стороны о наличии в обращении от 25 июля 1919 г. пункта о безвозмездной передаче Китаю КВЖД явилось основным камнем преткновения на переговорах с представителями пекинского правительства. Этот вопрос стал предметом оживленных дискуссий не только в 20-е годы, но и в последующие годы среди советских и китайских исследователей.

Отправной точкой в дебатах следует считать текст обращения от 25 июля 1919 года, опубликованный в «Известиях» 26 августа 1919 г., в котором абзац о безвозмездной передаче КВЖД Китаю отсутствует. Поэтому все последующие споры о наличии или отсутствии этой фразы бессмысленны. В первоначальном документе ее нет!

Как следовало из контекста обоих обращений советского правительства от 1919 и 1920 гг., Советская Россия, безусловно, готова была передать железную дорогу Китаю без каких-либо компенсаций, хотя об этом текстуально прямо и не говорилось. Двойкой трактовки здесь быть и не могло.

В последующем во внешнеполитическом курсе Советской России постепенно возобладали собственно государственные интересы. 16 ноября 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) утвердило протокол заседания коллегии НКВД РСФСР, в котором говорилось, что Россия сохраняет за собой собственность Китайско-Восточной железной дороги, но как друг восточных народов и как враг империализма отказывается от политических и правовых привилегий и готова

пойти на следующие уступки Китаю: сужение полосы отчуждения, досрочный выкуп дороги на льготных условиях, согласие на участие Китая в смешанном управлении дорогой.

В письме от 20 января 1923 г., адресованном А. А. Иоффе, выступавшему за передачу Китаю права собственности на КВЖД «без всякого вознаграждения», Л. Д. Троцкий объяснил позицию советского правительства и коммунистической партии. «Как хотите, – писал Троцкий, – но мне и сейчас не ясно, почему отказ от империализма предполагает отказ от наших имущественных прав. Китайско-Восточная железная дорога была, бесспорно, орудием империализма, поскольку она была нашей государственной собственностью на китайской территории. Поскольку же дорога переходит в руки Китая, она есть огромная хозяйственно-культурная ценность. В этом смысле мне совершенно непонятно, почему китайский крестьянин должен иметь дорогу за счет русского крестьянина... Мы можем и должны помочь Сунь Ятсену стабилизировать в Китае внутренний режим. Почему же Сунь или кто другой не может в этом случае частично возмещать нам наши расходы по Китайско-Восточной железной дороге, которой китайский народ будет пользоваться? Почему империализм?»

Вы очень настаиваете на бедности Китая. Позвольте Вам напомнить, дорогой Адольф Абрамович, что Россия тоже очень бедна и совершенно не в силах оплачивать расположение к ней колониальных и полуколониальных народов материальными жертвами. Разумеется, очень заманчиво было бы отказаться от имущества Китайско-Восточной железной дороги, то есть сделать подарок в 800 миллионов рублей, и сверх того дать займы 40 миллионов рублей (тоже, очевидно, без надежды на отдачу). Дорогу китайцы взяли бы, 40 миллионов рублей израсходовали бы очень скоро и потребовали бы продолжения, а не получив такового, обратились бы к Америке и перенесли бы туда свои симпатии.»

Но был еще один фактор, препятствовавший нормализации советско-китайских отношений, – Внешняя Монголия.

Стремясь установить дипломатические отношения с центральным правительством, советское руководство в то же время вынашивало планы создать в Пекине другое, дружественное Советской России правительство, используя те или иные комбинации между различными противоборствовавшими военно-политическими группировками и их лидерами.

Наиболее перспективными с этой точки зрения представлялись в это время У Пэйфу и Сунь Ятсен. Первоначально советская дипломатия ориентировалась на У Пэйфу как на самого сильного и, как считалось, относительно прогрессивного военно-политического лидера. У Пэйфу, контролировавший центральное правительство, не уклонялся от контактов с советской стороной и даже передал письмо на имя Л. Троцкого, в котором говорилось «о солидарности русско-китайских задач на Дальнем Востоке». Одновременно прилагались усилия добиться сотрудничества Сунь Ятсена с У Пэйфу, которое должно было привести к созданию нового коалиционного правительства в Пекине, дружественного по отношению к Советской России.

С У Пэйфу неоднократно встречался летом 1922 г. А. И. Геккер⁵¹, входивший в качестве военного эксперта в состав дипломатической миссии А. А. Иоффе. После одной из встреч с У Пэйфу в августе 1922 г. Геккер докладывал Л. М. Карахану для передачи Сталину: «Сунь Ятсен – идейный вождь Китая, У Пэйфу – военный, соединившись, оба создадут единый Китай. Теперь [они] ведут переговоры, надеемся, согласятся, [что] Сунь будет президентом республики, он сам – военным и главкомом».

Это были усилия, заведомо обреченные на провал, так как Сунь Ятсен не желал вступать с У Пэйфу ни в какие союзнические отношения. Последний же в качестве условия сотрудничества выдвигал требование, чтобы Сунь Ятсен отрекся от Чжан Цзолиня, что никак не соглашался принять доктор Сунь, который заигрывал с правителем Маньчжурии в целях укрепления собственных позиций. Сунь Ятсен прекрасно сознавал, что Чжан Цзолинь воспринимался советской стороной как японский агент, но заверял, что повлияет на него в нужном направлении. Чжан Цзолинь, в свою очередь, в ходе одной из бесед с Сунь Ятсеном подчеркивал, что

Советская Россия сама преследует империалистические цели в Китае – «КВЖД и Монголию она не отдает, несмотря на все уверения в дружбе».

В 1922 г. между Сунь Ятсеном и российскими дипломатами, в том числе и наркомом иностранных дел РСФСР Г. В. Чичериным, завязалась оживленная переписка. Позиция Суня, состоявшая в заключении временных союзов с милитаристами для использования одного против другого, не давая при этом никому из них особенно усилиться, в полной мере разделялась советскими представителями в Китае и в Москве и, более того, настоятельно рекомендовалась к реализации.

В конце 1922 г. произошел разрыв между возглавлявшими чжилийскую милитаристскую группировку У Пэйфу и Цао Кунем. Последний совершил переворот в Пекине с целью добиться своего избрания президентом. Помощь в перевороте Цао Куню оказал один из генералов У Пэйфу – Фэн Юйсян⁵². Сам же У Пэйфу был вытеснен в провинцию Хэнань. Однако до полного разрыва между бывшими союзниками дело не дошло – ни тот, ни другой не были готовы пойти на такой опрометчивый шаг, так как это означало бы одностороннее усиление Чжан Цзолиня.

«Всякий китайский военачальник без территории, – докладывал в январе 1923 г. А. А. Иоффе руководителям РКП(б) и советского правительства по поводу У Пэйфу, – приблизительно то же, что кавалерист без лошади. Каждому из них нужна территория для того, чтобы на этой территории кормиться, крепнуть, развиваться». Рассуждения насчет генерала и территории в равной степени относились и к Сунь Ятсену, и к его попутчикам из числа милитаристов. Сунь Ятсен призвал себе на помощь юньнаньского и гуансийского генералов. Оба командующих вместе со своими армиями были выброшены за пределы родных провинций конкурентами за власть и испытывали острую потребность в средствах. В конце 1922 г. союзники-милитаристы вытеснили Чэнь Цзюньмина на границу провинций Гуандун и Гаунси, и Сунь Ятсен вновь возвратился в Кантон, где и возглавил правительство Южного Китая.

Юньнаньцы, равно как и гуансийцы, считали свое нахождение в Гуандуне временным, необходимым для накопления сил с последующим триумфальным возвращением в родные провинции. По праву победителей они захватили лучшие доходные районы, превращая их в свою финансовую базу. Само же правительство практически оставалось без источников дохода. Тем не менее с Сунь Ятсеном, который таким непростым путем вернул себе весьма неустойчивую власть в Кантоне, можно было уже обсуждать конкретные вопросы сотрудничества.

Для реализации идей объединения Китая, если не всего, то его большей части, Сунь Ятсен через руководителя дипломатической миссии РСФСР А. А. Иоффе представил советскому правительству в разное время несколько планов (один из них, предполагающий размещение в провинции Синьцзян советских войск, даже был реализован). Сунь полагал необходимым под «...нашей оккупацией там создать русско-китайско-германское общество для эксплуатации... минералов, создание сталелитейного завода и арсенала». Выносился на обсуждение и другой план: из Сычуаня перебросить имевшуюся там якобы 100-тысячную армию Суня к границам Монголии для установления прямого контакта с СССР через Восточный Туркестан и Ургу. Китайская армия при этом должна быть вооружена Советским Союзом и приведена им «в достаточное боевое состояние». После этого, по замыслу Сунь Ятсена, должна быть предпринята последняя Северная экспедиция. Один из проектов Сунь Ятсена основывался на том, что Советская Россия «диверсией из Маньчжурии» отвлечет силы Чжан Цзолиня из занятого им Пекина

Как бы то ни было, для реализации всех планов требовалась финансовая и военная помощь Советского Союза. Размеры денежных вливаний Сунь оценивал «...в размере максимум 2 миллионов мексиканских долларов». Надо сказать, что все планы изобиловали слишком большими допущениями, требовали больших денег и в подавляющем большинстве были вообще нереализуемыми. В частности, Сунь Ятсен совершенно неадекватно оценивал возмож-

ную реакцию иностранных держав на подобные выступления. Именно поэтому советские представители называли Сунь Ятсена фантазером. Но речь шла не только о фантазиях доктора Суня. Для достижения задач объединения страны военным путем китайский лидер стремился использовать Советский Союз, как до этого использовал и продолжал использовать китайских милитаристов.

8 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) признало возможным оказать Сунь Ятсену денежную помощь в запрашиваемом размере, направить в Южный Китай группу политических и военных советников, а также «...признавало желательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы». Вместе с тем Политбюро ЦК РКП(б) отвергло предложения Сунь Ятсена, «...которые в какой бы то ни было мере чреваты опасностью интервенции со стороны Японии», и выразило опасения, что «...Сунь Ятсен уделяет слишком большое внимание чисто военным операциям в ущерб организационно-подготовительной работе».

Удовлетворяя просьбу Сунь Ятсена о присылке в Кантон опытного политического советника для оказания помощи в реорганизации Гоминьдана, Политбюро ЦК РКП(б) на своих заседаниях летом 1923 г. специальным постановлением приняло предложение Сталина о назначении на эту должность М. М. Бородин⁵³. Бородину предлагалось «...свою работу согласовывать с полномочным представителем СССР в Пекине, ведя переписку с Москвой через последнего». Задача заведомо невыполнимая, если учесть огромное расстояние, отделявшее Пекин от Кантона. Новый советский полпред Л. М. Карахан направлялся в Китай для переговоров с пекинским правительством о признании СССР.

В июне 1923 г. впервые в легальных условиях в столице Гуандуна собрался III съезд КПК. К этому времени КПК насчитывала в своих рядах всего 423 члена. Центральным пунктом повестки дня был вопрос об образовании единого фронта с Гоминьданом. О том, что собой представляла Китайская коммунистическая партия в 1923 г., М. М. Бородин писал следующее: «...Нельзя сказать, чтобы Киткомпартия участвовала в массовом движении... Коммунисты, если судить по тем, которых я встретил в Кантоне, очень смутно представляли себе, почему они являются членами компартии». III съезда КПК принял предложенную Коминтерном форму создания единого фронта: индивидуальное вступление коммунистов в Гоминьдан при сохранении политической и организационной самостоятельности КПК.

Сунь Ятсен, который никогда в прошлом не имел твердой военной опоры в Китае, занялся созданием собственных надежных военных кадров. Летом 1923 г. он послал в Москву делегацию военных работников во главе с начальником штаба кантонских войск генералом Чан Кайши для изучения опыта Красной армии.

На руководящих членов китайской делегации советской стороной были подготовлены характеристики. О Чан Кайши, в частности, говорилось следующее: «Глава Генерального штаба. Получил военное образование в Японии. Принадлежит к левому крылу Гоминьдана, являясь одним из старейших членов партии. Пользуется большим доверием Сунь Ятсена. Очень близок к нам. В настоящее время отошел от военной работы на Юге Китая. Поддерживает наш проект операций на Севере Китая (содержание проекта не установлено. – *Авт*). Известен в Китае как один из образованнейших людей. Очень интересуется нашей политической работой в Красной армии, а также техникой ее». Не совсем адекватная характеристика, если не сказать, что совсем неадекватная. Или же другое: за два года, прошедшие после составления характеристики, нам удалось из близкого к Советскому Союзу человека сделать врага. Сам же Чан Кайши в ходе визита неоднократно демонстрировал свою близость с Советским Союзом.

Китайская делегация прибыла в Москву 2 сентября и отбыла в Китай 29 ноября 1923 г.

Во время встречи с заместителем председателя РВС СССР Э. М. Скланским и главкомом Красной армии С. С. Каменевым китайцами были высказаны советской стороне пожелания: во-первых, направить на Юг Китая возможно большее количество советских специа-

листов для обучения китайских военных; во-вторых, получить возможность ознакомиться с Красной армией; в-третьих, совместно обсудить план военных действий в Китае.

Центральным пунктом этого плана было создание с помощью СССР новой армии Сунь Ятсена, сформированной по образцу Красной армии на территории, близлежащей к югу от Урги, на границе Монголии с Китаем. Оттуда предполагалось, взаимодействуя с другими силами, наступать «второй колонной» на силы чжилийской группировки и на Пекин. Это был наиболее спорный пункт плана: даже символические шаги в этом направлении могли резко усилить напряженность в отношениях России с западными державами и Японией, сделать еще более жесткой позицию пекинского правительства на переговорах о признании СССР.

Реакция Москвы на предложения и планы миссии Сунь Ятсена определялась несколькими обстоятельствами. Именно в период пребывания этой миссии в СССР внимание руководства РКП(б) и Коминтерна было поглощено планами развертывания революции в Германии. Задачи материальной, а возможно и военной, поддержки германской революции – «последней надежды» на революционный взрыв на Западе, безусловно, оказывали влияние на принятие решений, чреватых масштабами вовлечения противоборствующих сторон в военные конфликты на Востоке.

Выступая на заседании ИККИ, Чан Кайши сформулировал идею сотрудничества Коминтерна и Гоминьдана, отражавшую как взгляды Сунь Ятсена, так и ожидания советского руководства. «Мы считаем, – заявил китайский генерал, – что фундаментальная база мировой революции находится в России... Партия Гоминьдан предлагает, чтобы Россия, Германия (конечно, после успеха революции в Германии) и Китай (после успеха китайской революции) образовали союз трех крупных государств для борьбы с капиталистическим влиянием в мире. С помощью научных знаний немецкого народа, успеха революции в Китае, революционного духа русских товарищей и сельскохозяйственных продуктов этой страны мы смогли бы легко добиться успеха мировой революции, мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире».

Развивая эти мысли на встрече с Л. Д. Троцким, Чан Кайши выразил надежду, что «...в скором времени освобожденный Китай станет членом Советских Социалистических Республик России и Германии».

Троцкий в своем ответном выступлении остановился на соотношении военной и политической работы. Председатель Реввоенсовета СССР подчеркнул, что партия Гоминьдан «в настоящее время» должна все свое внимание сосредоточить на политической работе, доведя до необходимого минимума военную часть деятельности. Под политической работой Троцкий имел в виду «длительную и упорную политическую подготовку широких народных масс». Это означало, что наибольшая часть внимания Гоминьдана должна была быть обращена на пропаганду. «Хорошая газета, – отметил Л. Д. Троцкий, – лучше, чем плохая дивизия».

Касаясь вопроса оказания военной помощи Китаю, Троцкий заявил: «Мы не отказываемся от оказания военной помощи, но при теперешнем стратегическом соотношении военных сил не представляется возможным оказать эту помощь войскам Суня. Вместо этого мы откроем наши школы для обучения китайских революционеров военному делу».

Уже в ходе повторной встречи со Склянским и Каменевым китайской делегации было сообщено, что Реввоенсовет «...считает возможным посылку китайских товарищей в Россию для размещения в военных учебных заведениях». В частности, в Военную академию РККА 3–7 человек, в военные училища – от 30 до 50 человек.

Как показал ход событий, несмотря на отказ Москвы поддержать военный план Суня, общие итоги миссии укрепили решимость Чан Кайши проводить политику «союза с Россией», ориентироваться на русский опыт в вопросах партийно-государственного и военного строительства. Советский Союз же, со своей стороны, пошел значительно дальше принятых на себя

ограничений в части предоставления военной помощи Китаю: направил инструкторов, организовал в стране военные школы, поставил оружие и боеприпасы, выделил финансовые средства.

Еще до поездки китайской военной делегации в Москву в Гуанчжоу (Кантон) была направлена первая группа советских военных специалистов: И. Г. Герман⁵⁴, В. Е. Поляк⁵⁵, П. И. Смоленцев⁵⁶, Н. И. Терещатов⁵⁷ и А. И. Черепанов⁵⁸. К этому времени кантонское правительство Сунь Ятсена контролировало лишь большую часть Гуандуна, на востоке которого держался Чэнь Цзюньмин.

Первый конгресс Гоминьдана состоялся в январе 1924 г. в Гуанчжоу. Конгресс принял манифест, программу, утвердил устав партии и официально оформил вступление коммунистов в Китайскую национальную партию.

В выступлениях Сунь Ятсена и манифесте I съезда Гоминьдана содержалась обновленная интерпретация его «трех народных принципов». Принцип «национализма», по утверждению Сунь Ятсена, имел две стороны: «Национальное освобождение всего Китая; равноправие всех национальностей на территории Китая». Вторым принципом – «народовластие» – предусматривал «предоставление народу как косвенных, так и прямых прав». Таким образом, народу предоставлялось «...не только избирательное право, но и право законодательной инициативы». Формы народовластия должны были определяться конституцией, основу которой составляло учение Сунь Ятсена «О раздельном функционировании пяти властей: законодательной, судебной, исполнительной, экзаменационной и контрольной». Третий принцип Сунь Ятсена – «народное благосостояние» – мог трактоваться как «государственный социализм». Этот принцип предусматривал «уравнение прав на землю и ограничение капитала». Государство взимало налоги согласно объявленной владельцем цене на землю, а в случае необходимости по той же цене могло выкупить землю. Все принадлежавшие китайцам и иностранцам предприятия, которые имели монопольный характер или были очень велики по своим масштабам, как, например, банки, железные дороги, воздушное сообщение и т. п., должны были управляться государством. Только с учетом этих требований «...частный капитал не мог держать в своих руках средства существования народа». Именно в этом, считал Сунь Ятсен, состоял основной смысл ограничения капитала.

В дальнейшем многие формулировки из документов съезда стали предметом спора и взаимных претензий, входивших в единый фронт политических сил. В частности, коммунисты трактовали курс, принятый Гоминьданом, как «три политические установки»: союз с СССР, сотрудничество с КПК и поддержка крестьян и рабочих. Однако в документах съезда присутствовала лишь формулировка о «допущении коммунистов в партию».

12 апреля 1924 г. Сунь Ятсен обнародовал «Общую программу строительства государства». Государственное строительство планировалось проводить в три периода: «1) период военного правления, 2) период политической опеки, 3) период конституционного правления».

В период военного правления все государственные институты должны были находиться под контролем военной администрации. В ходе «военного периода» предусматривалось взятие власти Гоминьданом в результате вооруженной борьбы (военный поход на Север Китая). В период «политической опеки» (воспитательный этап) предусматривалось господство диктатуры Гоминьдана, подготавливавшего конституционный строй. Когда же на территории большинства провинций полностью осуществится местное самоуправление, предполагалось созвать Национальное собрание, которому надлежало утвердить и обнародовать конституцию.

Дальнейшее совершенствование программы Сунь Ятсена нашло отражение в цикле «Лекций о трех народных принципах», прочитанных им в 1924 г. Отвергая марксистскую концепцию классовой борьбы, он видел движущую силу исторического прогресса в «...примирении интересов громадного большинства общества». Разрабатывая свой социальный идеал, Сунь Ятсен подчеркивал, что «...народное благоденствие – это и есть социализм или, как он по-другому называется, коммунизм». Он связывал происхождение социалистических и коммуни-

стических идей с китайской традиционной (во многом конфуцианской) концепцией «великой гармонии» (*даун*). Говоря о своем социальном идеале, Сунь Ятсен подчеркивал связь времен: «Если все будет принадлежать всем, то наша цель – народное благоденствие – будет действительно достигнута и воцарится мир «великой гармонии», о которой мечтал Конфуций». В Сунь Ятсене весьма своеобразно уживались утопист-мыслитель и прагматик-политик.

Начавшаяся реорганизация Гоминьдана способствовала укреплению позиции правительства Сунь Ятсена в Гуандуне. Определенная стабилизация власти кантонского правительства благоприятствовала также созданию партийной армии. В условиях милитаристического разгула Гоминьдан мог действительно укрепить свои политические позиции только при наличии собственной эффективной военной силы, не зависящей от прихотей китайских генералов.

Советская помощь Сунь Ятсену деньгами и оружием, обещанная в телеграмме А. А. Иоффе от 1 мая 1923 г., начала поступать лишь год спустя. Подобные задержки были связаны с сомнениями Москвы относительно надежности Сунь Ятсена и его партии, а также в связи с тем, что Советское государство входило в полосу признания западными державами, и ему было нежелательно афишировать помощь китайским революционерам.

В мае 1924 г. в Кантон прибыл комкор П. А. Павлов⁵⁹ (псевдоним «Говоров»), назначенный начальником южнокитайской группы советников. Спустя всего два месяца – в июле – Павлов утонул во время переправы через р. Дунцзян. Начальником южнокитайской группы советских военных советников и главным военным советником ЦИК Гоминьдана, в последующем – главный военный советник национального правительства и главного командования Народной революционной армии (НРА) был назначен В. К. Блюхер⁶⁰. Он прибыл в Кантон в октябре 1924 г. К этому времени здесь находилось уже 25 советских военных советников. Комиссаром штаба южнокитайской группы советских военных советников под фамилией «Теруни» был В. Х. Таиров⁶¹.

Летом того же года была открыта созданная с помощью и на средства Советского Союза военная школа младшего командного состава на о-ве Вампу (пекинское произношение Хуанпу), в 25 км от Кантона, в устье р. Чжуцзян, получившая в последующем известность под именем школы Вампу. Курс обучения был рассчитан на шесть месяцев. При школе было создано два учебных полка, которые предусматривалось развернуть в 1-ю дивизию. Во главе школы Вампу, которая стала ядром для создания новой партийной армии, был поставлен генерал Чан Кайши. В октябре 1924 г. школа имела в своем составе около 100 студентов-курсантов. Впервые в истории китайской армии в школе было введено политическое воспитание как обязательный элемент преподавания, ставившее своей задачей, по словам В. К. Блюхера, «... воспитать в курсантах преданность идеи партии, ненависть к врагам – милитаризму и империализму». Под партией имелся в виду Гоминьдан.

Переговоры между Советским Союзом и пекинским правительством об установлении дипломатических сношений, начатые в 1920 г., завершились только в мае 1924 г. За четыре с лишним года в Китае сменились четыре президента (один из них занимал президентский пост дважды) и соответственно четыре правительства.

31 мая 1924 г. при президенте Цао Куне (вступил в должность в октябре 1923 г.) был подписан ряд документов, в том числе базовый – «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», а также «Соглашение о временном управлении КВЖД». В соответствии с первым документом советское правительство отказывалось от прав экстерриториальности и консульской юрисдикции, «...от русской части боксерского возмещения» и «...от специальных прав и привилегий, касающихся всех концессий, в какой бы то ни было части Китая». Как следовало из текста соглашения, КВЖД к таковым концессиям не относилась. Внешняя Монголия была признана советским правительством составной частью Китая. Стороны взаимно обязались не

допускать в пределах своих территорий существования или деятельности каких-либо организаций или групп, задачей которых являлась борьба при помощи насильственных действий против правительства какой-либо из договаривающихся сторон. Советский Союз рассчитывал тем самым пресечь подрывную деятельность белогвардейских групп на территории Китая.

Обе стороны соглашались урегулировать на предстоящей конференции вопрос о КВЖД в соответствии со следующими основными принципами: «Китайско-Восточная железная дорога является чисто коммерческим предприятием»; все другие вопросы, затрагивавшие права национального и местных правительств, должны находиться в ведении китайских властей.

Это соглашение было поддержано и кантонским правительством Сунь Ятсена. Однако в течение четырех месяцев соглашение не могло вступить в силу ввиду отказа признать его Чжан Цзолинем. И только 20 сентября 1924 г. было подписано так называемое Мукденское соглашение – «Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и правительством Автономных Трех Восточных Провинций Китайской Республики о КВЖД, судоходстве, передемаркации границы, тарифном и торговом соглашении». В том, что касалось КВЖД, этот документ отличался от Пекинского соглашения тем, что носил более технический характер. Сохранение концессии иностранного государства на территории Китая, пусть и в усеченном виде, являлось, по сути дела, постоянным источником враждебности в советско-китайских отношениях.

Первый всплеск антисоветской истерии последовал уже в год подписания соглашения. Поводом для этого послужила попытка советского управляющего железной дорогой провести на пост председателя Ревизионной комиссии КВЖД генерала Ян Чжо. Еще мальчиком он был увезен в Россию известной фольклористкой и этнографом Ольгой Христофоровной Агреновой-Славянской после турне ее хора по Дальнему Востоку. В России Ян Чжо получил хорошее образование и в совершенстве овладел русским языком. Однако его и генерала Ян Утина, начальника штаба маршала Чжан Цзолиня, объявили «агентами Коминтерна». Ян Утин должен был якобы поднять восстание в Мукдене, захватить власть и подчинить себе армию. Роль «главы Маньчжурской народной республики» отводилась Ян Чжо. Планы заговорщиков были раскрыты, и вскоре оба были казнены.

Юридически советско-китайские дипломатические отношения продолжали существовать до советско-китайского конфликта летом 1929 г. в Маньчжурии, невзирая на продолжавшуюся смену правительств и президентов в Пекине и признание иностранными державами нанкинского правительства в 1928 г.

Осенью 1924 г. разразилась очередная чжили-фэнтяньская война, завершившаяся на сей раз поражением У Пэйфу в результате измены входивших в чжилийскую группировку генералов во главе с Фэн Юйсяном. Верховная власть в Пекине перешла в руки коалиции победивших милитаристов – Фэн Юйсяна, Чжан Цзолиня и Дуань Цижюя. Коалиция эта, как все предыдущие и все последующие, была временная.

На базе войск, входивших ранее в группировку У Пэйфу, были сформированы так называемые национальные армии (*гаминьцзюнь*, в переписке и документах национальные армии именовались «народными») – 1-я, 2-я и 3-я. Главнокомандующим национальными армиями и командующим 1-й национальной армией стал «христианский генерал» Фэн Юйсян, который отныне начал играть видную и самостоятельную роль в последующем противоборстве сил в Китае. 2-ю и 3-ю национальные армии возглавили Ху Цзинь (с апреля 1925 г. – Юэ Вэйцзюнь⁶²) и Сунь Юэ соответственно. Фэн Юйсян, поддерживавший и ранее отношения с гоминьдановцами, заявил о своей солидарности с революционным кантонским правительством Сунь Ятсена и о намерении содействовать прекращению гражданской войны в стране. В северных провинциях репрессии в отношении левых были несколько ослаблены, и коммунисты образовали в Пекине Северное бюро ЦК КПК.

В Пекине воцарился временный правитель Китая Дуань Цижуй, который в условиях общенационального подъема вынужден был выступить с инициативой созыва общекитайской конференции по объединению страны и пригласить на эту конференцию Сунь Ятсена как одного из самых авторитетных политических лидеров Китая.

Сунь Ятсен принял это приглашение. Поездка на Север делегации Гоминьдана во главе с Сунь Ятсеном задумывалась прежде всего как агитационно-пропагандистское мероприятие с целью расширения политического влияния Гоминьдана на всю страну. В то же время одной из практических целей поездки было установление непосредственного контакта Гоминьдана с Фэн Юйсяном. Между тем глава делегации был уже смертельно болен (рак печени). 12 марта 1925 г. Сунь Ятсена, генералиссимуса, главы правительства и руководителя Гоминьдана, не стало.

Объединительная конференция в Пекине потерпела провал, что еще раз продемонстрировало неспособность милитаристов решить проблему национального объединения мирными средствами. Идея Северной экспедиции по-прежнему витала в воздухе, потому что, если не брать в расчет объединение Китая под эгидой Гоминьдана, захват чужих территорий способствовал разрешению внутренних проблем.

В начале 1925 г. Фэн Юйсян запросил военную и иную помощь у Советской России. Он и его национальные армии стали новым самостоятельным фактором военно-политической борьбы в Китае. В решениях Политбюро наметились тенденции к пересмотру прежнего отношения к Гоминьдану как к основной и решающей силе национальной революции. Всячески внедрялась точка зрения о перемещении центра тяжести национального движения на Север Китая, на передний план выдвигалась задача свержения пекинского правительства главным образом силами сочувствующих Гоминьдану армий.

Фэн Юйсян и его национальные армии все более выходили на передовые позиции борьбы с милитаристскими режимами, где главным их противником оказался их прежний союзник по государственному перевороту – мукденская группировка Чжан Цзолиня, враждебно настроенного к Советскому Союзу. По-видимому, направленность борьбы национальных армий против Чжан Цзолиня сыграла важную роль в утверждении курса Политбюро на развитие северного варианта революции. Это был подлинно северный маршрут с географической точки зрения, в отличие от Северного похода Сунь Ятсена – Чан Кайши.

13 марта 1925 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) было признано целесообразным создание «за наш счет» двух военных школ в Лояне и Калгане. В этой связи М. В. Фрунзе поручалось в кратчайший срок сформировать две военноинструкторские группы по 30–40 человек в каждой. Было признано желательным снабжение «сочувствующих Гоминьдану китайских войск» оружием советских образцов за плату. Л. М. Карахану предписывалось «...выяснить вопросы оплаты оружия либо деньгами, либо нужным нам сырьем и продуктами (хлопок, чай и пр.)». В распоряжение Карахана «немедленно» отпускалось «...некоторое количество оружия и боеприпасов иностранных образцов, по возможности за плату». В Лояне, в последующем в Кайфыне (провинция Хэнань), располагался штаб 2-й национальной армии, а в Калгане (провинция Ча-хар) – штаб 1-й национальной армии.

Если раньше поставки вооружений шли только Кантону, то теперь их предстояло распределять между НРА и тремя национальными армиями в зависимости от их поведения и быстро менявшейся военно-политической обстановки в Китае.

19 марта 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «Создать комиссию в составе тт. Фрунзе, Молотова и Петрова (с заменой Войтинским) для общего наблюдения за текущими мероприятиями по помощи Гоминьдану и сочувствующим ему группам».

Так возникла Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б). Первым председателем комиссии был М. В. Фрунзе, председатель Реввоенсовета СССР, нарком по военным и морским делам, кандидат в члены Политбюро ЦК РКП(б). В последующем его на этом посту заме-

нил К. Е. Ворошилов. Состав Китайской комиссии был непостоянным, из нее выводились и в нее вводились новые члены.

17 апреля на первом заседании комиссии присутствовали Уншлихт, Чичерин⁶³, Войтинский, Петров, Мельников⁶⁴,

Лонгва⁶⁵, Бортновский⁶⁶ и Берзин⁶⁷. Из всех членов комиссии только заместитель руководителя Восточного отдела ИККИ Г. Н. Войтинский и заведующий Отделом Дальнего Востока НКВД Б. Н. Мельников прекрасно знали Китай. Последний же со знанием региона сочетал в себе и опыт разведывательной работы.

На своем апрельском заседании Китайская комиссия констатировала, «... что обстановка в Китае обостряется и развертывающиеся события требуют усиления нашей помощи». События предлагалось не форсировать, тщательно взвешивая в каждом отдельном случае целесообразность оказания помощи.

29 мая в постановлении второго заседания Китайской комиссии (Фрунзе, Уншлихт, Чичерин, Сокольников, Молотов, Бубнов⁶⁸, Петров, Войтинский, Мельников, Бортновский, Лонгва) были детализированы предложения по оказанию помощи Китаю. Организация всей военно-политической работы в Китае, так же как и отпуск средств на расходы, объединялась и сосредоточивалась в «Киткомиссии». Вопрос о направлении средств на оказание помощи Гоминьдану и «Киткомпартии» передавался Коминтерну. Общее число инструкторов в трех группах и пекинском центре было определено в 128 человек. Содержание одной группы (вместе с оперативными расходами) не должно было превышать 200 тыс. рублей в месяц. Было поддержано предложение сформировать на Юге Китая две новые гоминьдановские дивизии и школу Вампу. На формирование двух новых дивизий и содержание одной старой дивизии было отпущено 450 тыс. рублей сроком до 1 января 1926 г.

На усиление разведывательной работы было отпущено с 1 апреля по 1 сентября 1925 г. 30 тыс. долларов США, т. е. в среднем 6000 долларов в месяц. Указанная сумма включалась в общую смету расходов на военно-политическую работу в Китае. Мельникову и Лонгве было поручено разработать практические предложения по этому вопросу.

Отправку людей и военных грузов следовало производить максимально конспиративно, в том числе использовать иностранные суда.

В мае на север Китая в Калган в ставку 1-й национальной армии маршала Фэн Юйсяна прибыла группа военных советников из Советского Союза во главе с комкором В. К. Путной⁶⁹. Среди прибывших в Калган военных советников были А. Я. Климов⁷⁰, Б. А. Жилин, Н. Ю. Петкевич⁷¹ и П. П. Каратыгин⁷². Политика предоставления помощи национальным армиям сопровождалась периодически возникавшими сомнениями в ее целесообразности. Уже в первые недели своего пребывания в Китае Путна высказал мнение о низкой политической сознательности и даже реакционности генералитета, в целом – о нецелесообразности политики опоры на национальные армии. В своих донесениях он докладывал М. В. Фрунзе: «Фэн принимает наше участие как неизбежное и очень неприятное зло».

Соображения Путны входили в противоречие с позицией полпреда Л. М. Карахана о потенциальных революционных возможностях северной группировки. Видимо, поэтому уже в июле Путну на посту руководителя группы военных советников сменил комкор В. М. Примаков.

5 июня 1925 г. на заседании Китайской комиссии Политбюро ЦК РКП(б) было принято предложение Фрунзе о формировании на территории Монголии для оказания помощи Фэн Юйсяну интернационального отряда в составе одного кавалерийского полка. Комплектование людского контингента полка предусматривалось произвести в Северо-Кавказском военном округе и из распущенных партизанских отрядов, а также добровольцев из Красной армии. Отряд должен был «существовать и действовать» как составная часть китайских войск. Фор-

мирование отряда предусматривалось произвести за счет имеющегося у Дальревкома «опийного фонда». Фрунзе должен был «...договориться с Дальбюро о порядке и формах реализации фонда».

А в июне того же года в центральной части Китая, в Кайфыне, в штабе командующего 2-й национальной армией генерала Юэ Вэйцзюня появились советские военные советники, возглавляемые Г. Б. Скаловым⁷³ (псевдоним «Синани»).

Начальник штаба калганской группы советников, в последующем советник при начальнике связи НРА Н. В. Корнеев⁷⁴ (оперативный псевдоним «Андерс»), в своем докладе о работе группы отмечал иллюзии, которые питало руководство в Москве по поводу ситуации в Китае, а также ничем не оправданную поспешность при подготовке к отправке военных советников. Корнеев, в частности, писал:

«Москва представляла обстановку так, что военные действия – выступление Национально-революционной армии с национально-революционными целями – должны произойти в ближайшие месяц-два, и, соответственно, рисовала задачу группы как руководство национально-освободительной борьбой армии. При этом исходили из кратковременности войн в Китае и определили срок работы от 6 месяцев до одного года.

Подбор личного состава соответствовал такому взгляду на задачи группы. Начиная от начальника и донизу первоначального состава группы – никому не было указано на необходимость продолжительной и кропотливой работы в Китае; наоборот, кратковременность срока (½-1 год) усиленно подчеркивались, равно и необходимость напряженной короткой работы. Естественно, что в таких условиях в состав группы поголовно вошли не люди, решившие посвятить свою жизнь Китаю, а люди, лишь согласившиеся ненадолго оторваться от работы в Кр[асной] ар[мии] ради напряженной, непосредственно революционной работы в стране, представления о которой были самыми общими. Что для большинства членов группы поездка в Китай не была целью многих лет жизни, а лишь случайно представившимся эпизодом – об этом свидетельствует тот факт, что из группы лишь два человека до этого изучали английский язык, и лишь один из этих двух – китайский. Таким образом, сам подбор группы предопределял, что долго проработать в Китае она не способна...

За спешностью подбора последовала спешность подготовки. Не только подавляющее большинство группы не было знакомо с техникой конспирации, но и посылающие органы ее не соблюдали и не знали не только условий проезда по чужой территории, но и техники получения виз в Китпосольстве в Москве. Следствием этого явилась массовая явка новоиспеченных «коммерсантов» безо всяких деловых документов в китпосольство в Москве, отказы в визах, новая явка с «документами», поездка в специально прикрепленных вместо вагона-ресторана (для двух десятков «коммерсантов»!) спальных вагонах, штамп «Н. К. И. Д.» на проездных билетах «коммерсантов», неловкости на границе и т. д. Москве совершенно не были известны условия поездки через Монголию, не требующие строгих формальностей, и т. п. В результате поездка группы через Маньчжурию ни коим образом не могла укрыться от чжановского (Чжан Сюэяна. – *Авт.*) и японского сыска в Маньчжурии».

Ситуация не изменилась и по истечении года после прибытия в Китай первой партии военных советников (инструкторов). На их более строгий отбор было обращено внимание комиссии А. С. Бубнова в мае 1926 г. «Все отправляемые работники должны быть предварительно проинструктированы и пройти хотя бы краткий курс ознакомления с обстановкой в Китае в Восточном отделе Военной академии», – говорилось в практических предложениях комиссии. Учитывая, что инструкторы в большинстве случаев направлялись без знания китайского языка, а это мешало интенсивности и полезности работы, Карлу Радеку предлагалось обратить особое внимание на подготовку надежных и достаточно квалифицированных переводчиков в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Комиссия считала необходимым пересмотреть весь личный состав военных инструкторов в Китае и «...наметить как его осве-

жение, так и пополнение». При этом подбор новых инструкторов должен был быть строго персональным с учетом как их квалификации, так и состояния здоровья и семейного положения.

В ходе боевых действий, продолжавшихся с февраля по март 1925 г., армия южнокитайского правительства вытеснила Чэнь Цзюньмина из восточной части провинции Гуандун. Победа над Чэнь Цзюньмином, однако, не сделала положение кантонского правительства устойчивее. Ситуация изменилась, когда в конце мая – середине июня 1925 г. при активном участии советских военных советников удалось освободить Кантон и прилегавшие к нему местности от занимавших его частей бывших союзников – юньнаньских и гуансийских войск.

В июне 1925 г. по решению ЦИК Гоминьдана были объявлены реформы военного и гражданского управления. Центральным органом управления армии стал Военный совет, назначаемый ЦИК, с упразднением должностей командующих и главнокомандующих армиями. Вопросы гражданского и административного управления выделялись из компетенции военных и передавались в полное ведение образуемых провинциальных правительств. Должность гражданского губернатора упразднялась. Все финансы должны были объединяться в руках правительства.

1 июля 1925 г. в Кантоне было провозглашено создание национального правительства Китайской Республики под председательством известного «левого» гоминьдановца, «лучшего оратора партии», одного из давних сподвижников Сунь Ятсена – Ван Цзинвэй⁷⁵, пользовавшегося большой популярностью. Ван Цзинвэй по совместительству стал также председателем Военного совета национального правительства. М. М. Бородин был официально назначен главным советником национального правительства

В ответственный для Гоминьдана период подготовки к провозглашению национального правительства Политбюро ЦК РКП(б) было принято решение о форсировании военной помощи Кантону.

Достижение относительной централизации военного командования позволило приступить к реорганизации частей самой армии, что сопровождалось переводом их на денежное и вещевое довольствие, снабжение оружием и боеприпасами из централизованных правительственных источников. Войска подлежали переформированию по типовым штатам в дивизии, которые сводились в корпуса, с подчинением Военному совету. Одновременно предусматривалось проведение «отрицательной военной и политической работы» по разоружению армий милитаристов, находившихся на территории Гуандуна. Определенный успех в этом направлении во многом был достигнут благодаря советским военным советникам. В последующем Чан Кайши пытался перенести приобретенный опыт и на воинские части милитаристов в других провинциях. Процесс затянулся на десятилетие без видимых результатов.

Чан Кайши и руководству Гоминьдана удалось к концу 1925 г. осуществить ряд мероприятий по реорганизации армии. Разношерстные милитаристские войска были переформированы в шесть корпусов Национально-революционной армии, костяком которой стали две дивизии из трех (1-й корпус) «партийной» армии под командованием Чан Кайши, созданные на базе военной школы Вампу. Лояльность Гоминьдану остальных пяти корпусов вызывала большие сомнения. Была предпринята попытка ввести в армии институт гоминьдановских политических комиссаров, однако эти начинания осуществлялись с большим трудом и не пустили глубокие корни.

Окончательный разгром войск Чэнь Цзюньмина осенью 1925 г. завершил этап утверждения Гоминьдана, который военным путем пришел к власти в провинции Гуандун, осуществляя военный этап строительства государства в локальных масштабах. Для этого Гоминьдану понадобилось до двух лет ожесточенной вооруженной борьбы с противниками своего политического курса в рамках одной провинции.

Проведенные мероприятия по реорганизации армии и освобождению Гуандуна от союзников-милитаристов выдвинули Чан Кайши на первые позиции среди военных, чему в не

малой степени способствовали советские военные представители. Именно они помогли Чан Кайши освоить стратегию управления войсками.

«Внешне он резко выделяется от остальных своей военной выправкой, а манера держаться обнаруживает в нем в полном смысле военного начальника. Отличает его также личная работоспособность. Требовательный к себе, он также требователен и к своим подчиненным, – указывал В. К. Блюхер, хорошо знавший Чан Кайши. – ... Самовлюбленный до крайности, он считал себя во всех отношениях выше других и признавал авторитетом для себя одного Суня. Упрям, и если ему взбредет в голову идея, а они у него рождаются часто, то столкнуть его с прямого решения или изменить «идею» бывало трудно, а делать это приходилось так, чтобы измененное решение преподнести ему как его собственное... Усиленно тренирует себя на изучении Конфуция, что делал даже в перерыве боев на фронте. Усиленно изучает жизнь и деятельность Наполеона, несколько раз даже задавал русским советникам вопрос: «Может ли быть в Китае Наполеон?». Несомненно, идея стать для Китая Наполеоном ему не чужда.

Большой индивидуалист. Вопрос о том, насколько искренне его отношение к коммунистам, дискутировался среди нас и кит[айских] коммунаров не раз. Одни считают, что он искренен, другие находят, что это он делает в силу того, что выступить против коммунистов – это, значит, испортить отношения с русскими и лишиться себя помощи со стороны русских, от которых зависит получение оружия и, стало быть, рост его силы. Эта группа товарищей считает, что он покончит свои хорошие взаимоотношения с коммунистами в тот момент, когда почувствует себя сильным. Третья группа считает, что объективная обстановка заставит его сотрудничать с коммунистами даже тогда, когда он будет действительно силой. Последнее возможно, но вернее будет второе. Остается неизменным одно, что его надо по-прежнему прощупывать и что для окончательного вывода нет еще достаточных оснований.

Можно быть спокойным лишь за одно, что он пойдет до конца за освобождение Китая от иностранной зависимости и не будет заключать сделок с империализмом. И, наконец, не превратится в преследующего свои личные цели генерала... Дискутировался также вопрос, до каких же пор способствовать росту его сил? И на это... отвечали, что усиливать его больше чем тремя дивизиями нежелательно и что следует наряду с ним выставить и других политически надежных командиров из революционных генералов».

Эта во многом провидческая характеристика была дана Блюхером Чан Кайши в сентябре 1925 г.

«Для каждого разумного китайского генерала сейчас ясно, что Чан Кайши был выдвинут русскими коммунистами», – писал один из советских военных советников В. Е. Горев⁷⁶ (псевдоним «Никитин»). И не только выдвинут. Чан Кайши как военачальник, как стратег был сформирован русскими военными советниками и в первую очередь В. К. Блюхером.

В начале июля Блюхер выехал в Шанхай и Пекин и провел не менее месяца в Калгане в расположении Национальной армии Фэн Юйсяна, откуда в сентябре убыл в Москву. Главным военным советником в Кантоне был назначен Н. В. Куйбышев⁷⁷ (псевдоним «Кисанька»), младший брат Валерьяна Владимировича Куйбышева.

В августе в адрес КПК было направлено указание об «Организации вооруженных сил китайской революции», в основу которых был положен опыт Гражданской войны в России. Согласно этому указанию, был создан Военный отдел ЦК КПК в Шанхае, который возглавил Чжан Готао⁷⁸, но его фактическим руководителем был советник Хмелев (А. П. Аппен⁷⁹). В отличие от Гоминьдана и национальных армий советская военная помощь КПК в это время в основном ограничивалась лишь указанными рекомендациями и подготовкой кадров.

Формирование в Коминтерне преувеличенных представлений о роли коммунистов в Гоминьдане и об их возможностях в «перевоспитании» Гоминьдана было связано с одномерностью характеристик Гоминьдана. Ситуация, складывавшаяся в нем, рассматривалась только

под углом зрения борьбы правых и левых, без должного внимания к политической программе Гоминьдана и к его представлениям о форме национально-освободительного процесса. Идея завоевания Гоминьдана коммунистами изнутри приняла завуалированную форму тактики опоры на левое крыло Гоминьдана, которому приписывались несвойственные ему черты: бескомпромиссность в антиимпериалистической политике, позиция опоры в национальной революции на рабоче-крестьянское движение и т. д. По сути, настоящими левыми являлись только члены КПК, вступившие в Гоминьдан. Вместе с тем не оправдались расчеты Сунь Ятсена и Гоминьдана на поглощение КПК, что вызвало в самом Гоминьдане сильные трения и обострение внутривнутрипартийных разногласий.

Общее брожение среди политически активной части городского населения вылилось летом 1925 г. в стихийный общенациональный взрыв, получивший собирательное название «движение 30 мая». Центром движения стала всеобщая антиимпериалистическая забастовка в Шанхае, явившаяся следствием расстрела английской полицией студенческой демонстрации 30 мая и продолжавшаяся полтора месяца. Всеобщая забастовка нашла широкий отклик и поддержку как в самом Китае, так и за рубежом.

С начала 1925 г. Политбюро ЦК РКП(б), а в последующем и его Китайская комиссия взяли в свои руки инициативу разработки новой политики в Китае – «Северного маршрута китайской революции», с опорой на национальные армии. Параллельно сохранялся и прежний базовый тезис о поддержке Гоминьдана и его правительства на Юге, однако при новом раскладе ему придавалось меньшее значение.

К концу октября 1925 г. план Северного маршрута принял более или менее законченный вид, претерпев по сравнению с первоначальными набросками существенные изменения. В его основе лежали конкретные предложения М. В. Фрунзе, сложившиеся главным образом на информации, поступившей из Китая от Л. М. Карахана. Главным врагом национально-революционного движения по-прежнему был определен Чжан Цзолинь. Фрунзе констатировал, что ход развертывавшихся в Китае событий «...все больше и больше выдвигает на первый план У Пэйфу и возглавляемую им чжилийскую клику». В этой ситуации роль и значение национальных армий и, в частности, Фэна также затухали. Таким образом, основная форма движения определялась четко и однозначно – война между чжилийской группировкой У Пэйфу и мукденской Чжан Цзолиня. Гоминьдан оказывался сторонним наблюдателем в назревшем конфликте. Его участие в событиях ограничивалось политической поддержкой Фэн Юйсяна, национальные армии которого тоже должны были выступить. Новое китайское правительство планировалось создать на основе блока чжилийцев (У Пэйфу), гоминьдановцев Севера (Фэн Юйсян) и Юга Китая (кантонское правительство). Понимая всю зыбкость планируемого объединения, Китайская комиссия предполагала как вариант «продолжение войны за создание действительно единого Китая». На этот раз уже против У Пэйфу и его сторонников. 5 ноября 1925 г. У Пэйфу был назначен главнокомандующим объединенными вооруженными силами, выступающими против Чжан Цзолиня. При этом Фэн Юйсян категорически был против какого-либо альянса с У Пэйфу, продолжая рассматривать его как своего врага.

Ни один из одобренных Политбюро планов использования северного военно-политического фактора – Северного маршрута в конечном итоге не увенчался успехом.

Критическим моментом для Чжан Цзолиня и его армии стало восстание осенью 1925 г. одного из его молодых генералов Го Сунлина⁸⁰ в союзе с сыном правителя Маньчжурии – Чжан Сюэляном. Измена в войсках Чжан Цзолиня подготавливалась давно и была следствием раскола в фэнтяньской военно-политической группировке. Го Сунлин уже за год до описываемых событий договорился с Фэн Юйсяном о совместных действиях против Чжан Цзолиня. В начале декабря положение Чжан Цзолиня стало катастрофическим: его войска отступили из Жэхэ, Го Сунлин подошел уже вплотную к самому Мукдену. Когда судьба столицы Северо-Восточного Китая была уже предрешена, а Чжан Цзолинь бежал из города в Дальний, Япония остано-

вила наступление Го Сунлина путем интервенции своих войск. Сам Го Сунлин был схвачен японцами и вскоре расстрелян. Благодаря помощи японских войск Чжан Цзолинь едва смог удержать под своей властью северо-восточные провинции.

В ноябре 1925 г. Фэн Юйсян, следуя договоренностям о совместных действиях с Го Сунлинем, двинул свои национальные армии общей численностью 150 тыс. человек на позиции мукденских войск в Северном Китае, и на исходе этого же месяца войска Фэна вошли в Пекин.

В начале 1926 г. под нажимом империалистических держав произошло временное примирение Чжан Цзолиня и У Пэй-фу, которые вместе с примкнувшими к ним шаньдунскими и шансийскими милитаристами развернули совместные боевые действия против национальных армий.

На стороне войск шаньдунского военного губернатора маршала Чжан Цзунчана⁸¹ (одного из ближайших сподвижников маршала Чжан Цзолиня) в междоусобной борьбе китайских милитаристов принимали участие и русские наемные части генерал-лейтенанта К. П. Нечаева.

Возможность использования русских наемных войск появилась у китайских генералов еще в 1919 г., когда атаман Г. М. Семенов предложил маршалу Чжан Цзолиню сформировать для него конницу из монголов под командованием казаков. Нерешительность старого маршала воспрепятствовала реализации этого плана. Но идея использования белых формирований в интересах враждовавших китайских милитаристов была неоднократно реализована на деле.

В 1923 г., в разгар вражды с «христианским» генералом Фэн Юйсяном, маршал Чжан Цзолинь решил создать иностранный легион из белоэмигрантов. Формирование отряда было поручено М. М. Плешкову, командовавшему в Первую мировую войну 1-м Сибирским стрелковым корпусом. Отряд должен был состоять из трех батальонов и вспомогательных подразделений. На призыв генерала Плешкова откликнулись свыше 300 добровольцев из числа белоэмигрантов, работавших в исключительно тяжелых условиях на лесных концессиях. Поступавший в отряд подписывал шестимесячный контракт с правом возобновления его на более продолжительный срок. Контракт гарантировал добровольцу выплату жалованья и единовременную денежную помощь семье в случае его смерти. Когда добровольцы прибыли к месту сбора – в Мукден, наемные войска уже были не нужны, так как было подписано мирное соглашение между Чжан Цзолинем и Фэн Юйсяном. Добровольцы с трудом добились выплаты жалованья только за один месяц.

За создание нового отряда наемных войск из числа русских военнослужащих позднее взялся шаньдунский военный губернатор Чжан Цзунчан. К формированию отряда приступил полковник В. А. Чехов, который осенью 1924 г. передал командование войсковой частью генералу Нечаеву, зарекомендовавшему себя как талантливый военачальник. В состав войсковой группы генерала Нечаева (общей численностью до четырех тысяч человек) входили пехотная и кавалерийская бригады, отдельные части, воздушная эскадрилья, дивизион бронепоездов. Нечаевские бронепоезда, среди которых были «Пекин», «Шаньдун» и другие, были построены из простых вагонных платформ, где вместо стен были положены мешки с песком. К 1927 г. количество бронепоездов в Нечаевском отряде дошло до 11 единиц. Нечаевцам противостояли войска северных китайских милитаристов, с которыми воевал Чжан Цзунчан. Первое вооруженное столкновение с гоминьдановскими частями отряда Нечаева произошло при обороне Нанкина в марте 1927 г., которое завершилось поражением войск Чжан Цзунчана. Еще спустя некоторое время отряд генерала Нечаева прекратил свое существование.

В нечаевском отряде поддерживалась убежденность в том, что за помощь, оказанную северокитайским и маньчжурским милитаристам, те, в свою очередь, помогут белогвардейцам в развертывании операций на российской территории против советской власти. В эмигрантских кругах Китая придавали преувеличенное значение трехлетнему существованию отряда белоэмигрантов, говорили о нем как о мощной военной единице, которая прошла взад и вперед чуть ли не по всему Китаю. Однако оружие нечаевцев было далеко не самое современное, бро-

непоезда «домашнего» изготовления, выделяемых финансовых и материальных средств всегда было недостаточно, невыплата жалования была хроническим явлением. И хотя военные успехи русских добровольцев были очевидны, не следовало забывать, что в период китайской смуты успех операций зависел не столько от доблести, сколько от серебряных долларов, на которые были так падки китайские генералы.

Бывшие колчаковские и семеновские солдаты воевали и на стороне войск Фэн Юйсяна. В течение двух лет в состав 1-й национальной армии «христианского» генерала входил отряд генерала Капустина. Во 2-й национальной армии сражался отряд полковника Генерального штаба царской армии А. Ф. Гущина в количестве 100 человек. Бывшие белогвардейцы стремились «честным трудом» заработать право вернуться на родину.

В этот период на военную арену впервые как организованная сила вышли тайные общества и, в частности, «Красные пики», которые возникли в начале 20-х годов как организации деревенской самообороны в борьбе с бесчинствами милитаристов. Отношения между «Красными пиками» и 2-й национальной армией в Хэнани обострились, когда командующий армией Юэ Вэйцзюнь для обеспечения дальнейшей войны с Чжан Цзолинем ввел чрезвычайные налоги и принудительные поставки. Это вызвало восстание местных крестьян, организованное тайным обществом «Красные пики» в январе 1926 г. Этим выступлением воспользовался У Пэйфу и довершил разгром своих бывших союзников.

В апреле 1926 г. в китайскую столицу вошли войска У Пэйфу и Чжан Цзолиня. Дуань Цижуй был вынужден уйти в отставку. 1-я и 3-я национальные армии, на которые Москва возлагала большие надежды, потерпели поражение и отступили в северо-западные провинции, где до осени 1926 г. вели тяжелые бои с превосходящими силами Чжан Цзолиня и его союзников. Сам главнокомандующий национальными армиями маршал Фэн Юйсян еще в январе 1926 г. объявил о своем добровольном уходе в отставку и занял выжидательную позицию. Весной 1926 г. через Монголию он выехал в Москву.

В связи с этим 15 апреля 1926 г. Политбюро ЦК РКП(б) была принята весьма откровенная резолюция о военно-политической работе в Китае. Общие результаты этой работы были признаны «безусловно, недостаточными, в некоторых случаях прямо нулевыми», в первую очередь это касалось 2-й и 3-й национальных армий. При этом учитывались не столько военные, сколько политические аспекты такой работы. Дальнейшие перспективы «в значительной степени» связывались с оценкой фигуры самого Фэн Юйсяна и его «искренности» по отношению к «нам» и национальному движению.

С другой стороны, из Китая поступали и более обнадеживающие сведения. Провинция Гуандун была очищена от враждебных кантонскому правительству войск, в самом правительстве и в руководстве Гоминьдана укрепились позиции левых лидеров во главе с Ван Цзинвэем. В Национально-революционной армии утверждалось политическое и командное руководство Гоминьдана. Но в то же время вопреки категорическим возражениям Москвы развернулась пропагандистская и практическая подготовка к Северному походу для завоевания власти во всем Китае.

В январе 1926 г. в Кантоне проходил II конгресс Гоминьдана, в работе которого приняли участие все группировки Гоминьдана (кроме крайне правых), представлявшие почти 250 тыс. членов. Съезд подтвердил право коммунистов на индивидуальное членство, подчеркнул значение сотрудничества с Советским Союзом. Председателем Политического совета ЦИК Гоминьдана стал Ван Цзинвэй. В избранных съездом ЦИК и ЦКК партии левые и коммунисты составляли большинство. Позиции, завоеванные КПК в руководящих органах Гоминьдана на его II конгрессе, действительно были впечатляющими, однако они неадекватно отражали роль и позиции КПК в Гоминьдане в целом.

Чан Кайши впервые вошел в состав ЦИК Гоминьдана. Это свидетельствовало о росте его авторитета после успешного проведения двух походов против Чэнь Цзюньмина. Чан Кайши в то

же время являлся членом Военного совета, командующим 1-м корпусом НРА и начальником военной школы Вампу.

Параллельно с действительными достижениями кантонского правительства и внешней левой радикализацией

Гоминьдана происходил до поры до времени не прорывавшийся наружу тревожный процесс активизации и сплочения правых сил в Гоминьдане и брожения среди генералитета и офицерства НРА.

Все изложенные выше противоречивые процессы вызывали у советского руководства одновременно преувеличенные, иллюзорные представления о состоянии и потенциале «национально-революционного движения» и серьезную тревогу. На решениях советского руководства по китайскому вопросу сказывалась не только сложность обстановки в Китае, но и неоднозначность оценок, поступавших с мест. К одним из этих оценок в Москве прислушивались и на их основании делались выводы. Другие оценки, если они шли вразрез с уже сформировавшимся мнением, оставались без внимания, и выводы если и делались, то в отношении авторов таких оценок.

В Пекине имелись серьезные, кардинальные противоречия в части оценки обстановки в Центральной и Северной части Китая между полпредом Л. М. Караханом, с одной стороны, и военным атташе А. И. Егоровым⁸² и его помощником В. А. Трифоновым⁸³, с другой.

Секретарь ЦК А. С. Бубнов, проводивший с Трифоновым переговоры о направлении на работу в Китай, «...гарантировал создание в Китае Революционного] Воен[ного] Совета для военно-политического руководства там». Крупный государственный деятель Трифонов, являвшийся в прошлом членом РВС армий и фронтов, дал согласие на командировку в качестве члена планируемого Реввоенсовета с формальным зачислением на должность помощника военного атташе при полпредстве РСФСР. В дальнейшем ЦК РКП(б) отказался от идеи создания в Китае Реввоенсовета, что, «естественно, вызвало осложнения во взаимоотношениях» и с полпредом Л. М. Караханом, и с военным атташе А. И. Егоровым. Должность помощника военного атташе была слишком незначительной для человека такого масштаба.

В своей записке, поданной в Политбюро ЦК ВКП(б), Трифонов писал, что, по мнению советского полпредства в Пекине, задачу содействия национальному объединению Китая можно разрешить следующим образом: «Китайскому генералу-«феодалу» нужно «помочь» превратиться в вождя национального движения; этому вождю нужно помочь организовать армию; этой армии нужно помочь организовать национальное правительство, а правительству – завоевать Китай». Руководителей советского полпредства, замечал Трифонов, «...при этом не смущает... если этот генерал не будет ни левым в политическом смысле, ни национально настроенным, – под давлением материальной заинтересованности и соответствующей обработки, под влиянием растущего национального движения генерал этот, по мнению руководителей полпредства, будет неизбежно эволюционировать в нужную сторону».

В качестве генерала, над которым следовало «экспериментировать», отмечал Трифонов, полпредство «взяло Фына» – Фэн Юйсяна. «В Центральном Китае Фын является главной фигурой, вокруг которой полпредство ведет свою военно-политическую работу. Ему уделяется львиная часть помощи, в его распоряжение передаются большинство инструкторов, ему уделяется максимум внимания». В части характеристики креатуры советского правительства и полпредства Трифонов писал: «В Китае как у коммунистов и гоминьдановцев, так равно [и] в широких массах населения у Фына твердо установившаяся репутация: типичный китайский милитарист, решительный и бесцеремонный в достижении личных выгод; многократно предавал тех, с кем он был связан узами дружбы и совместной работы; человек, которому верить нельзя; христианский генерал, воспитывающий свою армию в духе христианского послушания; в политическом отношении нечто в высшей степени бесформенное; как и большинство китайских генералов, в политической борьбе он видит главным образом средство к наживе, герой

первоначального накопления; к общественному движению относится вполне отрицательно, хотя и пытается использовать его в своих корыстных интересах путем подкупа, угрозы насилия». Жесткая и, как показало развитие событий, справедливая оценка.

«Если бы советское полпредство хотя бы небольшую часть тех денег, которые сейчас тратятся на поддержку военных авантюристов, истратило на помощь компартии, на подготовку опытных и знающих партийно-политических кадров, на помощь китаеведам, на литературу, то польза для революционного движения была бы неизмеримо большая, а Советская Россия сэкономила бы свои миллионы, – отмечал в своей записке помощник военного атташе. – Надо ведь помнить, что мы сейчас ведем работу в Китае, совершенно не зная Китая, не владея языком, располагая всего 3–4 знающими язык переводчиками. Уже одно это обстоятельство должно было внушить нашему полпредству большую продуманность в его чрезвычайно ответственной работе».

Однако наряду с обликом типичного китайского милитариста существовал и другой Фэн Юйсян, который не мог не привлечь внимание Л. М. Карахана. Популярность Фэн Юйсяна в середине 1920-х гг. могла сравниться только с известностью Сунь Ятсена. Китайский милитарист обладал необыкновенной харизмой и способностью управлять людьми. Имя Фэна получило широкую известность благодаря его заботе о простом солдате и системе военной подготовки, основанной на нравственных ценностях христианства и традиционной китайской морали, сочетавшей в себе патриотическое воспитание в духе антиимпериализма и борьбу за «исправление сердец», а позднее и «народные принципы» Сунь Ятсена.

Еще в 1922 г., являясь дуцзюнем (военным и гражданским губернатором) в Хэнани, Фэн Юйсян сформулировал десять основных направлений своей деятельности:

- помощь людям, пострадавшим от войны, потерявшим кров;
- упорядочение финансовой и налоговой системы;
- регистрация населения с целью борьбы с бандитизмом;
- реорганизация системы таможенного контроля;
- арест коррумпированных чиновников, наведение порядка;
- создание предприятий в целях ликвидации безработицы;
- ремонт и строительство дорог, ирригационные работы;
- запрет азартных игр, проституции и опикурения;
- введение бесплатного образования, повышение уровня грамотности;
- уничтожение пережитков ношения кос и бинтования ног.

И эти направления деятельности не только декларировались, но и предпринимались попытки их проведения в жизнь. Средства на оказание помощи людям, пострадавшим от войны и потерявшим кров, были получены Фэном в Хэнани в результате конфискации имущества и ценностей бывшего губернатора, частная собственность которого оценивалась в 25 млн долларов США. Планы реформ Фэн Юйсяна потрясли воображение как китайцев, так и иностранцев. Да и как было не попасть под обаяние такого единственного в своем роде милитариста-«революционера» на китайской внутривосточной сцене.

Разногласия между советскими представителями в Китае, в данном случае не доведенные до конфронтации, существовали и на Юге Китая между главным политическим советником национального правительства и ЦИК Гоминьдана М. М. Бородиным и Н. В. Куйбышевым, ставшим после отъезда В. К. Блюхера руководителем южнокитайской группы военных советников и главным военным советником национального правительства. «Считаю, что Бородин со своими застывшими приемами работы становится все вреднее и вреднее, – писал Н. В. Куйбышев военному атташе А. И. Егорову. – Не отрицая, а наоборот, подчеркивая большие заслуги Бородина по нашим достижениям в Китае в прошлом, считаю, что он свое сделал и на большее не способен».

Стремление Москвы разобраться «на месте» в том, что же действительно происходит в Китае, оценить тенденции и перспективы развития событий побудило Политбюро ЦК ВКП(б) уже в январе 1926 г. принять решение о посылке в Китай инспекционной комиссии, наделенной широкими полномочиями. Председателем комиссии был назначен секретарь ВКП(б), начальник Политуправления РККА А. С. Бубнов. В состав комиссии Бубнова, работавшей в Китае с начала февраля по конец апреля 1926 г., были также включены Н. А. Кубяк⁸⁴ [член ЦК ВКП(б)], И. И. Лепсе⁸⁵ и Карахан, советский полпред в Пекине, весьма субъективно оценивавший ситуацию в Китае. Перед комиссией ставились следующие задачи: «1) выяснить положение в Китае и информировать Политбюро, 2) принять на месте, совместно с т. Караханом, все необходимые меры, поскольку они не нуждаются в санкции Политбюро, 3) упорядочить работу посланных в Китай военных работников и

4) проверить, насколько обеспечен правильный подбор посылаемых в Китай работников и как они инструктируются».

1.3. Кризис в отношениях с Гоминьданом (март 1926 – март 1927 г.)

«Солнце прекрасно на закате».
(Китайская пословица)

Болезненный удар по политике ВКП(б) и Коминтерна в Китае был нанесен выступлением Чан Кайши в Кантоне 20 марта 1926 г. и его последующими политическими акциями.

Существует ряд версий о причинах этих событий. Однако фактическая сторона представлена в литературе более или менее одинаково и сводится к следующему. 20 марта 1926 г. в связи с приближением к школе Вампу военного корабля, командиром которого был коммунист, Чан Кайши ввел в Кантоне военное положение. Соратник Сунь Ятсена заявил о «коммунистическом заговоре», направленном на захват военной школы и пленение его самого с последующей доставкой во Владивосток. Было арестовано несколько десятков коммунистов, подвергнуты домашнему аресту представители КПК в подчиненных Чан Кайши воинских частях, лишены были свободы передвижения советские военные инструкторы и советники, работавшие в Кантоне. Но, не получив одобрения со стороны командующих 2-м и 3-м армейскими корпусами НРА Тань Янькай⁸⁶ и Чжу Пэйдэ⁸⁷ соответственно, Чан Кайши был вынужден отменить ранее отданные приказы. Сам Чан Кайши объяснил эти действия невыполнением его приказа о мерах по пресечению нарушений дисциплины. Фактически события 20 марта стали политическим переворотом, ибо произошла существенная перестановка сил.

Восприняв выступление Чан Кайши как личный вызов себе и проводимой им политики, председатель национального правительства Гоминьдана Ван Цзинвэй, сославшись на болезнь, внезапно покинул Кантон и выехал «для лечения» в Европу. Председателем правительства стал Тань Янькай.

События 20 марта явились полной неожиданностью как для Москвы и советских представителей в Китае, так и для КПК. Гоминьдан явно выходил из-под контроля, что заставляло вести трудные поиски выхода из запутанной и весьма неблагоприятной ситуации. Эти события комиссия Бубнова расценила в докладе от 24 марта 1926 г. как «маленькое полувосстание» Чан Кайши, направленное «против русских советников и китайских коммунистов».

Чан Кайши настаивал на откомандировании из Кантона Н. В. Куйбышева, ставшего после отъезда В. К. Блюхера начальником южнокитайской группы военных советников, а также двух его заместителей – И. Б. Разгона⁸⁸ (псевдоним «Ольгин») и В. П. Рогачева⁸⁹, обвинив всех троих во вмешательстве во внутренние дела национального правительства. Куйбышев неоднократно выступал на заседаниях Военного совета национального правительства с критикой Чан Кайши, который, пользуясь своим положением главного инспектора НРА, львиную долю средств и вооружения, отпускавшихся на Национально-революционную армию, забирал для своего 1-го армейского корпуса.

Решение комиссии Бубнова пойти навстречу требованиям Чан Кайши и отозвать Куйбышева-младшего и двух его заместителей (на самом деле был отозван один Разгон, Рогачев же был назначен помощником военного атташе в Пекин) ослабило напряженность ситуации, хотя и не ликвидировало причин, ее породивших. Комиссия Бубнова рекомендовала ликвидировать прежде всего очевидные перегибы в военной работе. Допущенные ошибки общего характера были обозначены следующим образом: слишком быстрый темп централизации армейского управления, «... что не могло не вызвать глухой оппозиции верхушки офицерского состава»; чрезмерный контроль над генералитетом со стороны китайских комиссаров и русских советников.

События 20 марта 1926 г. явились следствием существования достаточно широкой оппозиции подготовке Северной экспедиции, инициатором проведения которой выступал Чан Кайши. Он позиционировал себя как продолжатель дела, начатого Сунь Ятсеном, – объединения страны сверху, под властью Гоминьдана, т. е. военным путем в ходе похода на Север из революционной базы в провинции Гуандун.

Только Северная экспедиция могла позволить Чан Кайши стать лидером национального масштаба. Поэтому всех противников похода он воспринимал как своих личных врагов, которых попытался если не устранить, то нейтрализовать или ослабить. Сопrotивление суньятсеновской идее Северной экспедиции исходило в первую очередь от представителей Коминтерна и советников, а также от китайских коммунистов, работавших в Гоминьдане и вне его, которые следовали жестким предписаниям Москвы – Кантон в настоящий момент не должен задаваться целью захвата новых территорий вне Гуандуна. Любое предложение о военных экспедициях наступательного характера должно было решительно отклоняться. Кроме того, консолидация Гоминьдана под флагом подготовки к Северному походу поддерживалась далеко не всеми руководящими деятелями Гоминьдана, включая председателя правительства Ван Цзинвэя (по крайней мере так считал Чан Кайши).

Между тем основания считать подготовку НРА к Северному походу преждевременной были достаточно обоснованными. Бородин оценивал это предприятие как не обещающее успеха и настаивал на том, что «...результатом Северной экспедиции будет политическая гибель Чан Кайши и всей его группы», о чем он не преминул известить самого инициатора похода.

Выступление Чан Кайши 20 марта не было заранее подготовленным и просчитанным шагом, оно было импульсивным и спровоцированным слухами о его готовившемся аресте. Не будь этого, Чан Кайши, возможно, еще попытался бы доказать советским советникам необходимость и важность для революции Северного похода. А убедившись в невозможности достичь понимания по этому вопросу, сорвался бы по какому-то очередному надуманному поводу или фактическому пустяку. Но подобный срыв должен был произойти в ближайшее время, потому что проведение Северной экспедиции Чан Кайши не собирался откладывать надолго.

В апреле 1926 г. сначала Л. Д. Троцкий, затем Г. Е. Зиновьев вошли в ЦК ВКП(б) с требованием, чтобы КПК вышла из Гоминьдана. Они выдвинули левацкий лозунг: «Долой всякие совместные действия с буржуазией, немедленный выход из Гоминьдана». В связи с этим 29 апреля Политбюро ЦК ВКП(б) приняло специальное решение, в котором категорически отвергалось это требование оппозиции: «Считать такой разрыв совершенно недопустимым, признать необходимым вести линию на сохранение компартии в составе Гоминьдана». В то же время предлагалось «...идти на внутренние организационные уступки левым гоминьдановцам в смысле перестановки лиц, с тем чтобы сохранить в основном нынешние организационные взаимоотношения».

Майский пленум ЦИК Гоминьдана привел к чрезвычайному усилению власти Чан Кайши. Он был избран сразу на несколько постов – председателя вновь учрежденного Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана, председателя Военного совета национального правительства, заведующего Орготделом ЦИК. Пленум постановил рассекретить членов КПК, вступивших в Гоминьдан, и регламентировать число коммунистов на руководящих постах в Гоминьдане, ограничив их одной третью от общего количества членов ЦИК и запретив им заведование отделами ЦИК. В целом значительно сузились возможности советского влияния на политику Гоминьдана, деятельность коммунистов в котором была ограничена.

5 июня 1926 г. национальное правительство назначило Чан Кайши главнокомандующим НРА. Вопрос о сроках начала Северной экспедиции, к которой он так стремился, теперь во многом зависел лично от него.

Чан Кайши тем не менее не выступал против концепции единого фронта и против КПК, он продолжал высказываться за дружбу с Советским Союзом. Чан Кайши не был готов к окончательному разрыву с коммунистами, а может быть, на тот момент вовсе и не собирался идти на такой шаг (его еще не подвели к этому состоянию, не загнали в угол, не оставили выхода, как это произошло спустя год – весной 1927 г.). Отсюда и половинчатые результаты его выступления: китайские коммунисты остались в Гоминьдане и в большинстве случаев в армии (пострадал больше всего 1-й корпус и школа Вампу, непосредственно подчиненные Чан Кайши), а русские военные советники по-прежнему состояли при частях НРА. Гоминьдан продолжал получать военно-техническую помощь в соответствии со сметами, утвержденными Китайской комиссией Политбюро еще в 1925 г.

Субъективный фактор, подкрепленный объективными причинами, нанес серьезный удар по состоянию советско-китайских партийных и военных отношений, а спустя год способствовал тому, что эти отношения были прекращены на десятилетие.

В результате настойчивых просьб Чан Кайши, адресованных советскому руководству, в мае 1926 г. в Кантон снова прибыл В. К. Блюхер в качестве главного военного советника национального правительства, главного командования НРА и начальника южнокитайской группы русских военных советников. Северный поход должен был состояться независимо от позиции Москвы. НРА непосредственно противостояли войска У Пэйфу и Сунь Чуаньфана⁹⁰, который откололся от У Пэйфу и представлял собой самостоятельную силу.

В Северном походе, на его начальном этапе, участвовало уже восемь армейских корпусов НРА общей численностью 95 тыс. человек, из которых были вооружены только 65 тысяч. Причем наиболее боеспособным и преданным делу национально-освободительного движения считался только 1-й корпус, которым командовал сам Чан Кайши. Остальные семь корпусов состояли из войск различных милитаристов, примкнувших в разное время к революционному правительству Южного Китая, реорганизация которых пока не дала желаемых результатов, особенно в части «политической обработки» личного состава. Около 100 тысяч насчитывала национальная армия Фэн Юйсяна, выступавшая в качестве военного союзника НРА.

Войска милитаристских клик, пользовавшиеся поддержкой империалистических держав и противостоявшие НРА, обладали значительным численным превосходством: войска Чжан Цзолиня составляли около 200 тыс., У Пэйфу – более 200 тыс., Сунь Чуаньфана – около 160 тыс. солдат. Но были еще и полунейтральные милитаристы, которые могли в любой момент примкнуть к той или иной коалиции и с легкостью в случае поражения ее покинуть.

Перед началом похода главный военный советник обратился к Чжоу Энляо (в этот момент председатель Военной комиссии ЦИК КПК) с просьбой «...передать запрос ЦК – как решать политический вопрос: во время Северного похода помогать Чан Кайши или ослаблять его». Поступивший ответ был более чем двусмысленный: «В Северном походе наша политическая линия следующая: мы против Чан Кайши и не против Чан Кайши».

Итак, Северный поход НРА начался вопреки усилиям Москвы не допустить его осуществления в ближайшей перспективе. В августе 1926 г. в советской среде Кантона шли дискуссии в отношении Чан Кайши, а фактически шли поиски пути, как убрать его с политической арены, если он не повернет влево, на что почти не оставалось никакой надежды.

Для усиления руководства КПК со стороны Коминтерна непосредственно в Китае, а также в Корее и Японии в соответствии с мартовским и апрельским постановлениями Политбюро ЦК ВКП(б) было создано Дальневосточное бюро (Даль-бюро) ИККИ, которое начало свою работу в Шанхае 19 июня 1926 г. Дальбюро являлось опорным пунктом Коминтерна на Дальнем Востоке и было задумано как орган, направлявший работу по линии Коминтерна, Профинтерна (представитель Профинтерна являлся одновременно и секретарем Тихоокеанского секретариата профсоюзов – ТОС) и Коммунистического интернационала молодежи. С этой целью в состав его руководящего ядра, получившего название «русская делегация», были

включены представители всех этих организаций, одновременно предполагалось вхождение представителей зарубежных компартий. Действовало Дальбюро вполне легально. В первый состав Дальневосточного бюро Исполкома Коминтерна вошли представитель ИККИ Г. Н. Войтинский (председатель), М. Г. Рафес⁹¹ (секретарь), представитель Испол-бюро Профинтерна Т. Г. Мандалян⁹², представители Исполкома КИМ Н. М. Насонов⁹³ и Н. А. Фокин⁹⁴.

Таким образом, с началом деятельности Дальбюро в Китае наряду с аппаратами Л. М. Карахана в Пекине и М. М. Бородина первоначально в Кантоне возник еще один центр руководства коммунистическим движением – в Шанхае.

События на фронте развивались стремительно. В августе 1926 г. войска НРА завершили освобождение всей провинции Хунань и двигались в направлении долины Янцзы. В течение октября – ноября 1926 г. провинции Хубэй (кроме северозападной части) и Цзянси были освобождены от войск милитаристов У Пэйфу и Сунь Чуаньфана. Успехам Северного похода способствовал ряд обстоятельств. Основными из них являлись: лучшая организация, дисциплина, боевой дух ряда корпусов, которые составляли ядро НРА, по сравнению с армиями милитаристов У Пэйфу и Сунь Чуаньфана, в которых массовое дезертирство и переход крупных частей на сторону войск НРА во время похода были нередким явлением. Разработанный В. К. Блюхером план стратегических операций явно контрастировал с разобщенностью, отсутствием координации и внутренней междоусобицей противника.

После отзыва полпреда Л. М. Карахана в октябре 1926 г. М. М. Бородин становится главной политической фигурой Москвы в Китае, которому подчинялись все советские представители в стране, включая Дальбюро ИККИ.

По мере продвижения НРА на Север в нее вливались все новые и новые воинские части местных милитаристов, из которых формировались дополнительные армейские корпуса НРА, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Эти части подлежали срочной реорганизации с целью их централизованного подчинения и единства снабжения, в том числе и финансового. В случае противодействия реорганизации эти части подлежали роспуску. Однако на деле все было не так просто. Ко времени выхода частей НРА к Янцзы ее состав увеличился почти в семь раз. Ставшие под знамена Национально-революционной армии военные руководители не готовы были играть подчиненную роль по отношению к основному ядру НРА, которое возглавлял Чан Кайши. Генералы-милитаристы, примкнувшие к НРА, рассчитывали поживиться в случае победы гоминьдановцев над своими врагами (с армией повторилась та же ситуация, которая была в Гуандуне в 1925 г., правда, в пределах одной провинции). Но территорий, которые предполагалось завоевать, явно не хватало, чтобы раздать их в качестве призового фонда попутчикам-милитаристам.

Следствием численного увеличения армии в ходе экспедиции явились ее децентрализация и ослабление роли главкома. Чан Кайши из главнокомандующего фактически превратился в одного из генералов.

Наиболее крупную роль среди генералов-попутчиков играл хунаньский милитарист генерал Тан Шэнчжи⁹⁵, примкнувший к НРА в апреле 1926 г. перед самым началом Северного похода и назначенный командиром 8-го армейского корпуса НРА. По свидетельству военного разведчика под прикрытием должности вице-консула в Ханькоу А. В. Бакулина⁹⁶, Тан Шэнчжи «... владеет землей в компании с несколькими буддийскими храмами и в то же время участвует в скупке земель с каким-то орденом миссионеров, состоит акционером многих торгово-промышленных компаний, в том числе и компании по содержанию публичных домов в Чанша. Имеет свой пароход на Янцзы, дома и отели в Чанша».

Вокруг Тан Шэнчжи стала формироваться так называемая баодинская группировка, которая отрицательно относилась к главкому и позволяла себе не исполнять его приказы. «Тан нужен и особенно сейчас, – писал В. К. Блюхер. – Он нужен как сила противодействия Цзяну

(Чан Кайши. – Авт.)... но для этой роли он должен быть силен в меру... Надо его заставить не мешать революционной работе. Нужно поставить его в такую объективную обстановку, где бы он выполнял свою рабочую роль в национально-революционном движении страны. Тан хитрый мужик, ему в рот два пальца класть не следует».

Итак, в качестве противовеса Чан Кайши выдвигался «революционер» Тан Шэнчжи, попутчик «до поворота», которого начинали поддерживать советские представители. Разумеется, о новой креатуре русских не мог не догадываться Чан Кайши, так как это было секретом Полишинеля. Во всяком случае, это подталкивало к решительным действиям.

А. В. Бакулин, оставивший свидетельство о китайском милитаристе, был назначен на крышевую должность в генконсульстве, уже находясь в стране с мая 1925 г. в составе южно-китайской группы военных советников в Кантоне. Подобная метаморфоза произошла с ним при формировании уханьского правительства в конце 1926 г.

В сентябре того же года Фэн Юйсян вернулся из СССР в Китай и заявил о присоединении своих сил к НРА. Советский Союз вновь оказал его национальным армиям поддержку, восстановив их боеспособность и обеспечив их выступление с северо-запада на соединение с НРА.

На повестке дня в Гоминьдане осенью 1926 г. значился вопрос о перемещении национального правительства из

Кантона в Ухань, в процессе обсуждения которого начался интенсивный процесс поляризации сил в Гоминьдане. К этому времени в Гоминьдане развернулось движение за возвращение находившегося «на лечении» за границей лидера левого крыла Гоминьдана Ван Цзинвэя и назначения его на пост главы правительства.

Чан Кайши настаивал на переводе резиденции правительства и ЦИК Гоминьдана в Наньчан. Он аргументировал это тем, что временное местонахождение столицы должно зависеть от стратегических планов и военных действий. А так как основные военные действия в то время разворачивались в нижнем течении Янцзы, то и национальному правительству пока следовало находиться в Наньчане.

Левые в Гоминьдане, и особенно коммунисты, настаивали на переводе правительства в Ухань, где заместителем командира дивизии был коммунист Е Тин⁹⁷ и, как считали, ширилось рабочее движение. 1 января 1927 г. Ухань, являвшийся трехградьем из Ханькоу, Ханьяна и Учана, был провозглашен столицей Китая находившимися здесь отдельными членами национального правительства и ЦИК Гоминьдана. Чан Кайши остался в Наньчане, а вместе с ним и большая часть членов ЦИК Гоминьдана и национального правительства, которые так и не добрались до Ухана. Так стали складываться два политических центра: левых – в Ухане и правых – в Наньчане.

Для Москвы эта проблема оказалась неожиданной и, как показал дальнейший ход событий, неразрешимой. Развитие дальнейшего противостояния между Уханем и Наньчаном отражало углубляющийся кризис в Гоминьдане и национальном правительстве, возрастание военного фактора как в лице Чан Кайши, так и генералов в освобожденных провинциях, расшатывание единого фронта, постепенное ослабление позиций уханьского правительства.

9 января 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) направило Бородину телеграмму, в которой как компромиссное решение предлагалось согласиться на пребывание главкома со штабом в Наньчане «ввиду фронта», «но Нацпра[вительство] и Цека» должны были находиться в Ухане.

Уханьское правительство опиралось на части НРА под командованием хунаньского милитариста генерала Тан Шэнчжи.

В отличие от Чан Кайши, пытавшегося поскорее занять районы нижнего течения Янцзы с такими крупными центрами, как Нанкин и Шанхай, где он рассчитывал на финансовую и политическую поддержку китайской буржуазии, Тан Шэнчжи стремился в первую очередь, соединившись с национальными армиями, свергнуть пекинское правительство. Претензии находившихся в Ухане членов ЦИК и национального правительства выступить от имени всего

правительства и всего Гоминьдана, по сути, были нелегитимными, самозванными, так как они не представляли собой большинство входивших в высшие партийный и государственный органы членов. Это был своеобразный вызов Чан Кайши и оставшимся с ним членам правительства и руководства Гоминьдана, спровоцированный в том числе и М. М. Бородиным.

Фактически разрыв с Чан Кайши явился одним из центральных событий, приведших к резкому изменению хода Северной экспедиции, и в конечном итоге на фоне обострения противоречий привел к разрыву единого фронта. Бородин и проводимая им политика в Ухане спровоцировали Чан Кайши на размежевание с уханьским правительством и как следствие этого – на разрыв с Советским Союзом. Чан Кайши не без оснований считал Бородина противником размещения правительства в Наньчане и в феврале 1927 г. поставил вопрос об отзыве Бородина и направлении в Китай другого советника. Чан Кайши готов был пойти на существенные уступки, он даже не возражал, чтобы Ван Цзинвэй «поскорее вернулся для совместной работы». Но все это было увязано с незамедлительным отъездом главного политического советника из Китая.

Отношение к Чан Кайши являлось также «конкретным пунктом разногласий» между М. М. Бородиным и В. К. Блюхером. Последний считал, что момент для разрыва с Чан Кайши неблагоприятен.

Отголоски событий доходили и до Москвы, и чаще всего в интерпретации главного политического советника М. М. Бородина. Иначе как объяснить постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 марта 1927 г.:

«а) Признать, что Дальневосточное бюро должно быть единым для всех восточных стран, со включением в сферу его деятельности Китая.

б) Утвердить Дальбюро ИККИ в следующем составе: члены – тт. Бородин, Розенберг⁹⁸, Рой⁹⁹ и по 1 представителю от компартий Китая, Кореи и Японии.

в) Секретарем Дальбюро наметить т. Лепсе, поручив тт. Кубяку и Молотову переговорить с ним после приезда его в Москву».

Таким образом, отзывались все члены Дальбюро, за исключением одного Бородина, что последним могло трактоваться не иначе, как поддержка курса на разрыв с Чан Кайши, которому он неукоснительно следовал с начала января 1927 г. Об этом сам Бородин открыто заявил в докладе на собрании Общества старых большевиков 23 октября 1927 г. в Москве: «... Уже 3 января [1927 г.] мы шли на разрыв с Чан Кайши».

Артур Розенберг планировался полпредом в Китай, куда он так и не доехал в связи с последующим развитием событий. Индус Манабендра Натх Рой появился в апреле и повлиять на события уже никак не мог. Ну а уже бывшие члены Дальбюро еще в течение месяца продолжали действовать по своему усмотрению, не оглядываясь особенно на Москву.

Попытки разобраться во взаимоотношениях, складывавшихся между руководящими работниками на Юге Китая, все-таки предпринимались. В конце января 1927 г. с этой целью, видимо, по указанию К. Е. Ворошилова, выступавшего в качестве председателя Китайской комиссии Политбюро ЦК ВКП(б), в Ханькоу был отправлен М. Юшкевич, секретарь полпредства в Пекине. Юшкевич выехал из Ханькоу в Пекин 3 апреля 1927 г., а его доклад был направлен в Москву спустя месяц. Ворошилов адресовал поступивший к нему документ И. В. Сталину, А. И. Рыкову, Н. И. Бухарину¹⁰⁰, Л. М. Карахану и Петрову (Ф. Ф. Раскольникову), сопроводив запиской от 8 мая 1927 г. следующего содержания: «Мною уже неоднократно отмечалась крайняя ненормальность в политическом руководстве на Юге – в Ханькоу. Доклад т. Юшкевича подтверждает высказывавшиеся мною неоднократно соображения о глубоких разногласиях между тт. Банкиром [М. М. Бородин] и Уральским [В. К. Блюхер], что пагубно отражается на работе. Вместе с тем документ подтверждает, что эти разногласия приняли форму, исключаящую возможность нормальной работы».

1.4. «Пока этот подводный риф [СССР] не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед...»

«Пока этот подводный риф [СССР] не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед...».
(Из «Меморандума Танака»)

25 февраля 1926 г. умер император Японии Иосихито, ушла в прошлое эра Тайсе. На престол вступил молодой император Хирохито. Началась новая эра – эра Сева. Нового императора необходимо было посвятить во внешнеполитические планы империи. 25 июля 1927 г. премьер-министр Японии генерал Гиити Танака¹⁰¹ вручил Сыну Неба меморандум «Об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии», известный как «Меморандум Танака».

Карьера Гиити Танака, совмещавшего премьерство с должностями министра иностранных дел и министра по делам колоний, была тесно связана с Россией и ее армией. В 1887–1902 гг. Танака проходил стажировку в Новочеркасском полку на должностях командира роты и батальона, в ходе которой решал поставленные перед ним разведывательные задачи – изучение русской армии, ее вооружения, морального духа солдат и офицеров. За это время он приобрел блестящие знания русского языка, что в совокупности с вышесказанным предопределило его дальнейшее использование – подполковник Танака был назначен начальником русской секции Генерального штаба японских сухопутных сил. Эта должность предполагала его постоянные контакты с русскими военными разведчиками на должностях военных агентов. В течение 1903 г. и с 1906 г. до начала Первой мировой войны Гиити Танака поддерживал тесную связь, выходящую за рамки официальных отношений, с военным агентом России полковником В. К. Самойловым¹⁰².

В 1906 г. Самойлов направил в Главное управление Генерального штаба рапорт с ходатайством о награждении Танака орденом Св. Станислава II степени со звездой, установленной для иностранцев (ранее японский офицер уже был награжден орденом Св. Анны II степени).

В представлении отмечалось, что Танака уже длительное время сотрудничал с русским военным агентом, предоставляя тому различные сведения, не подлежащие оглашению, в том числе о работе японских военных комиссий, тексты лекций о войне для японских офицеров и т. д.

Новый посланник в Токио Ю. П. Бахметьев поддержал представление к ордену Гиити Танака, разделяя мнение В. К. Самойлова, что подобное поощрение позволит расширить перечень информации, получаемой от японского офицера. Последний не был агентом русской военной разведки, однако передаваемые им Самойлову на доверительной основе сведения представляли несомненный интерес для русского Генерального штаба. Никто и представить не мог, сколь блестящая карьера ждала этого человека, «японского Бисмарка», ставшего всего через 12 лет военным министром. Невероятно, но факт – премьер-министр Японии некогда предоставлял услуги русской военной разведке!

Меморандум «Об основах позитивной политики в Маньчжурии и Монголии» вышел далеко за заявленные рамки и говорил о стратегических устремлениях империи и самого автора – Гиити Танака, который постарался вытравить свои русофильские настроения (если, конечно, эти настроения у него были).

В Маньчжурию входили провинции Фынтянь, Гирин, Хейлунцзян. Под Монголией понимались районы Внутренней Монголии Китая и территория Монгольской Народной Республики – Внешняя Монголия.

Маньчжурия привлекала к себе внимание не только своей обширностью и незначительной плотностью населения, но и тем, что она была важным рынком сбыта и источником минерального сырья и сельскохозяйственных продуктов для Японии. Основные иностранные капиталовложения в Маньчжурии принадлежали Японии. Для использования богатств Маньчжурии в своих интересах Японией была создана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания, которая эксплуатировала южное направление КВЖД – Южно-Маньчжурскую железную дорогу, отошедшую к Японии после войны 1904–1905 гг. Всего было инвестировано 40 млн иен в судоходные, горнорудные, лесные, сельскохозяйственные и животноводческие предприятия.

Северо-восточные провинции Китая и Монголия, вдаваясь клином в территорию Советского Союза, обеспечивали выгодное стратегическое положение по отношению к районам Забайкалья, Приамурья и Приморья. Одновременно Маньчжурия и Внутренняя Монголия могли служить выгодным плацдармом для дальнейшей экспансии Японии в Китае.

Японской армии был нужен большой плацдарм на континенте, где можно было бы развернуть базу для последующей агрессии. Ляодунский полуостров, полученный Японией в аренду после Русско-японской войны, для этих целей явно не подходил.

«Меморандум» характеризовался жанровой эклектикой и отсутствием внутренней логики. Так, в «Меморандуме» излагался конкретный план покорения Маньчжурии и Монголии и управления ими. В первую очередь это был целый комплекс мер (всего 14 позиций) по закреплению и расширению экономического присутствия Японии в этом регионе. Предусматривалось также выделение из «секретных фондов» военного министерства одного миллиона иен для отправки во Внешнюю и Внутреннюю Монголию 400 отставных военных, которые, «...одетые, как китайские граждане, или выступающие в роли учителей, должны смешаться с населением, завоевать доверие монгольских князей». Предполагалось довести число проживавших в Маньчжурии корейцев до двух с половиной миллионов, чтобы в случае необходимости их можно было бы «подстрекнуть к военным действиям».

Планировалось строительство в Северной Маньчжурии железных дорог на случай военной мобилизации и военных перевозок. При этом сам факт открытого признания Японией суверенитета Китая над Маньчжурией и Монголией в документе рассматривался как «крайне печальное обстоятельство».

Но рамки экономического освоения Маньчжурии и Монголии были явно тесны и недостаточны для документа. Поэтому впервые в «Меморандуме Танака» были сформулированы стратегические задачи, стоявшие перед страной, которые, однако, не были сведены в один раздел, а были рассеяны по тексту документа. Были обозначены и основные противники империи.

Так, в разделе «Позитивная политика в Маньчжурии и Монголии» отмечалось, что «... Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политику «крови и железа». При этом признавалось, что, проводя подобную политику, Япония неизбежно окажется лицом к лицу с Америкой, которая «натравливает» на нее Китай, «...осуществляя политику борьбы с ядом при помощи яда». Получение же контроля над Китаем неизбежно требовало «...сокрушить Соединенные Штаты, то есть поступить с ними так, как мы поступили в Русско-японской войне».

Планы, излагаемые в «Меморандуме», были грандиозными – сначала создание азиатской континентальной империи, а затем обеспечение мирового господства: «Но для того, чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Маньчжурию и Монголию. Для того, чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны, Индия, а также страны Южных морей будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится оспаривать наши права».

Этапы агрессии Японии после захвата контроля над Маньчжурией и Монголией выглядели следующим образом: «Овладев всеми ресурсами Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, стран Южных морей, а затем к завоеванию Малой Азии, Центральной Азии и, наконец, Европы». Район Маньчжурии и Монголии предполагалось рассматривать «...как базу для проникновения в Китай под предлогом использования нашей торговли».

В «Меморандуме» указывалось, что экспансию следует проводить под предлогом угрозы со стороны России: «Под предлогом того, что красная Россия готовится к продвижению на юг, мы прежде всего должны усилить наше постепенное продвижение в районы Северной Маньчжурии, захватить таким путем богатейшие ресурсы этого района страны, не допустить на юге продвижения Китая на север, а на севере не допустить продвижения красной России на юг».

Хотя с севера Стране восходящего солнца никто не угрожал, война с Советским Союзом в этом документе представлялась неизбежной: «Продвижение нашей страны в ближайшем будущем в район Северной Маньчжурии приведет к неминуемому конфликту с красной Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту же роль, какую мы играли в Русско-японской войне. Китайско-Восточная железная дорога станет нашей точно так же, как стала нашей Южно-Маньчжурская, и мы захватим Гирин, как тогда захватили Дайрен (японское название г. Далянь, бывшее русское название – Дальний. – *Авт*). В программу нашего национального развития входит, по-видимому, необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Южной Маньчжурии. Пока этот подводный риф не будет взорван, мы не сможем пойти быстро вперед по пути проникновения в Маньчжурию и Монголию».

«Меморандум» определил двух основных противников на пути Японии к мировому господству: Соединенные Штаты и Советский Союз. Подготовка к войне с Советской Россией была переведена в практическую плоскость уже с сентября 1931 г. Однако воевать одновременно с этими двумя державами Япония не могла. В конце 1941 г. Япония после долгих и мучительных колебаний и подготовки к войне с каждым из этих государств повернула свою военную машину против Америки.

«Меморандум Танака» был секретным. Однако в 1929 г., спустя два года после его представления императору, «Меморандум» попал в руки китайских журналистов и был опубликован. Японское правительство отрицало подлинность текста «Меморандума», но все последующее развитие событий подтверждало его достоверность.

1.5. Первые шаги военной разведки в Китайской Республике

До вхождения Дальневосточной Республики (6 апреля 1920 г. – 15 ноября 1922 г.) в состав РСФСР разведка в Китае, Монголии и Японии осуществлялась независимыми друг от друга структурами: Разведуправлением штаба помощника главкома по Сибири (начальник Разведуправления по Сибири – С. Г. Вележев¹⁰³, помощник начальника РУ – Б. Н. Мельников), Разведуправлением штаба Народной революционной армии ДВР (начальник Разведуправления – М. А. Петровский) и Управлением политической инспекции НРА (начальник управления – К. Г. Эзеретис). Такое организационное многообразие не могло положительно сказываться на результатах разведывательной работы.

К этому времени в Маньчжурии де-факто существовали управления российских уполномоченных НКВД, выполнявших консульские функции в Харбине и ряде населенных пунктов Маньчжурии. Наряду с этими дипломатическими представительствами РСФСР действовали различные учреждения КВЖД и другие многочисленные российские представительства: «Центрсоюз» (Центральный союз торговых предприятий РСФСР), «Сибкрайсоюз» (Сибирский краевой союз кооперативов РСФСР), отделение «Нефтесиндиката» и ряд других организаций, которые использовались в том числе и как «крышевые» прикрытия для разведки.

В качестве представителя «Центрсоюза» в начале 1921 г. в Харбин под фамилией Соколов был направлен Яков Григорьевич Минскер¹⁰⁴ (Минский), начавший сотрудничать с разведкой в декабре 1920 г. Он был командирован в полосу отчуждения КВЖД для обеспечения и руководства всей агентурной работой в данном районе и назначался «...ответственным руководителем центральной резидентуры Маньчжурии при Управлении политической инспекции Народной революционной армии». Минскер наделялся «...самыми широкими полномочиями вплоть до применения высших мер наказания к сотрудникам... управления, замеченных в действиях явно контрреволюционных и дискредитирующих власть Р. С. Ф. С. Р. и Р. К. П. (б)». Знакомый, по его словам, с местной обстановкой, Минскер категорически выступал против того, чтобы деятельность резидентуры увязывалась с партийной работой, справедливо полагая, что в противном случае «...наша организация неизбежно будет провалена».

Ему предлагалось в самый наикратчайший срок и самым энергичным образом усилить деятельность имевшейся агентуры по обнаружению группировки японских, китайских и белогвардейских войск в районе Китайско-Восточной, Южно-Маньчжурской и Уссурийской железных дорог, обратив особое внимание на переброску по этим дорогам.

Внезапно в середине апреля 1921 г. Минскер по требованию Дальбюро ЦК РКП(б) был в срочном порядке освобожден от возложенных на него обязанностей и отозван из Маньчжурии. За столь короткое время добиться каких-либо положительных результатов по линии разведки Минскеру не удалось, однако уже тогда руководство отмечало чрезмерное увлечение им разведкой политической в ущерб военной.

21 марта 1922 г. в Читу на имя начальника Разведупра НРА Петровского пришла телеграмма из Москвы следующего содержания: «Сообщите Янсону, что Рустам-Бек подчинен Виленскому и последний является нашим представителем. Пайкес уже по службе с ним связан».

Я. Д. Янсон в 1921–1922 гг. являлся членом Дальбюро ЦК РКП(б), министром иностранных дел Дальневосточной Республики, а А. К. Пайкес – главой первой дипломатической миссии РСФСР, прибывшей в Пекин 12 декабря 1921 г.

А «Рустам-Бек», о котором все знали и которого передавали из рук в руки, был Борис Леонидович Тагеев¹⁰⁵, занимавший официально должность советника при дипломатической

миссии ДВР в Пекине. Неофициально же он являлся сотрудником Разведывательного управления Штаба РККА. Под псевдонимом «Рустам-Бек» Тагеев опубликовал большое количество публицистических трудов на русском и английском языках, в том числе об Афганистане, о Русско-японской войне, о русской армии и российском воздушном флоте.

Уже в конце XIX в. он сотрудничал с русской военной разведкой и под видом купца и паломника с помощью контрабандистов проник в Афганистан, где провел рекогносцировку отдельных районов страны и собрал материал по афганской армии и оборонительным сооружениям Кабула.

В качестве военного корреспондента в чине прапорщика он участвовал в Русско-японской войне и был награжден офицерским Георгиевским крестом. Затем были плен в Японии, жизнь в Харбине и переезд во Францию, далее – английская служба (в чине подполковника волонтерских войск) в качестве военного обозревателя «Дейли экспресс» в годы Первой мировой войны и, наконец, должность военного эксперта российской миссии Л. К. Мартенса¹⁰⁶, которая вела переговоры об установлении политических и экономических отношений с Америкой в 1920 г. Уже тогда Б. Л. Тагеев был привлечен к сотрудничеству с военной разведкой, теперь уже советской. Он был на редкость авантюрной и необыкновенной личностью. В связи с отъездом Б. Л. Тагеева в Китай в европейской печати появилось сообщение, что в Поднебесную он едет якобы как журналист англоязычной прессы. Во время пребывания в Пекине за его подписью выходило по три статьи в неделю в английской газете «The Peking Daily News».

Владимир Дмитриевич Виленский-Сибиряков, о котором сообщалось в телеграмме и которому должен был подчиняться Тагеев, по рекомендации Разведывательного управления в марте 1922 г. был направлен в Китай советником в миссию Пайкеса.

Виленский с первых же дней зарекомендовал себя талантливым дипломатом, что особенно бросалось в глаза на фоне безынициативного и пассивного Пайкеса. 11 мая 1922 г. в письме в НКВД Виленский изложил свой взгляд на развитие советско-китайских отношений, там же, в частности, говорилось о необходимости поиска и использования новых лиц в своих интересах. И таким новым лицом, по мнению Виленского, являлся У Пэйфу, который должен был «... стать не только предметом нашего изучения, но и математической точкой приложения нашей активной политики в Китае».

Работа «Рустам-Бека» под началом Виленского продолжалась недолго. Уже в конце апреля 1922 г. он был вызван в Читу под предлогом получения «крупных сумм на предприятие». За это короткое время им было направлено в Разведывательное управление 20 донесений. Из Читы «Рустам-Бек» проследовал в Москву, где и был арестован 19 июля 1922 г., причем под ордером на арест стояла подпись члена ВЧК Ягоды. Из следственного дела вытекало, что его арестовали по подозрению в шпионаже в пользу Франции. Речь шла о банальном доносе.

Содержался Б. Л. Тагеев в Бутырской тюрьме, отсюда он направил письмо не руководству военной разведки, а Л. К. Мартенсу. «Вы знаете меня, знаете мою преданность Советской России и моему правительству. Мне не приходится распространяться на эту тему Вам, моему поручителю. В Китае я создал себе имя и всеми силами защищал интересы Советской России, что доказывают мои статьи в местной английской печати, которые широко перепечатывались как в китайской, так и в английской, и американской прессе. Я прибыл по вызову Центра для обсуждения некоторых вопросов. Мне было выражено при первом же моем предварительном докладе удовольствие моей деятельностью. Я нисколько не сетую на мой арест, понимая прекрасно, что, раз был донос (и хотя бы даже ложный), в этом необходимо разобраться. Но зачем же меня так долго держат в тюрьме?» – апеллировал «Рустам-Бек» к старому соратнику Ленина, бывшему одно время его, Тагеева, руководителем и не только – судя по всему, их связывали близкие дружеские отношения. Через месяц Б. Л. Тагеев был освобожден из тюрьмы, но в Пекин уже не вернулся, и отношения его с Разведывательным управлением прервались. Временно.

Кроме «Рустам-Бека» Виленскому был передан на связь и пекинский резидент «Богданов» – Андрей Гусев¹⁰⁷. Шифропереписка с ним шла через миссию Пайкеса – телеграммы адресовались на имя советника миссии Виленского, он же, за своей подписью, отправлял телеграммы в Центр.

С начала лета 1922 г. Разведуправление Штаба НРА ДВР в Чите возглавил А. Рандмер, служивший до этого в должности начальника Разведывательного управления Западного фронта. По оценке Рандмера, принятая им «...агентурная сеть находилась в стадии разложения, людей было много, расходы довольно большие, но результат совершенно ничтожный». Такая неприглядная ситуация, как считал Рандмер, являлась следствием отсутствия руководящего центра. Им было установлено, «...что некоторые резидентуры в продолжении нескольких месяцев не получали никаких указаний и заданий, кроме денег и некоторых неясных организационных разъяснений, очень часто противоречащих одно другому» (следует оговориться, что любой новый начальник, вступая в должность, обязательно негативно оценивал работу своего предшественника, что далеко не всегда соответствовало действительности). С целью исправления сложившейся ситуации Рандмер вызвал резидентов в Разведуправление для знакомства и инструктажа, а также уволил «довольно большой процент сексотов как несоответствующих».

В лучшую сторону выделялась деятельность пекинской агентуры Гусева, получаемые сведения от которой, по оценке Рандмера, заслуживали доверия и ценности. В июне 1922 г. Гусев сообщил о предложении, исходившем от группы военных радикалов, для организации совместной борьбы в Маньчжурии против Чжан Цолиня, ставленника Японии, «...путем внутреннего переворота у него в тылу».

Условия группы сводились к получению от СССР 30 тыс. винтовок и по 1000 патронов на каждую, пулеметов и другого оружия и военного снаряжения. Центр был категоричен: «Предложение отвергаем решительно. Сделайте распоряжение, чтобы были прекращены переговоры».

После получения отрицательного ответа Гусев направился из Пекина в Читу в разведотдел штаба НРА и назад больше не вернулся из-за возникших к нему претензий со стороны руководства. Его резидентура, по словам Рандмера, «осталась в печальном положении»; поэтому срочно требовался человек «для объединения оставленных им работников».

Существенную помощь в организации разведки штабу НРА ДВР представлял Павел Дмитриевич Яковлев¹⁰⁸ (псевдоним «Дунин Лаврентий Михайлович»), в прошлом известный эсер и бывший иркутский губернатор при Колчаке (губернский комиссар в Иркутске). Оказавшегося в эмиграции Яковлева в начале 1922 г. привлек к сотрудничеству с военной разведкой Яков Минскер, который был обязан бывшему губернатору жизнью. Схваченного в январе 1919 г. в Иркутске колчаковской контрразведкой Минскера Яковлев приказал перевести из иркутской тюрьмы, где его ждала неминуемая смерть, во Владивосток, подальше от колчаковцев. Яковлев в своей расписке, данной им харбинской резидентуре, брал на себя обязательство «...точно и беспрекословно доставлять сведения по вопросам иностранной политики России». Харбинский резидент характеризовал его как безусловно искреннего сотрудника, который работал «не за деньги». Вместе с тем он отмечал, что Яковлев «... сильно расконспирирован и потерял авторитет среди своих кругов как сочувствующий коммунистам».

Связи Яковлева работали в армии правителей Приморья, генерала Дитерихса и братьев Меркуловых. Добытые ими сведения были использованы при подготовке боевых операций Народно-революционной армии под Волочаевкой, при освобождении Хабаровска от войск белых и японцев. Именно при его участии Разведуправлением были созданы резидентуры в Харбине и Пекине. Приступил Яковлев и к формированию боевой дружины с целью ликвидации атамана Семенова, однако эта инициатива по какой-то причине не была поддержана в штабе НРА Дальневосточной Республики.

В апреле 1922 г. Сибирское бюро и Сибирский ревком удовлетворили просьбу Яковлева о возвращении на родину. В августе он был вызван в Читу, где был назначен заместителем начальника Разведуправления Штаба НРА ДРВ. Одновременно Яковлев руководил военным научным обществом по обобщению опыта войны и изучению театра военных действий на Дальнем Востоке. Бывший эсер был даже избран руководителем Политпросвета 5-й армии.

В начале августа 1922 г. в Пекин для проведения переговоров об установлении дипломатических отношений прибыл А. А. Иоффе, назначенный представителем РСФСР в Китае, которого китайская сторона согласилась принять только «полуофициальным представителем правительства РСФСР в Пекине». Возглавляемая Иоффе миссия (за которой сохранялись все способы сношения с Москвой – использование курьеров и шифровальной переписки) была сформирована по типу полпредства и состояла из 14 человек.

Находившиеся в Пекине сотрудники миссии Пайкеса были отозваны в Москву; отзыв коснулся и успевшего зарекомендовать себя с лучшей стороны Виленского, который ни к разведывательной, ни к дипломатической работе больше не возвращался, а посвятил себя журналистике. Им был написан ряд публицистических работ, посвященных Дальнему Востоку, в том числе «За Великой китайской стеной», «Сунь Ятсен – отец китайской революции», «Японский империализм», «Советская Россия у берегов Тихого океана». К сожалению, его судьба, как и многих других, сложилась трагично.

В состав вновь прибывшей миссии Иоффе входил военный эксперт А. И. Геккер. Накануне прибытия дипломатической миссии в Пекин заместитель начальника Разведывательного управления Я. К. Берзин отправил телеграмму начальнику Разведывательного управления Штаба НРА Рандмеру: «27 июля выезжает вместе Иоффе Пекин Геккер качестве негласного военного атташе. Свяжите его аппаратом Гусева и окажите ему помощь... людьми, если требуется. Суммы Гусева передайте Геккеру. Копии материалов Геккер будет посылать Вам».

Именно Геккер должен был стать тем человеком, которому предстояло объединить «оставленных работников» Гусева.

Создание заграничных агентурных аппаратов как Разведупра Штаба РККА, так и ИНО ВЧК (ГПУ) в 1921–1922 гг. зачастую происходило под руководством одного и того же лица, одновременно выполнявшего функции резидента Разведывательного управления и Иностранного отдела. Так, в 1921 г. ответственным представителем ИНО и Разведуправления для объединения всей западноевропейской сети и руководства ею был направлен в Берлин А. К. Сташевский¹⁰⁹, а объединенным резидентом в Польшу – М. А. Логановский¹¹⁰. К этому следует добавить и нередко практиковавшийся переход на службу из ИНО в Разведупр и обратно. При этом как руководство объединенных резидентур, так и сотрудники агентурных аппаратов находились на должностях прикрытия официальных учреждений СССР.

Шаги в этом направлении были сделаны и в Китае, хотя объединенная резидентура просуществовала здесь недолго, что объяснялось как спецификой самого Китая и советско-китайских дипломатических отношений, так и эволюцией взглядов на проблему руководства соответствующих органов и вышестоящих инстанций.

2 ноября 1922 г. Геккеру в Пекин за подписью Берзина была отправлена телеграмма, сообщавшая, что в Пекин выехал Я. Х. Давтян¹¹¹, который уполномочен объединить «нашу и ГПУ работу». Связь, финансирование, общие директивы предписывалось впредь осуществлять через Давтяна.

Следом была направлена телеграмма и Давтяну о Геккере, сообщавшая, что поступивший от последнего первый материал очень ценный. Из чего в Москве заключили, что Геккер будет работать хорошо, и предписывалось выделять на его разведывательную работу средства с максимальным их использованием. При этом Давтяну рекомендовалось подходить к Геккеру с достаточным тактом, не задевая его самолюбия.

Яков Христофорович Давтян (Давыдов), первый руководитель Иностранного отдела ВЧК, исполнял обязанности начальника ИНО с 20 декабря 1920 г., являясь одновременно заведующим Отделом прибалтийских стран и Польши. По линии НКВД Давтян какое-то время работал в представительстве РСФСР в Литве. В конце 1922 г. он был включен в дипломатическую миссию А. А. Иоффе в Китае, где выступал в качестве главного резидента ИНО ОГПУ и некоторое время – объединенного резидента советской разведки в Китае. Однако на Востоке, в отличие от Европы, особо объединять было нечего, а надо было начинать совместную работу под единым руководством, а этого как раз не получилось, хотя такие попытки предпринимались вплоть до 1926 г. как в самом Пекине, так и в Харбине.

Выбор кандидатуры Геккера как руководителя агентуры был крайне неудачен. Во-первых, у него не было никакого опыта агентурной работы. Во-вторых, его статус крупного военачальника подспудно формировал негативное отношение к непосредственной организации разведывательной деятельности как таковой. В-третьих, при наличии пусть и вполне оправданных амбиций ему претила необходимость подчиняться Давтяну, хотя и по достаточно ограниченному кругу вопросов, и, наконец, в-четвертых, интенсивная дипломатическая деятельность советника Геккера по оказанию советской помощи «в деле объединения Китая» – его многочисленные контакты-переговоры с У Пэйфу и Сунь Ятсеном по указанию Иоффе явно мешали его разведработе. Хотя, с другой стороны, именно эти частые контакты с представителями враждовавших сторон создавали благоприятные условия для подбора лиц, могущих заинтересовать разведку. Иными словами, все это не только предопределило далеко не блестящие результаты разведывательной деятельности Геккера, но и, возможно, воспрепятствовало объединению резидентур военной разведки и ИНО ОГПУ в целом. К этому следует добавить и, по-видимому, сдержанную позицию в вопросе объединения представителей Иностранного отдела на местах и в первую очередь его главного резидента в Китае.

Основным направлением деятельности Давтяна и руководимых им резидентур, как, впрочем, и всех резидентур ИНО за границей в то время, было отслеживание активности эмигрантских белогвардейских организаций, в данном случае на Дальнем Востоке. Спустя год после приезда в Пекин Давтян докладывал в ИНО ГПУ: «Несколько слов о нашей специальной работе. Она идет хорошо. Если Вы следите за присылаемыми материалами, то, очевидно, видите, что я успел охватить почти весь Китай, ничего существенного не ускользает от меня. Наши связи расширяются. В общем, смело могу сказать, что ни один шаг белых на всем Дальнем Востоке не остается для меня неизвестным. Все узнаю быстро и заблаговременно».

Для таких, пусть, возможно, и преувеличенных, оценок собственных заслуг у Давтяна были некоторые основания. Так, руководимая им как главным резидентом мукденская резидентура через свою агентуру в японских спецслужбах получила архив белой контрразведки на Дальнем Востоке. «Дорогой Михаил Абрамович, – писал Давтян своему преемнику на посту начальника Иностранного отдела Трилиссеру – с сегодняшним курьером посылаю Вам весь архив белогвардейской контрразведки, полученный в Мукдене. Прошу принять меры, чтобы архив не замариновался и был использован...»

11 февраля 1923 г. Я. Х. Давтян сообщает в Центр: «Работу я сильно развернул. Уже теперь приличная агентура в Шанхае, Тяньцзине, Пекине, Мукдене. Ставлю серьезный аппарат в Харбине. Есть надежда проникнуть в японскую разведку... Мы установили очень крупную агентуру в Чанчуне. Два лица, которые будут работать у нас, связаны с японцами и русской белогвардейщиной. Ожидаю много интересного».

Не все, однако, шло безоблачно и гладко. «Я думаю, что было бы целесообразно мне отказаться от работы в ИНО, т. к. совершенно не могу согласиться с Вашими методами действий.» – писал он начальнику ИНО в связи с полученными указаниями. Или еще выдержка из личного письма М. А. Трилиссеру от 6 сентября 1923 г.: «Я полагаю, что в Пекине лучше

видно положение дел, чем из Москвы. Если Вы с этим не согласны, то тогда прошу освободить меня от работы совершенно».

Непросто складывались отношения Давтяна и с руководством НКВД. «Думаю, что Пекин будет моей последней работой в этом милом учреждении. Хочу работать в Москве или, в крайнем случае, на Западе. Предпочел бы с НКВД вообще порвать, ибо все-таки не могу ужиться с ними», – написал Давтян в одном из писем в Москву. Основания для претензий к нему по линии Народного комиссариата по иностранным делам были весомые. В протоколе заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 23 марта 1923 г. говорилось: «Указать НКВД на необходимость принять все меры к расторжению заключенного т. Давтяном соглашения о КВЖД, поставив т. Давтяну на вид нарушение директив ЦК. Предложить НКВД впредь ответственных поручений не давать т. Давтяну». Подобная коллизия была связана с частной инициативой, проявленной Давтяном, исполнявшим обязанности чрезвычайного и полномочного представителя РСФСР в Китае, во время нахождения А. А. Иоффе с начала 1923 г. на лечении в Японии.

В Китае Я. Х. Давтян находился до 1925 г., после чего был направлен советником полпредства СССР во Франции, уже без совмещения дипломатической деятельности с разведывательной.

Я. Х. Давтяна на посту главного резидента ИНО в Китае сменил Сергей Георгиевич Вележев, бывший начальник Разведывательного управления Штаба помощника главкома по Сибири (октябрь 1921 – июнь 1922 г.).

Попытки сформировать объединенные резидентуры Разведупра и ИНО в Пекине и Харбине приводили к ряду коллизий, в том числе в части распределения выделяемых ассигнований, нежеланию передавать агентуру.

В 1923 г. на совещании РВС СССР под председательством Э. М. Складского было признано нецелесообразным объединение агентурных аппаратов ИНО ОГПУ и Разведупра, следствием чего явились разделение зарубежной агентурной сети и отказ от практики назначения объединенных резидентов. Эти мероприятия были завершены в основном к началу 1925 г. Тем не менее к вопросу объединения военной и политической разведок неоднократно возвращались в последующие годы.

Наряду с Разведывательным управлением Штаба РККА (Разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА – ноябрь 1922 г. – апрель 1924 г.) разведывательную деятельность в Маньчжурии, Северном Китае и Монголии в то же время осуществляли штаб 5-й армии (сформирован на базе штаба НРА ДВР), а в последующем и штаб Сибирского военного округа, а также разведотдел Разведупра Штаба РККА при 19-м стрелковом корпусе.

В октябре 1922 г. в Китай на фоне вялых попыток создания объединенной резидентуры был направлен работник Центра Н. С. Николаевский, который должен был работать в интересах разведотдела штаба НРА (с ноября 1922 г. – разведотдела штаба 5-й армии) и которому, по указанию Берзина, Рандмер должен был передать пекинскую и харбинскую резидентуры. Пекинская нелегальная организация передавалась вторично (сначала Геккеру), хотя на самом деле с отъездом Гусева существовала только на бумаге. Поэтому в действительности речь шла о передаче только харбинской резидентуры в составе семи человек. Все эти агенты в большинстве своем работали по Белому движению, не владели китайским и английским языками, не имели постоянной работы и всецело зависели от выплаты им жалованья.

«Освещение Китая», по признанию самого Николаевского, «почти не производилось». На этом основании он распустил имевшийся состав резидентуры и заменил его лицами, владевшими китайским, японским, английским и монгольским языками. По месту своей службы агенты имели тесную связь со штабами войск как в Харбине, так и в Мукдене, а по роду своей службы были прикреплены к определенному району.

Стоимость агентурной сети вместе с собственным содержанием, выпиской и переводами текущей японской и китайской прессы обходилась Николаевскому до 1500 иен в месяц. При

этом ясно было, что отсутствие достаточных средств не позволяет агентурной сети достигнуть ощутимых результатов.

Присматриваясь к работе английской и французской разведок в Северо-Восточном Китае, Николаевский отмечал, что содержание разведки «...им, несмотря на колоссальный аппарат, ничего не стоит благодаря наличию в их руках ряда коммерческих предприятий, как-то: сельскохозяйственных ферм в Мукдене, автобусное и автомобильное движение, табачные фабрики и пр.».

Констатируя априори факт отсутствия денег на создание коммерческих предприятий, Николаевский предлагал прибегнуть к использованию контрабандного товара из Советской России для снабжения им видных китайских сановников, японских консульских и военных деятелей, которые были чрезвычайно падки на этот товар и им приторговывали.

Общим отрицательным местом в организации агентурной работы в Китае в то время была частая смена руководителей, не всегда вызванная объективными обстоятельствами. Не миновала эта чаша и Николаевского.

Уже в июле 1923 г. он передал агентурную сеть в Харбине (14 человек) и Мукдене (6 человек) Перевалову, очередному резиденту Центра.

К концу октября 1923 г. Перевалов, занимая должность сотрудника представителя НКВД в Харбине, «ликвидировал» агентуру Николаевского и обратился в разведывательную часть штаба 5-й армии (начальник разведывательной части, в последующем разведотдела штаба А. П. Аппен) с просьбой отправить его «...в Москву для принятия участия в работе на Западе». Ходатайство Перевалова о переводе было удовлетворено в мае следующего года. К этому времени он ограничивался «услугами» четырех осведомителей, которые в действительности занимались только переводами китайской прессы.

В июне 1923 г. в Харбин под прикрытием должности сотрудника управления уполномоченного НКВД СССР был направлен Борис Николаевич Мельников, бывший до этого начальником 2-го отделения агентурной части Разведывательного отдела Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА.

Трудно переоценить роль этого человека в организации советской военной разведки на Дальнем Востоке. В апреле 1924 г. начальник Разведывательного управления Штаба РККА Я. К. Берзин следующим образом характеризовал своего подчиненного: «Тов. Мельников, Борис Николаевич... в разведке специально по Д/В работает с 1920 года. Лично побывал в Японии, Китае и в Монголии. Изучил и знает во всех отношениях как Китай, так и Японию. Весьма развитый и разбирающийся в сложной обстановке работник, не увлекающийся и не зарывающийся. Политически выдержан. Большая работоспособность и инициатива». И такого специалиста начальник Разведупра вынужден был передать для работы в Народный комиссариат по иностранным делам, так как этого «требовали интересы Республики».

Именно Мельников, по утверждению Я. К. Берзина, вел «разработку плана организации нелегальной резидентуры Рамзая – Зорге в Японии» и инструктаж самого Зорге в 1933 г.

Следствием установления советско-китайских дипломатических отношений в мае 1924 г. явилось открытие советского полпредства в Пекине и консульств во многих административных центрах (и не только) китайских провинций. В Маньчжурии же произошло признание де-юре существовавших ранее полуофициальных представительств СССР с одновременным их переименованием, как, например, управление уполномоченного НКВД СССР в Харбине стало генеральным консульством, разумеется, с новыми штатами.

Однако процесс открытия консульств затянулся на месяцы; с еще большей задержкой появились на местах резиденты Разведывательного управления под «крышей» сотрудников НКВД. Нередко обещанные должности приходилось «выбивать» у Наркомата по иностранным делам и далеко не всегда с положительным результатом. Люди уже находились на местах, а обещанные должности все не выделялись, невзирая на многомесечную переписку. И это при том,

что военное ведомство готово было взять на себя часть финансирования выделяемых должностей.

В июне 1924 г. на должность консула в Харбине под фамилией Ивана Петровича Грандта был направлен Арвид Янович Зейбот¹¹², начальник Разведывательного отдела Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА, т. е. бывший руководитель всей советской военной разведки. С 1925 г. по июнь 1926 г. Зейбот был генеральным консулом СССР в Харбине. Одновременно он занимал должность члена правления КВЖД. На этом посту Зейбот решал организационные вопросы в интересах военной разведки.

Пекинское и Мукденское соглашения 1924 г. регулировали, хотя и временно, советско-китайские отношения в части совместной коммерческой эксплуатации КВЖД. Должность заместителя председателя правления Китайско-Восточной железной дороги с 1924 по 1925 г. занимал другой бывший руководитель военной разведки – Ян Давидович Ленцман¹¹³, который в августе 1920 г. – апреле 1921 г. был начальником Регистрационного управления Полевого штаба РВСР (с 4 апреля 1921 г. Регистрационное управление стало называться Разведывательным управлением Штаба РККА). Новая должность позволяла ему выделять «крышевые» штатные единицы для сотрудников разведки.

Уже сам факт присутствия в Китае в 1927–1929 гг. двух бывших руководителей военной разведки свидетельствовал о том, какое значение этой стране придавало советское правительство и коммунистическая партия. Более того, 30 декабря 1926 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о назначении первого руководителя советской военной разведки Семена Ивановича Аралова¹¹⁴ представителем советского правительства при национальном (уханьском) правительстве в Китае (в Ханькоу). И только зигзаги тамошних политических реалий в Китае воспрепятствовали выезду С. И. Аралова в Китай.

Тем временем Анатолий Ильич Геккер стал первым советским военным атташе в Пекине (июнь 1924 г. – май 1925 г.). В 1925–1929 гг. он уже являлся членом правления КВЖД. Довольно странная метаморфоза.

Следующим военным атташе на короткий срок, как и все последовавшие за ним военные руководители, стал Николай Михайлович Воронин (май – октябрь 1925 г.)¹¹⁵.

А. В. Благодатов¹¹⁶, находившийся в Китае в 1925–1927 гг. в качестве военного советника, в своей книге «Записки о китайской революции. 1925–1927», вспоминая о деятельности Воронина в Пекине, писал: «После отъезда А. И. Геккера в Советский Союз на пост военного атташе был назначен бывший член Реввоенсовета Ленинградского военного округа Н. М. Воронин. Он был невысокого роста и так сильно хромал на одну ногу из-за ранения во время Гражданской войны, что ходил вприпрыжку. Благодаря его походке, он сразу же бросался в глаза обитателям посольского квартала, благо к тому же он отличался общительным характером. Как бы он ни переодевался, иностранные разведчики по походке тотчас же узнавали советского атташе... На плечи Воронина легла весьма тяжелая и ответственная задача: в сложной обстановке Китая руководить работой военных советников через начальников групп – крупных и авторитетных военачальников Красной армии, таких как В. К. Путна, В. К. Блюхер, Н. В. Куйбышев, В. М. Примаков. Одновременно Воронин должен был выступать как авторитетный референт по военным вопросам нашего посла Л. М. Карахана».

С 22 октября 1925 г. военным атташе в Пекине был утвержден Александр Ильич Егоров, известный полководец Красной армии, но уже в марте 1926 г. он был отозван в СССР.

До августа 1926 г. и. о. военного атташе в Пекине был имевший опыт разведывательной работы Альберт Янович Лапин (Лапинь, Лапиньш)¹¹⁷, который до этого состоял в группе военных советников сначала в Кайфыне, а затем в Калгане. Его переводу из Кайфына предшествовала поданная по команде докладная записка «Оценка основной линии нашей работы

в т. н. национальных армиях в Китае», представлявшая собой «...пространный принципиальный доклад... о вреде нашей работы в Китае».

Последним военным атташе в Китае (сентябрь 1926 г. – апрель 1927 г.) был еще один бывший руководитель военной разведки – Роман Войцехович Лонгва.

Деятельность военных атташе регламентировалась «Инструкцией военным представителям, посылаемым в иностранные государства» от 22 декабря 1920 г. (вскоре военные представители начнут называться военными атташе). Инструкция учла особенности становления института советских военных атташе: в начале 20-х годов на должность военного и морского представителей в основном назначались бывшие офицеры Генштаба Российской армии и Морского флота, перешедшие на сторону советской власти и которые в подавляющем своем большинстве были беспартийными. В связи с этим предусматривалось введение в аппарат военного представителя на должности помощников военного представителя членов партии, на которых возлагалось руководство агентурой. Так, в докладе по Регистрационному управлению Полевого штаба на имя заместителя председателя РВСР Э. М. Склянского от 28 октября 1920 г. «... ввиду предстоящей посылки в Финляндию нашей дипломатической миссии и открывающейся возможности послать и военное, и морское представительство» испрашивалось утверждение следующих кандидатур:

«1) На должность военного представителя Генерального штаба – Петра Ивановича Измestьева.

2) На должность помощника – Александра Александровича Инно.

3) На должность морского представителя – Евгения Андреевича Беренс».

Представляя на утверждение Реввоенсовета Республики в ноябре 1920 г. «Инструкцию военным представителям, посылаемым в иностранные государства», начальник Регистрационного управления Полевого штаба РВСР Я. Д. Ленцман пояснял: «Принимая во внимание то обстоятельство, что сбор необходимых сведений затруднен без тайной разведки и что тайную разведку с большим успехом может провести только лишь член партии, которому безусловно доверяют Регистрационное управление и местные партийные органы, услугами которых приходится пользоваться, нами введена в штат военного представительства обязательная должность помощника военного представителя, безусловно, члена коммунистической партии при беспартийном военном представителе».

Согласно инструкции, распределение задач между военным представителем и его помощником в части добывания разведывательной информации выглядело следующим образом. На военного представителя возлагался «...сбор сведений о государстве, в котором он находится, попутно в сопредельных странах, а равно во всех государствах: а) об организации вооруженных сил, б) о всех новейших изобретениях в области военной техники». Кроме того, военному представителю вменялось в обязанность исполнять «... все те задания и приказания, которые на него будут возложены главою дипломатической миссии или начальником Регистрационного управления».

На помощника военного представителя, каковой должен быть, безусловно, членом Российской коммунистической партии, возлагались: «а) функции, соответствующие комиссарским при военном представителе, б) руководство тайной разведкой, если таковую будет признано необходимым иметь в том государстве, где он находится».

Сбор сведений должен был производиться следующими способами: «а) путем изучения иностранной и военной литературы; б) путем извлечения необходимых сведений из периодической печати; в) путем непосредственных наблюдений;

г) путем получения сведений через особо доверенных лиц, причем все поручения доверенным лицам даются помощником военного представителя».

Однако не всегда военные представители были беспартийными, так же как и их помощники «безусловно» партийными. В случае, когда военный представитель являлся членом

РКП(б), обязанности по организации тайной агентурной разведки возлагались на него. При этом к нему в случае необходимости мог быть прикомандирован военный специалист – нечлен партии.

В Китае, куда военными атташе назначались только члены партии, тем не менее организаторами агентурной разведки выступали не они, а резиденты, занимавшие должности прикрытия при посольстве СССР и находившиеся в оперативном подчинении у военных атташе.

Важность Харбина как центра Маньчжурии, откуда могла исходить непосредственная угроза Советскому Союзу со стороны Японии, использование находившихся здесь белогвардейцев, а также присутствие на ответственных постах в генконсульстве СССР и правлении КВЖД А. Я. Зейбота и А. И. Геккера предопределило создание центральной харбинской резидентуры для Северо-Восточного, Северного и Центрального Китая, а также Кореи (Сеула).

Харбин был заложен на правом берегу реки Сунгари, притока Амура, в 1898 г. с началом строительства КВЖД, в ее полосе отчуждения. В 30-е годы Харбин являлся торгово-экономическим и политическим центром Северной Маньчжурии (Особого района Трех Восточных Провинций Китая), ее столицей. В 1931 г. население Харбина насчитывало 332 тыс. жителей, из них 75 % китайцев и свыше 10 % русских. Одновременно Харбин считался центром контрабандистской и шпионской деятельности на Дальнем Востоке.

Контрабандная торговля, включая провоз опиума, золота, различных драгоценностей, имела широкое хождение на КВЖД. Опиум в Китай шел из Приморья, где корейцы и китайцы заседали маком огромные пространства, очищенные в Уссурийской тайге. В контрабандной торговле опиумом участвовали пограничные чиновники, железнодорожный обслуживающий персонал, полиция. Операциями по перевозке опиума ведали особые компании, возглавляемые дельцами, среди которых были корейцы, европейцы, старожилы-железнодорожники, китайцы и русские. Доставлялся он со станции Пограничная в Харбин в паровозах, в пассажирских вагонах и вагонах-ресторанах, в которых его прятали за разборными стенками. Опиум доставлялся пачками по несколько фунтов, обернутых в свинцовую бумагу и резиновую ткань, чтобы скрыть специфический запах.

Другим видом контрабанды были золото, драгоценности, меха, предметы искусства, конфискованные советским правительством и направляемые через Маньчжурию на иностранные рынки. Их провозом ведали люди, часто служившие паровозной и вагонной прислужкой, арендаторами вагонов-ресторанов, буфетчиками. Почти все они зачастую против своего желания были связаны с различными советскими организациями, включая Далькрайком, Северо-Маньчжурский коммунистический комитет, ГПУ и т. д.

В конце 1924 г. выпускник Восточного отдела Военной академии РККА В. Т. Сухоруков¹¹⁸ был направлен на разведывательную работу в Китай. Вопрос о должности прикрытия предполагалось решить на месте. В этой связи Берзин направил телеграмму в генконсульство СССР в Харбине Грандту (А. Я. Зейботу) с просьбой временно пристроить Сухорукова «по своей или НКВД линии». Под «своей линией» имелось в виду одно из структурных подразделений КВЖД, членом правления которой он являлся. Хотя, надо сказать, для Зейбота обе «линии» были «своими». В конечном итоге Сухоруков был назначен на должность сотрудника для поручений генконсульства.

Здесь же, в Харбине, находился сотрудник Разведупра Рыбаков («Рябинин», «Михаил», «Степан Сихалин»), который зарекомендовал себя как вдумчивый, инициативный агентурный работник.

По состоянию на 15 октября 1925 г. агентурная сеть харбинской резидентуры насчитывала 17 агентов, в том числе восемь китайцев.

Среди наиболее результативных источников резидентуры проходил агент по кличке «Косырев». Сотрудничал с ноября 1924 г. Русский. Беспартийный. Профессия – драгоман (переводчик при дипломатических представительствах и консульствах стран Востока). Служил

в Главном управлении окружных войск Харбина. Проявил себя как добросовестный, честный работник. «Косыревым» был завербован китаец, поручик Главного штаба Охранных войск, имевший доступ к дислокации войск, в том числе и армии Чжан Сюэяна. У китайца-поручика были широкие связи среди военных в Мукдене, Гирине и Цицикаре. По-русски он совершенно не говорил. Задания ему давались при личном свидании «Косыревым». Самим «Косыревым» и китайцем-поручиком было добыто большое количество документов, получивших высокую оценку.

Другим не менее результативным был агент по кличке «Степаничук». Сотрудничал с разведкой с 1921 г. Беспартийный. Русский. Бывший ротмистр, бывший адъютант Разведывательного отделения Заамурского военного округа. Хорошо знал Китай и Японию. Был чрезвычайно полезен, так как имел хорошее военное образование и опыт старого разведчика. Давал сведения по контрразведке, переводил секретные документы. Имел связи среди белогвардейцев, японцев местной колонии и других городов Маньчжурии и Кореи. Был известен в местных кругах как журналист, переводчик, военный. Через него было добыто много документальных материалов, получивших высокую оценку руководства разведорганов.

Среди русских агентов в харбинской резидентуре был и бывший белый генерал по кличке «Иванов», служивший инструктором по артиллерии в штабе мукденских войск. Имел связи среди белоэмигрантов и китайцев. Проявил себя хитрым, но трусливым агентом. Особого усердия не проявлял и нуждался в постоянном нажиме. Был полезен как знаток артиллерии, стоявшей на вооружении армии Чжан Сюэяна.

Из китайских агентов в лучшую сторону отличался бывший подполковник, член партии Гоминьдана. В его характеристике говорилось: «Служил в Главном полицейском управлении. Имел связи исключительно среди военных. Был хорошо образован и развит. Мог объясниться по-русски. Честный и искренний гоминьдановец, преданный идеям Сунь Ятсена». Решительность сочеталась в нем с большой осторожностью.

17 апреля 1925 г. Китайская комиссия Политбюро ЦК РКП(б) приняла решение для руководства всей военной работой в Китае создать в Пекине «Центр в составе председателя – полномочного представителя СССР тов. Карахана, членов – военного руководителя тов. Геккера и руководителя военно-политической работой тов. Воронина».

В качестве военного руководителя выступал военный атташе, который должен был осуществлять руководство работой военных советников через соответствующих начальников групп. Возлагаемая на центр задача по руководству всей военной работой в Китае была чрезвычайно сложна из-за крайне запутанной внутривластной обстановки в стране, в которой продолжалась гражданская война, а наряду с центральным правительством в Пекине существовало национальное правительство в Кантоне, в Маньчжурии единовластным правителем являлся Чжан Цзолинь.

К этому следует добавить трудности в организации связи и наличие таких авторитарных фигур на Юге страны, как главные политический и военный советники при «национальном» (кантонском) правительстве М. М. Бородин и В. К. Блюхер соответственно, которые по определению не собирались подчиняться никакому центру.

Спустя месяц после принятия решения Китайской комиссией, 20 мая 1925 г., Фрунзе в письме к Карахану дал пояснения насчет штатной структуры создаваемого Центра: «Никакого штаба в Пекине создавать не будем: допустимо лишь некоторое увеличение его разведывательной части и числа переводчиков в группах». Председатель РВС СССР поставил задачу поднять «...на должную высоту информацию о событиях, действующих силах и создающемся положении, а также оценки этих сил и группировок». «Мы до сих пор, например, не знаем, что на самом деле происходит на Юге. Необходимо знать не только голые отрывочные факты, а обстановку с фактами», – отмечал М. В. Фрунзе. К этому времени состоялось решение о переводе Геккера на работу в Харбин. Не исключено, что именно распределения обязанностей

в созданном центре по руководству военной работой в Китае с председательством в лице полпреда Карахана явились тому причиной.

Противостояние полпреда и военного атташе (если таковое имело место) отрицательно сказывалось на организации информационной работы в целом и зависело во многом от масштаба фигур, занимавших эти должности. В своем докладе о ведении разведки в калганской группе военных советников летом – осенью 1925 г. начальник штаба группы Н. В. Корнеев (находился в распоряжении Разведупра Штаба РККА) отмечал:

«В смысле военного и военно-политического руководства в Пекине царит двоевластие. Полпред есть фактически высшая политическая инстанция. В нашем деле, где политика на каждом шагу, он естественный руководитель, что особенно подчеркивается личностью хана (Карахана. – *Авт*). Наряду с этим существует «военный атташе», который по укрепившейся у нас традиции (в Китае) не является «атташе» (буквально с французского языка «прикрепленный». – *Авт*), а поставлен в положение командующего, по меньшей мере, фронтом, что подчеркивается назначением на эту должность лиц с «именем». Военный атташе является для военных инстанцией [фигурой], стоящей рядом с послом, даже материально от него независимой. При таком положении дела сравнительное благополучие м. б. достигнуто лишь моральным подчинением одного другому. В данном случае (считаясь с характером хана) мы видим, что двоевластие не сказывается при безвольных атташе, но оно, несомненно, дает себя почувствовать при столкновении равных характеров». Военным атташе в описываемый период являлся Н. М. Воронин, который на своей должности продержался с мая по октябрь 1925 г.

«Отсутствием организационного единовластия, – продолжал начальник штаба калганской группы военных советников, – объясняется и огромная раздутость аппарата (достаточно подсчитать число информучреждений), ведущего параллельную работу, и не всегда удовлетворительно ведущего». А влестствие того, что военный атташе с его аппаратом занимался «... не только своим прямым делом, но и высокой политикой», получалось неудовлетворительное руководство группами и их администрирование. Сам же аппарат военного атташе, по словам Корнеева, имел «... весьма относительное представление о составе групп, их жизни, потребностях и средствах». И работа аппарата военного атташе, «...будучи лишена планомерности и какой-либо руководящей идеи, превращается в пустую канцелярщину».

Объявление о создании центра по руководству военной работой в Китае неизбежно должно было привести и привело к формированию специальной структуры, которая находилась бы «под рукой» и осуществляла координацию и руководство разведывательной деятельностью именно из Пекина. Имевшийся к тому времени разведывательный центр в Харбине, ограничивал свою деятельность Северо-Восточным, Северным и формально Центральным Китаем и был не в состоянии охватить весь Китай даже в силу своего географического положения.

Уже в августе 1925 г. Разведывательным управлением стал прорабатываться вопрос о переводе разведывательного центра в Пекин, с подчинением ему в «оперативном отношении Харбина и Кореи». Под оперативным подчинением подразумевалось «исполнение заданий тройки [в] лице Воронина» – в то время военного атташе в Пекине.

В Харбине работой должен был руководить Геккер при наличии помощника, которого нужно было отобрать на месте. В качестве такого помощника был определен Д. Ф. Попов¹¹⁹ (псевдоним «Горайский»), выпускник Восточного отдела Военной академии РККА 1924 г.¹²⁰

Необходимость в военных востоковедах заставила Реввоенсовет Республики в лице его председателя Л. Троцкого подписать приказ 20 января 1920 г. № 137, согласно которому при Академии Генерального штаба РККА с 1 февраля 1920 г. учреждалось Восточное отделение.

В положении о Восточном отделении отмечалась необходимость подготовки специалистов востоковедов для службы на восточных окраинах и в сопредельных странах Среднего, Ближнего и Дальнего Востока, в том числе и по военно-дипломатическому профилю.

На Восточном отделении изучались турецкий, персидский, хиндустани, английский, арабский, китайский, японский, корейский и монгольский языки. Кроме того, слушателям преподавались краткий курс мусульманского права, страноведение, военная география, история и практика дипломатических отношений, торговое право. Изучение этих дисциплин не освобождало слушателей от штудирования военных наук общего академического курса. Срок обучения устанавливался в два года.

В последующем Восточное отделение Академии Генерального штаба стало Восточным отделом этой же академии (с 1921 г. стала называться Военной академией РККА), затем Восточным, Специальным факультетом Военной академии им. М. В. Фрунзе. Главным руководителем Восточного отделения Военной академии РККА с 1921 г. состоял Снесарев

Андрей Евгеньевич¹²¹, (начальник академии в 1919–1921 гг.), имевший богатый опыт сбора разведывательной информации о странах и армиях Востока. Снесарев был выдающимся русским военным востоковедом, географом, этнографом, одним из основоположников и теоретиков школы русского военного востоковедения.

Попов и уже упоминаемый Сухоруков были далеко не единственными выпускниками Восточного отдела Военной академии РККА 1924 г., направленными на работу в Китай по линии Разведывательного управления (первый выпуск Восточного отдела состоялся в 1923 г. в количестве восьми человек). В разное время на крышевые должности НКВД были отправлены В. Я. Аболтин¹²² и П. Ю. Боровой¹²³. Среди военных советников в Китае оказались И. И. Зильберт¹²⁴, И. К. Мамаев¹²⁵ и Ф. Г. Мацейлик¹²⁶. А Карл Мартынович Римм¹²⁷ с начала 1932 г. являлся помощником Зорге в шанхайской нелегальной резидентуре. В выпускной характеристике Аболтина значилось: «Может быть использован на ответственной военной или политической работе на Востоке». На «политическую работу» – референт НКВД – был направлен выпускник Восточного отдела Военной академии РККА 1924 г. Г. М. Григорьев¹²⁸, уже с 1925 г. работавший по линии ИНО ОГПУ в Китае. В том же 1924 г. Восточный отдел Военной академии окончили и два сотрудника ОГПУ – Н. И. Эйтингон¹²⁹ и В. П. Алексеев¹³⁰, командированные в Китай по линии ИНО под прикрытием должностей Народного комиссариата иностранных дел за границей.

Именно выпускники Восточного отдела Военной академии РККА 1924 г. оказались под угрозой провала, еще не успев выехать за пределы страны. В феврале 1925 г. Берзин получил письмо от резидента Разведупра в Харбине следующего содержания: «Из Шанхая в свое время прибыл сюда иллюстрированный журнал «Огонек», где сфотографирован последний выпуск Военной академии и Восточного отдела. Прекрасный снимок. Особенно, как назло, хорошо вышли восточники. Тов. Муклевичу не мешало бы охладить пыл и страсть к фотографированию окончивших Восточный отдел. На опыте приходится убеждаться, что этим мы очень помогаем противнику расшифровывать приезжающих сюда на работу наших товарищей».

Речь шла о фотографии, помещенной в «Огоньке» (№ 34) за 17 августа 1924 г. под заголовком «Четвертый выпуск красных генштабистов». Под фотографией имелся еще и не совсем складный пояснительный текст: «Торжественный выпуск окончивших Военную академию Рабоче-крестьянской Красной армии. Это уже четвертый выпуск обучающихся в академии. Окончившие займут ответственные командные должности в Красной армии». Издававшийся с апреля 1923 г., журнал быстро завоевал популярность, его выписывали и читали в разных странах.

Берзин сразу же оценил, какую опасность таили в себе подобные публикации. 10 февраля 1925 г. он направил докладную И. С. Уншлихту, члену РВС, курировавшему деятельность советской военной разведки. Сообщая Уншлихту выписку из письма харбинского резидента, Берзин просил дать указание руководству Военной академии воздержаться впредь от помещения фотографий выпускников, особенно Восточного отдела, в открытых изданиях.

Уже 14 февраля комиссару Военной академии РККА Р. А. Муклевичу было направлено письмо, подписанное Уншлихтом, с запрещением помещать в газетах и журналах снимки выпускников Военной академии и в первую очередь Восточного отдела. Для сведения Муклевича сообщалось: «Часть слушателей Восточного отдела попадет на нелегальную и конспиративную работу в страны Востока, ввиду чего неизбежны случаи расшифровки неофициальных зарубежных работников». Непоправимый вред для оперативной работы представляла и изначальная «засветка» сотрудников военной разведки на «крышевых» должностях, облегчая деятельность специальных служб противника по выявлению агентуры советских разведчиков среди местных граждан и иностранцев в стране пребывания.

29 декабря 1925 г. в Харбин поступила телеграмма Берзина, адресованная Зейботу, Геккеру, Салныню. В телеграмме сообщалось, что в Китай направляются В. С. Рахманин¹³¹ и Анисимов. «Первый – хороший работник, партиец, второй – весьма опытный разведчик из белых». Берзин обещал еще «подбросить» людей, однако это во многом зависело от материальной помощи дороги. Показательно, что руководитель военной разведки помимо «Грандта» – Зейбота и Геккера, которому так и не дали псевдоним, обращался к «Гришке» – Кристапу Салныню¹³², работавшему «по активке» – организации партизанских отрядов, подготовке и организации диверсионных актов.

Вот как описывает деятельность Салныня в Китае Я. К. Берзин в своих показаниях на допросе от 4 марта 1938 г.: «В 1925/27 гг. Салнынь находился в командировке в Китае, куда был командирован для помощи в подготовке ККП (Китайская коммунистическая партия. – *Авт.*) партизанских и диверсионных кадров. Позже в 1928–1929 гг. работал на Дальнем Востоке и Северной Маньчжурии по созданию диверсионных групп. При Салныне, кажется в 1928 году, был провал Л. Я. Бурлакова с двумя чемоданами подрывных средств. Во время конфликта в 1929 году Салнынь работал в РО ОКДВА по организации диверсионных и партизанских отрядов».

Вместе с Салнынем «по активке» работал Иван Цолович Винаров («Ванко»)¹³³. В своей автобиографии он оставил следующее свидетельство о пребывании в Китае в эти годы: «В январе 1926 г. я был вновь командирован в Китай, где проработал на спецработе три года. Большую часть времени в Северном Китае – в Харбине. Главная работа была сосредоточена на подготовке к конфликту как с китайцами, так и с японцами. Она заключалась в подготовке боевых групп и устройстве тайников, где мы хранили оружие и взрывматериалы. Во время конфликта на КВЖД все это было использовано, т. е. люди, оружие и взрывматериалы. Вели также большую работу по использованию китайских партизан «хунхузов» (буквально «рыжебородые». – *Авт.*) против реакционно настроенных китайских генералов». Далекое не все воспринимали хунхузов как партизан, а относились к ним в отличие от Винарова как к заурядным разбойникам и бандитам.

В 1926 г. Винаров, равно как и Салнынь, некоторое время был прикреплен в качестве советника по разведке и организации диверсионных актов к 1-й национальной армии, первым командующим которой был Фэн Юйсян.

Однако основной задачей, которая возлагалась на него с Салнынем, были поставки и продажа оружия. В первую очередь – воевавшим друг с другом генералам и уже упоминавшимся хунхузам.

Оружие, которое продавали Салнынь и Винаров, чаще всего было трофейное (английское, французское, чехословацкое), доставшееся от взятых в плен солдат армий Колчака и от изгнанных войск интервентов. «Оно было не новое, но вполне сохранившееся, смазанное и с запасом боеприпасов к нему. Гриша лично подбирал его на военных складах в Хабаровске и Владивостоке», – писал в своих воспоминаниях Иван Винаров.

«Мирные» грузы для Китая закупались и в Берлине, Вене, Праге и Белграде. Но поступали в Китай они всегда после переупаковки в Хабаровске или Владивостоке.

С целью приобретения оружия для последующей продажи Салнынь и Винаров время от времени ездили в Европу, чтобы на месте оформить очередной заказ или же продать там экзотические китайские товары: фарфоровые вазы, статуэтки и сервизы, изделия из лака и слоновой кости, искусную китайскую резьбу по дереву, гобелены, изящные бамбуковые зонтики, веера, всевозможные изделия народных умельцев. Все эти операции осуществлялись под прикрытием торговой фирмы. Связной группы была жена Винарова Г. П. Лебедева, которая работала шифровальщицей в советских представительствах в Пекине и Харбине.

Существовавшая конкуренция на рынке оружия в Китае, о чем уже упоминалось, преследование данного вида деятельности китайскими властями делали эти деликатные операции весьма опасными. Подтверждением тому является предостережение, направленное Центром «Гришке» в Харбин в июле 1925 г. В частности, обращалось внимание Салныня, что товар «известной» марки провален, в этой связи следовало немедленно прекратить его реализацию, чтобы избежать мирового скандала.

17 сентября 1925 г. на станции Пограничная (на китайской стороне) был арестован с поличным (с двумя чемоданами подрывных средств) «Аркадий» – Л. Я. Бурлаков¹³⁴, имевший задание взорвать Мукденский военный арсенал. Этот случай, о котором упоминал в своих показаниях Я. К. Берзин, заслуживает дополнительных комментариев, так как, ко всему прочему, косвенно характеризует и диверсионную деятельность самого Салныня, и повествует о людях, которые ею занимались.

Первоначально предполагалось, что взрывчатка и «подрывные машинки» будут переброшены только до советской станции Гродеково, до дальнейшей проработки вопроса. Однако из Пекина поступила директива «ускорить дело». Именно поэтому пришлось отбросить многие конспиративные детали, необходимые для нелегального провоза взрывчатки, и пойти «на авось», что и привело к полному провалу операции.

19 сентября 1925 г. Берзин в связи с полученной телеграммой об аресте Бурлакова предписывал «Рябинину» (Рыбакову) принять вместе с «Гришкой» (К. Салнынем) все меры для ликвидации последствий, «не стесняясь средствами». 11 ноября 1925 г. на имя Берзина из Харбина была отправлена телеграмма, сообщавшая, что дело «Аркашки» (Л. Я. Бурлакова) передано Мукденскому окружному суду и что по всем линиям приняты меры, чтобы установить связь и освободить «Аркашку».

При допросах Бурлаков подвергался страшным пыткам, но ни в чем не признался. Более того, желая «замести» следы и не позволить раскрыть свою причастность к советским спецорганам, Бурлаков выдавал себя за члена белобандитской организации, которая на территории СССР в районе Забайкалья планировала подрыв полотна железной дороги. Он утверждал, что взрывчатка предназначалась именно для этой цели и перевозилась через Китай по КВЖД транзитом.

По суду Бурлаков получил восемь с половиной лет каторги при мукденской тюрьме. Чтобы довести свою версию о принадлежности к белым до логического конца, в 1928 г. он подал через китайские власти в адрес генконсульства СССР в Мукдене просьбу на имя ВЦИК о помиловании и принятии в подданство СССР.

Уже после освобождения Бурлаков подготовил доклад об обстоятельствах дела, в котором достаточно подробно остановился на своем пребывании в тюрьме. Это небезынтересно с познавательной точки зрения: здесь и психология китайских полицейских и зрителей тюрем, и подробности тюремного быта (а через тюрьмы проходили и китайская агентура, и советские граждане – сотрудники IV управления и Коминтерна, а также служащие КВЖД); здесь, наконец, описание мытарств самого героя.

До этапирования в Мукден Бурлаков провел две недели в харбинской тюрьме, где получил «с воли» заделанную в пуговицу «цидульку», сослужившую ему большую службу, так как позволила ему выработать линию поведения на допросах. Поэтому ему удалось уточнить свои первоначальные показания, «назвавшись мстящим большевикам за убийство отца».

Из Харбина Бурлаков был переведен в мукденскую каторжную тюрьму. Говоря о пенитенциарной системе Китая, Бурлаков дает ценные советы и рекомендации соратникам. Прежде всего, «идя на рискованное дело», каждый товарищ должен был иметь лишнюю сотню в кармане. Деньги – это был в Китае такой документ, с которым можно было обойти много препятствий, только не нужно было бояться давать взятки. Будь то простой полицейский или начальник полиции – разница заключалась лишь в том, что от первого можно было отделаться десяткой, а от второго – сотней. Допросы китайцы вели бессистемно и руководствовались чаще всего только фактами и вещественными доказательствами, обнаруженными в ходе ареста, и если арестованный аргументированно мог объяснить происхождение найденных при нем предметов или вещей, привлекая свидетелей, то это могло оказать положительное воздействие. Отсюда не следовало пренебрегать никакими знакомствами, которые могли пригодиться, а лучше всего было обзаводиться солидными знакомствами. Необходимо было вести себя на допросах тихо, так как китайцы любили смиренных, не нужно было противоречить в мелочах, зато нужно было быть настойчивым в фактах. Китайцы мстительны, но достаточно было похвалить их, и месть могла перейти в доброжелательство. Попытки при допросах китайцы применяли по букве закона, а не по необходимости, и избежать пытки можно было только подкупом или расположением к себе.

В мукденской тюрьме Бурлаков просидел четыре года и шесть месяцев. Около года его продержали в одиночке, а последовавшие за этим восемь месяцев – в кандалах.

Кормили в тюрьме скверно. Русские получали по 1,5 фунта хлеба, 6–8 золотников мяса (золотник – 1/96 фунта, в современном исчислении 4,26 г. – *Авт.*) и несколько картофелин. Причем мясо выдавалось сырым, и готовили его или сами, или чаще всего сокамерники-китайцы.

Благодаря систематической помощи, поступавшей извне до советско-китайского конфликта на КВЖД в 1929 г., в отношении питания «жили сносно».

В китайской тюрьме, располагая деньгами, можно было выжить. Но если не было денег и связей на воле – это означало верную смерть, так как на тюремный паек в условиях антисанитарии прожить было невозможно.

Из двух тысяч китайских заключенных в мукденской тюрьме ежедневно умирали от трех до пяти человек. Медицинской помощи почти не оказывалось, если не принимать в расчет китайского «доктора», который лечил «пилюлями на простой глине».

Никакой дисциплины в тюрьме не было. Все порядки строились на купле и продаже. Начальник и администрация тюрьмы являлись монополистами «внешней» торговли, а старшины камер и коридоров – арестанты-долгосрочники – выступали монополистами «внутренней» торговли. Продавалось и покупалось все. Старшие корпусов торговали кандалами, камерами и т. д.

В тюрьме Бурлаков, чтобы выжить, прежде всего детально изучил часовой механизм. Ремонт часов был вызван не только любопытством, но и практической необходимостью, так как часовое мастерство поставило Бурлакова в привилегированное положение, т. е. заменило деньги, за которые в тюрьме покупался статус.

Материальная помощь с воли была вполне достаточна, но моральная или отсутствовала вообще, или принимала формы недопустимого бюрократизма и бесчеловечности (передачи поступали через сотрудников генконсульства СССР в Мукдене).

Наметок к побегам было много – вырабатывали различные варианты, но, когда дело доходило до практического применения, все планы коверкались, и от них «оставались рожки да ножки».

Один из вариантов был таков. С внешней стороны тюрьмы через стену должна была быть переброшена веревка. Бурлаков с товарищами, со своей стороны, должны были подготовить выход из камеры во двор, выбив косяк окна. Эта часть работы была проведена блестяще. Каково же было их удивление, когда за два дня до побега «с воли» была передана веревка с кошкой и сообщением, что и стену следовало преодолевать самим. К побегу готовились трое русских заключенных. Однако один из них отказался, поэтому двое оставшихся попросили у организаторов побега неделю отсрочки, «так как уход из камеры двоих, оставляя третьего, был бы нетоварищеским поступком». Не говоря о том, что оставшийся понес бы наказание за побег сокамерников. Организаторы побега на это не пошли, и снова начали разрабатываться новые планы...

Посещения в тюрьме на Бурлакова не распространялись, так как он, согласуясь со своими показаниями, старался держать себя как белогвардеец. И ему это удалось, потому что сидевшие здесь белые эмигранты относились к нему с доверием. За четыре года через тюрьму прошло немало русских, среди них было и несколько совграждан: Апрельев, служащий Даль-банка, «...Батраков, пекинский работник разведки, хороший парень, но невоздержанный». Попал в тюрьму, по словам Бурлакова, и некий Черемник, «эмигрант-поручик, агент Батракова, большая дрянь». Тюрьма не сломала советского разведчика.

Бурлаков вышел на свободу 14 апреля 1930 г. в обмен на пять китайских офицеров, взятых в плен во время вооруженного конфликта на КВЖД.

В первой половине 1926 г. в Харбине появился И. Г. Чусов¹³⁵, окончивший, как и В. Т. Сухоруков, Восточное отделение Военной академии РККА в 1924 г. Он прибыл не из Москвы, а из Читы, где работал начальником разведотдела Сибирского военного округа. Пристроен он был примерно так же, как и его сокурсник.

С 1 марта по 1 сентября 1926 г. в поездке по Маньчжурии находился выдающийся русский, советский востоковед Д. М. Позднеев¹³⁶, автор трехтомного труда «Материалы по истории Северной Японии и ее отношений к материкам Азии и России». С 1923 г. Позднеев преподавал в Военной академии РККА; видимо, это и способствовало тому, что он был направлен в командировку по линии Разведупра якобы с целью сбора материалов для издания книги по Маньчжурии.

14 июля 1926 г. он направил доклад помощнику начальника Разведывательного управления Штаба РККА А. М. Никонову, в котором были сделаны в том числе следующие очень важные и серьезные выводы: «Япония, несомненно, готовится к войне и готовит свой маньчжурский тыл к этому событию»; «Война эта, вероятнее всего, будет с СССР»; «Как показывают сроки программ военной подготовки Японии, она задается целью окончить последнюю к 1930 г., после чего можно ожидать начала военных действий».

Д. М. Позднеев обращал внимание руководства разведки на развернутую японцами в Маньчжурии работу по изучению СССР, что еще раз подтверждало его выводы об агрессивных планах Японии. В частности, в составе правления ЮжноМаньчжурской железной дороги имелся исследовательский отдел с русским отделением, в который привлекались все японцы, знавшие более или менее русский язык. От служащих и переводчиков русского отделения Позднееву удалось выяснить, что «...задумана огромная спешная работа по изучению экономического положения СССР в 180 томах, спланированная профессорами-экономистами в Токио».

Пребывание Позднеева в Харбине позволило ему констатировать следующее: «Подкупы и взяточничество царствуют повсюду: в полиции, в суде, в школах и в администрации». В этом отношении новый республиканский режим ничего нового Маньчжурии не дал.

Второе впечатление востоковеда сводилось к тому, что следовало «...забыть о прежнем Китае и китайцах, которые были простаками, наивными полудикарями, с которыми можно было делать дела попросту». Китайцы, с которыми столкнулся Позднеев, переродились, усвоили от японцев систему сыска, слежки, подозрительности и довели ее до такой же степени совершенства, что и их учителя. И это нужно было разъяснять всем едущим на работу в Китай. Если раньше, отмечал Позднеев, можно было разговаривать с китайцами обо всем, оставлять в номере гостиницы бумаги, письма в полной уверенности, что в них никто не заглянет, то теперь это кануло в прошлое. За каждым европейцем велась такая же слежка, как и в Японии.

Позиции Японии в Маньчжурии очень сильны, подчеркивал ученый-востоковед. «Она захватила в свои руки всю администрацию, все важнейшие учреждения и общественные, и частные. Мукден, конечно, весь в руках японцев: об этом речь будет после его осмотра, но и Чжан Цзолинь, и начальник штаба Ян Юйтин, мозг Чжан Цзолиня, люди японского образования. Главным финансовым деятелем Мукдена является Юй Чуньхань, богач, работающих во всех японских предприятиях. Это отражается и на Севере. Чжан Хуансян также японского образования. Новый гиринский губернатор тоже... Словом, куда бы мы ни посмотрели, мы повсюду видим японцев, японцев и японцев, и всюду их рука, и их работа».

Отметил Позднеев и «чрезвычайную ненависть и презрение китайцев к японцам». «Озлобление на японцев за их захватничество, и презрение к китайцам среди последних чрезвычайное, и многие утверждают, что если бы Китай был в силе, то он, прежде всего, расправился бы с японцами, а потом принялся бы и за иностранцев-европейцев». Японцы же, слишком уверенные в своей силе, относились к этому пренебрежительно и, по-видимому, вовсе не учитывали подобных китайских настроений.

Передал Позднеев и подробности одного разговора, который, по его мнению, был случайным, но, несомненно, заслуживавшим внимания для учета настроения японцев. Поведал же Позднееву о разговоре с «правоверным патриотом-японцем», находившимся в сильном опьянении, его знакомый, который служил у японцев на лесопромышленной фирме:

– Ты не думай, Япония еще удивит весь мир! Знаешь ли ты, что такое ронин?

– Знаю, так назывались самураи, которые во избежание ответственности клана при круговой поруке выходили официально из клана для выполнения акта личной мести или других целей.

– Ну, да, так было в старину, а теперь называемся ронинами мы, которых вульгарно называют «гороцуки» – хулиганы. А знаешь ли, что мы делаем? Мы на вербовали уже 20 000 хунхузов и их вооружили, и если мы станем воевать, то у нас есть готовая армия из китайцев. Такие же ронины работают и в Канаде, и в Австралии, и в Америке, и в Индии. И вот, если загорится где война, то мы покажем всему миру, что мы такое! Мы на вербовали во всех странах недовольных, хулиганов, разбойников и преступников, и если будет нужно, то перекинем через Канаду в Соединенные Штаты своих 20 000 китайских хунхузов, и они покажут проклятым янки, как они умеют жечь, истреблять все и всех без исключения. А смерти мы не боимся.

Ученый не мог однозначно сказать, что в этом разговоре было правдой, а что – ложью и хвастовством. Однако со всех сторон до него доходили слухи о связях японцев с хунхузами в Маньчжурии.

Но все началось значительно раньше. Еще в 1920 г. Ан Ненхак, известный левацкими взглядами в китайской революционной среде, представил II конгрессу Коминтерна доклад, в котором хунхузы, эмигранты и батраки рассматривались как три наиболее «активно революционные силы» Китая. Он утверждал, что их «...организация, возникшая в Китае уже 1000 лет назад, оклеветанная и представленная капиталистами просто как разбойничья, представляет на самом деле политическую партию, тождественную по своей программе партии русских коммунистов». К хунхузской теме вернулись летом 1921 г., когда в Москву на III конгресс Коминтерна прибыла делегация только что созданной Коммунистической партии Китая. «Конечно,

приятнее иметь отряды, нами организованные, – говорил китайский коммунист Чжан Тайлэй, – но, не имея возможности сделать это сейчас, нам приходится обратить внимание на хунхузские шайки – пусть еще сырой, но боевой революционный материал». И, наконец, в августе того же года из Шанхая прибыл некто Киселев, который привез с собой обращение группы хунхузов к советскому правительству. Они предлагали большевикам сотрудничество, с тем чтобы совместными усилиями занять Маньчжурию и создать там базу социальной революции на Востоке. Киселев утверждал, что предложение это заслуживает внимания.

Чичерин решил запросить дополнительную информацию и распорядился обратиться к специалистам – уже упоминаемым М. Г. Попову и А. А. Иванову. Бывший полковник Попов имел отношение к этому «боевому революционному материалу» еще в 1904 г., когда был откомандирован в экспедицию против хунхузов. Мнение Попова о возможностях сотрудничества с подобным контингентом было резко отрицательным. Подобное отношение к «бессознательным коммунистам», видимо, разделил и пекинский профессор Иванов. И на хунхузах был поставлен крест.

В 1926 г. в Китай вновь готовились отправить «Рустам-Бека» – Тагеева, под псевдонимом «Туманов». Его предполагалось использовать так же, как и Позднеева. Лонгве он был охарактеризован как «наш старый сотрудник, работавший долгое время на Дальнем Востоке», по профессии – литератор, человек толковый и предприимчивый.

В Москве считали, что «Рустам-Бек» предложил свои услуги главным образом потому, что хотел собрать материал для очередной своей книги. Однако в Москве не сомневались, что он будет полезен, и рекомендовали использовать его следующим образом: послать на Юг к В. К. Блюхеру, который знал «Рустам-Бека» в качестве военного корреспондента.

Предлагалось дать возможность посланцу Центра проехать в отдельные провинции на фронт, в войсковые части НРА, с тем чтобы при помощи военных советников собрать и зафиксировать все то, до чего у «наших людей» на местах за недостатком времени не «доходят руки».

Процесс передачи функций центральной резидентуры из Харбина в Пекин затянулся на несколько месяцев. По предложению Берзина, руководителем центральной пекинской резидентуры назначался «Рябинин» – Рыбаков. Вопрос кадровых перемещений был предварительно согласован с Л. М. Караханом. Штат центральной резидентуры предусматривался небольшой: руководитель, его помощник, два сотрудника для особых поручений, два переводчика и две машинистки, одна из которых должна была выполнять функции шифровальщицы. Центральная резидентура под прикрытием посольства в Пекине, которую возглавил прибывший из Харбина Рыбаков, заработала только в ноябре 1926 г.

Направление и объем работы центральной резидентуры, по оценке Рыбакова, обуславливались двумя моментами: не исключалась вероятность возникновения войны СССР с Японией и Китаем; дальнейшее развитие национально-революционного движения в самом Китае, что должно было способствовать ослаблению позиций империализма Европы и Нового света в блокаде СССР.

Первый момент, по мнению руководителя центральной пекинской резидентуры, предполагал необходимость чрезвычайно тщательного изучения Северного Китая и Кореи как будущих плацдармов войны с их всевозможными ресурсами и организованной вооруженной силой в ее отношении к национально-революционному движению.

Второй момент предполагал такое же изучение остального Китая как источника всяких резервов в борьбе против империалистов – «...туземных и иностранных, а значит, и возможных союзников СССР в его борьбе против агрессии Японии, Англии, Америки и др.».

Конкретная обстановка в Китае, по мнению Рыбакова, выдвигала в то время две главные милитаристские группировки – мукденскую (Чжан Цзолинь) и чжилийскую (У Пэйфу) и их противостояние с национальными армиями, Кантоном с учетом позиций иностранных держав

«...на фоне развивающегося национального движения, организующихся рабочих, крестьян и интеллигенции».

Организация военной разведки как в столице Китая, так и на местах строилась в подавляющем большинстве случаев на голом месте.

К моменту развертывания центральной резидентуры в Пекине, в ноябре 1925 г., она имела всего одного агента-китайца. Работая в течение 12–15 лет при военных агентах «царского времени» в качестве «сянь-шэна» (толкователя китайских текстов), агент прекрасно освоил искусство вытягивания денег из своих начальников. Умело используя прессу и связи в низших военных кругах, питавшихся «базарными» новостями, он иногда давал довольно удовлетворительные сведения. Попытка использовать его в качестве вербовщика не принесла положительных результатов: агент уклонялся от этой миссии в силу присущей ему трусости и чрезвычайной осторожности. Руководили им и другие соображения: в лице нового завербованного агента он имел бы конкурента. А он хотел зарабатывать деньги сам. То, что этот источник в течение многих лет был тесно связан с русскими военными агентами и за это время не провалился, свидетельствовало о его чрезвычайной осторожности либо о связях с китайской контрразведкой. За невыполнение ряда заданий этот агент был первоначально переведен на сдельную оплату, а позднее уволен.

Установление советско-китайских дипломатических отношений привело к открытию большого количества консульств и генконсульств НКВД и торгпредств СССР, под «крышей» которых были созданы (или реорганизованы, как в Харбине, или продолжали существовать как в Кантоне) резидентуры военной разведки: в Харбине, Цицикаре, Дайрене, Мукдене, Сеуле (Корея), Чифу, Шанхае, Ханькоу, Чанше, Кантоне и Калгане.

Считалось, что в первое время целесообразнее и экономнее использовать официальные крыши полпредств, торгпредств и т. д., так как необходимо было учитывать трудности, с которыми прибывшие русские неизбежно сталкивались при установлении связей среди китайцев. При этом почти у всех наших сотрудников разведки отсутствовало официальное положение, а там, где оно имелось, его не давали использовать.

Исключительное ориентирование на «крышевые» должности НКВД, которые на деле в большинстве своем оказывались виртуальными, таило в себе большую опасность для организации разведки. Но об этом никто не задумывался, хотя организаторы разведки в Центре и на местах, включая того же Рябинина, отмечали, что японцы в Маньчжурии работали под прикрытием какой-нибудь коммерческой фирмы или ресторана, а немцы практиковали нечто подобное и в Центральном Китае.

В одном ряду с официальными представительствами СССР в Китае находились разнообразные коммерческие структуры КВЖД, под прикрытием которых работали военные разведчики.

Было признано также, что для разведывательной работы «...необходима крыша инструктора в тех или иных китайских армиях, причем это допустимо, только тогда, когда доверие к нашим инструкторам обеспечено, когда инструктора проникли уже в штабы и имеют строго официальное «лицо», как, например, в Кантоне». Во всяком случае, при такой «крыше», считали в центральной пекинской резидентуре, надо «...иметь в запасе всегда более надежную и более безопасную возможность организации агентуры, сбора материалов, их хранения и пересылки, куда следует». Резиденты Разведупра должны были получать от инструкторов в китайских штабах информационные материалы «согласно плановой программе». Должны были.

К весне 1926 г. резидентуры Разведупра в Китае (не считая резидентур в Синьцзяне, переданных в подчинение разведотдела штаба Туркестанского ВО) насчитывали 39 сотрудников военной разведки (в том числе 12 резидентов) и 40 агентов. На бумаге общее количество резидентов, сотрудников военной разведки и агентов выглядело достаточно впечатляющим. 12

резидентов – это 12 резидентур в 11 городах Китая и в Сеуле (Корея). Да и количество агентов следовало бы указывать в кавычках.

На самом же деле спустя полгода, в октябре 1926 г., в Китае функционировало только семь резидентур: в Пекине, Тяньцзине, Мукдене, Дайрене, Ханькоу, Шанхае и Харбине. Начиная функционировать резидентура в Калгане. Сеульская же в ноябре 1926 г. перешла «...в распоряжение Токио с обязанностью выполнять отдельные срочные задания Харбина и пересылать ему важнейшие информационные материалы».

Вновь созданные резидентуры только приступали к организации работы. Их сотрудники на местах не имели ни практического опыта, ни вербовщиков, ни проверенных и хороших переводчиков, ни «... вполне испытанных и подготовленных агентов». Да и сами резиденты (часть – выпускники Восточного отдела Военной академии РККА) сплошь и рядом только начинали работать по линии разведки, и ожидать от них впечатляющих успехов не приходилось.

Пекинский резидент Рыбаков предлагал подразделять агентов на внешних и внутренних. На внешних – агентов-наблюдателей – должна была возлагаться задача отслеживания состава, численности, вооружения и отчасти организации войсковых частей; районов и времени их сосредоточения; установление результатов боев и т. д. Однако одних внешних агентов было недостаточно. Их должны были дополнять внутренние – действующие прежде всего в штабах и управлениях, министерствах и других военных и государственных учреждениях, войсковых частях, органах снабжения, арсеналах, телеграфах и т. д. Именно внутренняя агентура могла вскрывать намерения и планы противника, отслеживать перегруппировку высшего комсостава, их ориентацию, настроение и т. д.

Ничего нового в данной квалификации не было – разведка в годы гражданской войны с обеих воевавших сторон строилась на внешних и внутренних агентах. К этим агентам следовало добавить агентов-вербовщиков, в качестве которых могли выступать и внутренние, и внешние агенты, а также следовало принять во внимание агентов-почталыонов. Однако подлинные внутренние агенты были большой редкостью, и работа строилась в основном на внешних агентах.

В конце 1925 г. – начале 1926 г. на всю работу Разведуправления в Китае расходовалось 12–13 тыс. американских долларов ежемесячно, из них 4000 – на содержание агентуры, 1500 – на организационные расходы и 1500 – на отправку телеграмм. Причем много денег уходило на командировки по Китаю, что диктовалось требованиями централизации руководства.

Наиболее надежным элементом в разведывательной работе были признаны «партийные агенты», идущие на сотрудничество с разведкой с полным сознанием полезности и ответственности этой работы. К сожалению, эти агенты не всегда порывали связь со своими партийными организациями, поэтому их деятельность подвергалась двойной опасности: быть расконспирированной и по партийной линии, и по разведывательной. Среди партийных агентов было трудно найти военных, хотя не исключалась возможность, что связи их могли проникнуть в недра самой армии.

Ввиду чрезвычайной трудности создания в Китае агентуры пекинский резидент считал, что в его распоряжение должны были быть заранее выделены из китайской компартии и левого Гоминьдана «... до 30 испытанных, надежных и опытных товарищей, согласившихся добровольно работать по разведке».

30 человек никто Рыбакову не выделил, но пять партийных студентов комитет китайской компартии по «нашей просьбе» все-таки направил в его распоряжение. Рыбаков предполагал использовать партийных студентов в качестве агентов-резидентов в крупных населенных пунктах.

Выделенная пятерка представляла «сырье» в полном смысле этого слова. Поэтому прежде чем поручить им конкретное задание, для них были организованы 2-недельные разве-

дывательные курсы. На этих курсах пятерка познакомилась с общими принципами организации и управления китайской армией, им была также прочитана самим Рыбаковым лекция о методах ведения внешней и внутренней разведки, о вербовке агентов, конспирации, связи и тайнописи; о том, как составлять донесения. Четверо из пятерки были отправлены по месту жительства в провинции Хунань и Хубэй для «трудоустройства» в войсковые штабы с учетом имевшихся связей через родственников и друзей. В перспективе партийные агенты должны были стать агентами-резидентами в крупных населенных пунктах. Пятый был оставлен для связи в Пекине. Следует оговориться, что этот проект, рассчитанный на длительный срок, не дал ожидаемых результатов.

По состоянию на март 1926 г. агентурная сеть в лучшем случае давала приблизительное отражение действительности, плелась сплошь и рядом в хвосте событий, едва опережая прессу. А иногда – и это вынужден был признать пекинский резидент – пресса давала больше и лучше сведений, чем агентурная сеть. В части же предупреждения событий, информации о планах и намерениях сторон, перспективах на будущее сеть давала «микроскопически мало».

В этой связи Рыбаков был вынужден признать, что в случае военных конфликтов с СССР, в настоящее время или в ближайшем будущем, разведка оказалась бы «в положении слепого, ощупью пробирающегося по неизвестной ему дороге», и оставалось бы только «гадать и гадать».

Поэтому основная задача, с которой сталкивался каждый резидент, приступая к своей работе, – это выявление объектов, куда следовало насаждать агентуру. И здесь резиденты сталкивались с неразрешимой, казалось бы, проблемой – быстро менявшаяся обстановка в Китае приводила к тому, что завербованные агенты через несколько месяцев теряли свои агентурные возможности. Более того, как выяснилось, центральные органы власти отнюдь не всегда являлись источниками требуемой разведывательной информации.

Отдельной проблемой деятельности резидентов на местах под прикрытием должностей посольства и консульств являлись взаимоотношения с резидентами ИНО ОГПУ. Эти отношения строились в первую очередь на основе обмена имевшейся информацией. От резидентов ИНО стремились получать все материалы, освещающие военные вопросы, ориентированные на «нашу плановую программу. «До сего времени, – отмечал Рыбаков, – на местах эти материалы не передаются или же передаются частично в виде личного одолжения». «Подобный параллелизм, – подчеркивал он, – вредно отражается на работе и в смысле полноты проработки, выяснения точности информации, ее расширения, систематизации и, в зависимости от этого, случайности вербовки агентуры, распухания сети в ущерб ее производительности».

1.6. «Узнать тысячу способов легко, добиться одного результата трудно»

«Узнать тысячу способов легко, добиться одного результата трудно».

(Китайская пословица)

В процессе вербовочной работы приходилось не раз убеждаться в том, что «китайские рычаги» находятся не у лидеров той или иной милитаристической группировки, а где-то в другом месте, так как почти всегда все лидеры поступают не так, как бы им хотелось.

Причина растерянности резидентов объяснялась еще и тем, что у большинства из них это был первый опыт агентурной работы, усугубленный полным непониманием китайской специфики – на это нужно было время, а его-то отпущено не было.

Прежде всего необходимо было уяснить, что основные действующие лица китайской смуты окончательно не уходили с политической арены, а возрождались из политического пепла, как птица Феникс, в составе новых коалиций. К числу таких персонажей относились У Пэйфу, Сунь Чуаньфан, Чжан Цзосян, Чжан Чжицзян и многие другие военно-политические лидеры более мелкого масштаба. Исключение составил один Чжан Цзолинь, ликвидированный японцами за свою строптивость. Дамоклов меч измены и раскола висел над каждой милитаристской группировкой.

Кроме того, требовалось понимание самой природы китайского генералитета, китайского милитаризма, без чего решение разведывательных задач, организация агентурной работы были обречены на неудачу. Продвижение по службе часто происходило благодаря родственным связям. Так, брат Цао Куня – Цао Ин получил пост командующего 26-й дивизией, хотя был известен своей некомпетентностью в военном деле. Многие командиры, имевшие военные заслуги и соответствующие амбиции, стремились получить подобные посты, так как они давали возможность приобрести и свою территорию контроля.

Неудовлетворенные амбиции могли в конечном счете сыграть роковую роль. В подобные моменты большое значение имели неписанные законы клана. У Пэйфу никогда не выступал против своего вышестоящего командира и старейшины группировки Цао Куня, хотя в их отношениях возникали трения. Но для некоторых командиров законы клана не являлись обязательными, так как они были включены в его состав по случаю или недавно примкнули к милитаристской клике, как это произошла с Фэн Юйсяном и Сунь Чуаньфаном. Они стремились приобрести и расширить свою территорию контроля, и это являлось для них стимулом участия в военных действиях.

Изучать китайскую армию по западноевропейскому образцу было бессмысленно. В Китае не существовало китайской армии, а имелись лишь армии отдельных генералов, возглавлявших или входивших в ту или иную милитаристскую группировку.

Каждый из этих генералов строил свою армию по своему разумению. В Китае всякий генерал, начиная от командира отдельной бригады и выше, сам устанавливал для своих частей штаты и организовывал их так, как ему больше нравилось. Однако каждый из генералов имел типовые штаты для всех частей, входивших в его подчинение. Эти штаты достать было очень легко, но из них можно было узнать лишь одно: на какое количество людей и лошадей отпускались средства командирам частей, плюс к тому какова должна была быть та или иная армия. Несмотря на это, харбинская резидентура продолжала платить деньги за доставку ей войсковых штатов из штаба «главноначальствующего», из которых нельзя было установить ни численность частей, ни их дислокацию, так как в штатах указывались теоретические цифры и данные, а не те, которые были на самом деле.

В целом же численность китайских частей определялась не количеством людского ресурса, а количеством оружия у того или иного генерала.

Вооружение каждый китайский генерал старался приобретать по максимуму, так как от этого напрямую зависели его сила и статус. Часть оружия китайские генералы получали от своего «патрона» – главы милитаристской клики или поддерживавшей его империалистической державы. А остальное генералы вынуждены были приобретать сами.

Этот факт учитывался как сотрудниками Разведупра, занимавшимися активной разведкой, так и всякого рода аферистами, которые закупали оружие (часто негодное) во всех странах и экспортировали его в Китай. Помимо этих спекулянтов в Китае почти от всех европейских фирм имелись полуофициальные и официальные представители, снабжавшие оружием не только китайских генералов, но и любого, кто мог заплатить. В 1926 г. представитель итальянской фирмы настойчиво навязывал нашему военному атташе купить у него оружие для народно-революционных армий, клянясь всеми святыми, что он преследует исключительно коммерческую цель.

Получение оружия из арсеналов, не говоря уже о его закупке, производилось китайскими генералами крайне конспиративно. Агент из арсенала мог давать точные цифры оружия, отпускаемого для частей того или иного генерала, но это отнюдь не означало, что все оно попадет в конкретную часть. В большинстве случаев оружие (по крайней мере его часть) оказывалось на складе генерала, где должно было храниться в ожидании своего часа.

Для определенного количества покупаемого генералами оружия легко можно было завербовать комиссионеров крупных поставщиков оружия, которыми в подавляющем большинстве были русские белогвардейцы. Имея агента у крупного поставщика, всегда можно было отслеживать количество оружия, купленного у кого-нибудь из мелких спекулянтов, так как все они были тесно связаны.

Внутренние агенты в частях китайской армии из солдат и младшего командного состава были бесполезны. Там даже комсостав среднего звена чаще всего был абсолютно не осведомлен об общем положении части, а знал лишь то, что непосредственно находилось в его ведении.

Китайские генералы являлись не только вполне самостоятельными командирами при организации своих частей, но они были и полными господами своих подчиненных, бесконтрольно и без какой-либо ответственности распоряжавшимися жизнью и смертью своих солдат не только во время войны, но и в мирное время. Китайская история измен генералов своим «патронам» еще не знала примера, когда бы генерал перешел на сторону противника без своих войск. При этом генерал никогда не задумывался о том, пойдут ли за ним его подчиненные при переходе на сторону противника или нет. С другой стороны, китайские солдаты никогда не задумывались над тем, почему вчера их врагами были одни, а завтра другие и почему их ведут в бой против тех, кто вчера дрался с ними рядом.

В ходе боевых действий национальных армий против войск Чжан Цзолина и У Пэйфу в 1926 г. командир 9-й дивизии из группировки Фэн Юйсяна за одну неделю трижды (!) переходил от одной противоборствовавшей стороны к другой, непрерывно ведя бой то с противником, то со вчерашним союзником. При этом части его дивизии каждый раз дрались с одинаковым ожесточением.

Из всего этого следовало, что солдаты китайских частей и их настроение еще не оказывали никакого влияния на принятие решений генералами. Такое положение должно было продолжаться до тех пор, пока Гоминьдану или китайской компартии не удалось бы наладить в воинских частях политической работы, организовать своих ячеек, которые завоевали бы влияние и симпатии солдатских масс.

Эта работа могла быть рассчитана на успех только в далекой перспективе. Доказательством этому служила школа Вампу (и не только), где советскими инструкторами была проведена, казалось бы, большая политическая работа, и представлялось, что это позволит проти-

востоять генеральскому произволу, а на деле оказалось, что и курсанты, и выпускники школы Вампу в подавляющем большинстве случаев опять же следовали за генералами. Это были младшие офицеры. А что было говорить о солдатах? Конечно, речь шла об общей массе, а не об отдельных случаях: незначительная часть воспитанников Вампу все же присоединилась к частям Хэ Луна¹³⁷ и Е Тина, выступившим под лозунгами компартии Китая.

Подходя к изучению китайской армии с европейскими мерками, в резидентурах часто допускали существенные ошибки. Когда поступала информация, в том числе и агентурная, что в той или другой части солдатам за восемь-девять месяцев не платили жалованья, и на этой почве в части назревает бунт и идет массовое дезертирство, то такую часть, казалось бы, совершенно обоснованно при подсчете сил противостоявших сторон в расчет не принимали. А если и принимали, то рассматривали ее не только как потерявшую боеспособность, но и способную перейти на сторону противника во время боя. На деле же получалось все наоборот. Во время боевых действий такие части оказывались и боеспособными, и вполне надежными, кроме того, к моменту начала вооруженных столкновений в эту часть возвращались и дезертиры.

Специфика китайской действительности состояла в том, что неуплата жалованья в армии была явлением вполне нормальным. И более того, задержка выплаты денег за несколько месяцев служила для генерала инструментом, заставлявшим своих солдат лучше драться, так как с началом боевых действий генерал начинал более или менее регулярно платить жалованье.

У каждого солдата, кроме того, появлялась возможность и получить часть заслуженных денег от начальства, и заняться грабежом, на что в мирное время у него не было никакой надежды. Единственное средство борьбы с неполучением денег в мирное время были бунт или дезертирство с оружием к хунхузам. Любопытнее всего, что во время мятежа никто из виновников задержки жалованья не страдал, а жертвами насилия становились местные жители, грабежом которых солдаты стремились наверстать упущенное.

Зачастую в бунте солдат принимал участие и командный состав до командира полка включительно, который в большинстве случаев часть из денежных средств, отпускавшихся генералом на денежное довольствие солдат, присваивал себе.

Таким образом, возможность восполнить недостаток жалованья во время войны имела полная, так как грабежи – неизбежные спутники китайской смуты (вот почему к началу боевых действий в части возвращались дезертиры). И именно поэтому китайские солдаты предпочитали войну мирному времени.

Значение и влияние высшего командного состава в китайских армиях очень хорошо учитывалось китайскими милитаристами и политиками. У каждого более или менее значительного генерала противники старались иметь кого-либо из своих сторонников-осведомителей, чаще всего таковым являлся один из советников генерала. Наибольшее количество таких осведомителей среди советников у своих противников-генералов имел У Пэйфу. Однако осведомленность о намерениях своих противников не спасла У Пэйфу в 1926 г. от поражения, которое, впрочем, как и все предыдущие, оказалось временным.

Разведчикам для изучения китайского генерала необходимо было знать не только его политическую окраску, но и родственные связи, привычки, характер, также следовало выяснить политическую окраску его советников (особенно первого).

Если среди советников попадался кто-нибудь отличавшийся по своим политическим взглядам от той клики, к которой принадлежал его генерал, то такого человека можно было вербовать для работы на ту милитаристскую клику, которой он сочувствовал или уже сотрудничал с ней. Советников и адъютантов генералов охотнее всего вербовали японцы и англичане, так как от них можно было получить наиболее правдоподобные сведения о патроне.

Немало сведений можно было получить, завербовав старшего боя (старшего слугу) генерала. Институт старших боев в Китае был очень распространен и влиятелен. Часто случалось, что даже важные персоны, прежде чем обратиться к кому-либо из власти имущих с просьбой,

долго обхаживали через подставных лиц его старшего боя. Это делалось не только для того, чтобы определить подходящий момент для просьбы, но и для предварительной подготовки генерала к ее выполнению. Однако завербовать старшего боя было очень непросто. Пекинской резидентуре так и не удалось завербовать старшего боя Чжан Цзолиня, хотя на его вербовку было затрачено очень много сил и энергии.

Японские разведчики использовали для работы не только старших боев, но и младших, последние выполняли всегда роль наблюдателей за более крупными агентами, работавшими по заданиям японцев, и чем крупнее был агент, тем большим было количество за ним наблюдавших (за агентом японцев в штабе У Пэйфу, например, следили три агента-наблюдателя). Этот способ организации агентуры избавлял японцев от неверных сведений, а обходился он недорого: младшему бою-наблюдателю японцы платили от пяти до восьми мексиканских долларов.

Для получения положительных результатов при вербовке боев не следовало исключать возможность использования шантажа. Полезно было вокруг «клиента» создать такую атмосферу, будто его скоро собираются уволить, но при некоторых условиях есть способ этого избежать. Таким образом, пекинской резидентурой был завербован старший бой генерала 2 – й национальной армии. Для вербовки боев большую роль мог сыграть игорный или публичный дом, который он посещал.

Японцы и американцы, поддерживая какую-либо одну из враждовавших группировок, никогда, в отличие от советских спецслужб, не прерывали связи с противниками поддерживаемой ими группировки. Так, во всех национальных армиях в момент их борьбы с мукденской и чжилийской кликами одновременно с советскими военными советниками были японские советники и обязательно американские «коммерсанты».

В одной из мукденских газет про Фэн Юйсяна было написано: «Фэн на большевистских штыхах, американском кресте и японских деньгах думает забраться на президентское кресло Китая».

Слагаемые, определявшие политическую физиономию и деятельность главы той или иной милитаристской группировки, складывались из целого ряда факторов. Прежде всего это влияние иностранцев, затем устремления его приближенных советников и китайских политических деятелей, стремящихся использовать данного генерала в своих интересах, это и в какой-то степени влияние торговых палат подчиненных ему провинций, и, наконец, позиция самого лидера, не всегда совпадавшая со всем вышеперечисленным.

Непреложно было одно: все китайские генералы, под чьим бы влиянием они ни находились, всеми силами старались перехитрить своих покровителей и избавиться в конечном счете от их опеки.

Этим и объясняется, что у каждого крупного милитариста во всякое время имелись представители и советники не одной и даже не двух иностранных держав. Так, у Чжан Цзолиня при полном его подчинении японцам очень заметную роль играл генерал Соттен, англичанин. Чжан Цзолинь старался при помощи англичан если не избавиться от влияния Японии, то хотя бы ослабить его. И в то же время был не прочь под благовидным предлогом вновь завязать с Советским Союзом дружественные отношения. Он прекрасно понимал, что, играя на противоречиях указанных стран, можно в конце концов избавиться от всякого влияния.

Отсюда следовало, что для уяснения политики китайских генералов мало было знать политику самих генералов, нужно было также отслеживать политику тех иностранных правительств, которые поддерживали того или иного генерала. Военную мощь каждой милитаристской клики можно было выявить только в том случае, если удавалось установить, какие имелись внутри этой клики политические группировки и к кому они тяготели, а также наличие у этих группировок сепаратных связей с иностранцами.

Для определения экономической мощи той или иной милитаристской клики нужно было изучать экономику всей подконтрольной ей территории. Интересовавшая разведку информа-

ция находилась в торговых палатах, во всевозможных налоговых учреждениях (каковые в разных провинциях были различны), на предприятиях и фабриках.

Следовало также знать, что ни один из китайских генералов не тратил своих личных средств на ведение войны, если не считать покупки оружия. Нужно было отдать им должное: средства на ведение войны они умели выколачивать, как никто другой, и не останавливались ни перед чем для добывания нужных финансовых ресурсов. Подати с крестьян взимались за несколько лет вперед, торгово-промышленная буржуазия облагалась непомерно высокими налогами, выпускались на миллиарды юаней бумажные деньги с обязательством для всех их принимать, а всех сопротивлявшихся приему этих денег без долгих разговоров отправляли на виселицу и конфисковывали их имущество.

Свои же личные средства каждый китайский генерал хранил как резерв на случай вынужденного отъезда в Европу, Японию или Америку. Первый признак плохих дел у китайского генерала – это отправка денег за границу, чего ни один из них не старался скрывать, а даже афишировал. Часто случалось, что тот или иной генерал не мог продолжать борьбу из-за отсутствия средств и в то же время переводил огромные суммы за границу, куда вскоре и удалялся. Но это не означало, что в подходящий момент он не вернется на родину, чтобы вновь принять участие в перманентной гражданской войне.

Именно в штабах этих генералов или в их окружении и следовало вербовать агентуру. Круг этих лиц был весьма ограничен.

Высшие военные управления центрального (пекинского) правительства – Военное министерство, Главный штаб – при существовавшей децентрализации власти стали простой фикцией. Секретные вопросы текущего момента разрешались не аппаратом в целом, а замкнутым кругом лиц, пользовавшимся доверием господствовавшей в данный момент милитаристской клики.

Тем не менее, даже среди таких органов были структуры, которые представляли интерес для разведки. К таким структурам в 1924–1926 гг. был отнесен Военный департамент Управления (Цзюнь Утине) временного правителя Дуань Цижюя, поскольку в этом управлении переплетались все нити военно-политических интриг в форме секретной переписки временного правителя с дубанями – начальниками разных категорий. Особо секретные телеграммы с мест, попадавшие время от времени в Военный департамент Управления временного правителя, в аппарате этого департамента обычно не задерживались, а поступали в особо конфиденциальную канцелярию правителя на дому, где и обсуждались в весьма ограниченном кругу доверенных лиц. Политическое интриганство и беспрестанная борьба клик выработали эту своеобразную систему.

Мелкому чиновнику этого департамента по кличке «Ма» была предложена через агента-вербовщика работа по просмотру китайских газет с одним из сотрудников резидентуры, изучавшим китайский язык, на оклад 60 китайских долларов в месяц.

В течение двух месяцев шла постепенная обработка этого чиновника. Когда в газетах появлялись заметки по военной тематике, недостаточно полно освещавшие затронутый вопрос, высказывалось сожаление, что не представляется возможности получить более полные данные. Вскоре «Ма» сам начал подбирать газетный материал военного характера и время от времени пополнять его данными, полученными им на стороне. Когда таким образом отношения достаточно ясно определились, «Ма» было дано задание в форме «личной услуги» предоставить сведения об организации того учреждения, в котором он служил. После этого задания последовали другие, и, наконец, ему было предложено работать в качестве секретного сотрудника с окладом 90 китайских долларов.

Агентом были даны ценные данные о вооруженных силах провинций бассейна реки Янцзы. Особую ценность представляли перехватываемые им время от времени секретные телеграммы с мест. Благодаря этим телеграммам резидентура была информирована о развитии

борьбы на юге провинции Шаньдун, о роли У Пэйфу в этой борьбе, о формировании группы генерала Цзинь Юньэ¹³⁸, о развитии борьбы в провинции Сычуань. Сведения эти поступали в резидентуру задолго до того, как они становились достоянием прессы.

Роль временного правителя в процессе протекавшей в Китае борьбы постепенно свелась на нет. С мест прекратили поступать в управление секретные телеграммы, и наступил информационный голод. Политические центры переместились в штабы У Пэйфу, Чжан Цзолия, Фэн Юйсяна и Сунь Чуаньфана. Агент фактически прекратил доставку серьезных сведений, и работа с ним была временно приостановлена.

В Пекине находились малочисленные по составу представительства военных группировок, командированных в столицу. Эти представительства имели достаточно ограниченный круг обязанностей, а отсюда и ограниченный доступ к разведывательной информации. Они заключали также сделки с иностранными фирмами по закупке оружия, боеприпасов, снаряжения и т. п. Правда, в Пекине могли находиться представительства только тех милитаристских клик, которые признавали центральное правительство. Так, в период господства национальных армий в Пекине не было представительства У Пэйфу. Более того, милитаристы особо секретные дела решали не через свои представительства, а через специальные миссии, посылаемые в каждом случае отдельно.

Существовали официальные представительства и при так называемых правительствах какой-либо милитаристской клики. Представительства эти далеко не всегда были малочисленны, и среди них, как и в первом случае, при организации целенаправленной работы возможно было найти осведомителей. Обычно второстепенные члены представительств ничем не занимались, выполняя изредка незначительные поручения. От безделья они либо пьянствовали, либо, что бывало гораздо чаще, целые сутки играли в маджан.

Тут следовало уловить момент наиболее острой нужды в деньгах кого-либо из игравших представителей и его по-приятельски «выручить». Это давало шанс через неделю-другую привлечь его к сотрудничеству с разведкой. И когда он привыкал получать деньги, на первых порах даже за пустячные, часто придуманные им самим сведения, в дальнейшем можно было заставить его работать и как следует, т. е. выполнять определенные задания.

Игорные дома, где играли в маджан, являлись наиболее подходящим местом для вербовки крупного чиновника. Конечно, все это нужно было осуществлять через опытного китайца-вербовщика. Наиболее ценными осведомителями обо всех посетителях игорных домов были китаянки, прислуживавшие за маджаном, у которых нередко проигравший китаец перехватывал небольшие суммы денег и которые знали все про всех из присутствовавших. Эти китаянки и сами могли использоваться в качестве агентов, а не только давать наводки для вербовки. В большинстве своем это были европеизированные женщины, говорившие на двух и более европейских языках. Их часто после игры приглашали поужинать, а за ужином можно было услышать много интересного в плане информации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.